

Анна Клименко

Принцип высшего ведовства

Текст предоставлен правообладателем <http://www.litres.ru>

Аннотация

Как часто мы не верим в то, с чем до сих пор не сводила судьба. В то, что не довелось пощупать, осмотреть и досконально изучить под микроскопом. В то, что кажется выдумкой, пустыми суевериями.

А потом это неведомое, нерассмотренное и нетронутое догоняет тебя, заглядывает через плечо, обдает щеку холодным дыханием. Ты оборачиваешься, перед глазами темнеет от страха, сознание – возвращенное в садах нанотехнологий и Интернета – позорно уползает в темноту, словно улитка в свой домик.

Бегут мгновения. И то, что секунду назад казалось ожившим кошмаром, становится частью тебя. Далеко не самой плохой, даже наоборот. Ты осознаешь, что просто начинаешь быть чем-то иным, не человеком, и что в этом есть свои неоспоримые преимущества.

Это история обычной девушки, столкнувшейся с неизведанным. О двух друзьях, чья вражда длится вот уже несколько столетий. О колдовстве. И, конечно же, о любви, предательстве, прощении и обретении истинной свободы.

Анна Клименко

Принцип высшего ведовства

Как часто мы не верим в то, с чем до сих пор не сводила судьба. В то, что не довелось пощупать, осмотреть и досконально изучить под микроскопом. В то, что кажется выдумкой, пустыми суевериями.

А потом это неведомое, нерассмотренное и нетронутое догоняет тебя, заглядывает через плечо, обдает щеку холодным дыханием. Ты оборачиваешься, перед глазами темнеет

от страха, сознание – возвращенное в садах нанотехнологий и Интернета – позорно уползает в темноту, словно улитка в свой домик.

Бегут мгновения. И то, что секунду назад казалось ожившим кошмаром, становится частью тебя. Далеко не самой плохой, даже наоборот. Ты осознаешь, что просто начинаешь быть чем-то иным, не человеком, и что в этом есть свои неоспоримые преимущества.

Все это действительно так. Я могу подтвердить, потому что сама являюсь созданием, чуть большим, чем просто человек. Я – ведьма. И, смею вас заверить, я далеко не единственная в своем роде.

Эрик

Колдовство было его третьим «я».

К слову, второе «я» звалось Эриком, а первое, истинное, пряталось в глубинах прошлого, о котором временами хотелось навсегда забыть.

И оттого, что колдовство бежало по венам вместе с кровью, он без опаски распахнул дверь в квартиру, где остро пахло смертью.

...Два часа назад.

Мир съежился до размеров столовой. Джейн испекла булочки с корицей и цукатами. В центре стола, на яркой скатерти с подсолнухами, стоял оранжевый керамический чайник – горячий, полный кипятка. Джейн любила добавлять в чай мяту, мелиссу и лепестки роз, и запахи эти вились над столом вместе с прозрачными завитками пара, вступая в негласное соревнование с ароматом свежей выпечки.

И, конечно же, *она* сидела там. С усталым, но довольным видом, положив локти на стол. Медные локоны были собраны в тугую косу, которая змеей пламенела на фоне черного свитера, спускаясь чуть ниже лопаток. А в широко распахнутых глазах двадцатилетней женщины плескался один-единственный вопрос. Вопрос, который Джейн носила в себе вот уже сколько лет.

Почему?

Иногда Эрику казалось, что она заключила сделку с домом. Когда Джейн уезжала – ненадолго, проверить, как идет бизнес в Европе – дом пустел, становился угрюмым и неприветливым. И это невзирая на постоянное присутствие Бернарда. Тогда Эрик старался проводить большую часть времени на работе, а домой наведывался только для того, чтобы добрести до подушки и проспать до рассвета. Но стоило Джейн вернуться, как огромный особняк расцветал. В комнатах становилось светлее, носились в свете ламп золотистые пылинки, пахло апельсинами, розами и мятой, а еще – духами Джейн, совсем чуть-чуть. Дом радовался ее возвращению... Как будто назло собственному хозяину.

– Ты все-таки хочешь туда пойти? – тускло поинтересовалась она, положив упрямый подбородок на сцепленные пальцы рук.

Он не торопился отвечать. Молча взял белую фарфоровую чашку, из которой, по слухам, пил детоубийца Ричард Третий, сосредоточенно налил мятного чая.

– Это необходимо, Джейн.

Последовала просьба.

– Не ходи туда один.

– Ты за меня боишься? Или за себя? Ведь могу помереть раньше времени, – огрызнулся Эрик.

И тут же пожалел об этих невольно вырвавшихся злых и глупых словах. Свет в зеленых глазах Джейн погас, она обхватила себя руками за плечи, как будто в столовой гулял сквозняк.

– Не нужно так... со мной.

– Прости. Я не в себе. Вернее, правильно сказать – вне себя. Жду не дождусь, когда наконец будет позволено извести *вольных* до одного. Одни беды от этих самонадеянных выскочек.

– Не вижу особых бед, – Джейн упрямо оттопырила нижнюю губу, – их вина для тебя заключается в том, что они не торопятся покупать лицензию. Так?

Он медленно отставил чашку – чтобы, упаси господи, не пострадало историческое наследие – и попытался спокойно объяснить:

– Их вина, Дженнет, заключается в том, что из-за дурацких опытов умирают люди. В том, что из-за их необузданных желаний уже не один простой смертный отправился на небеса. Та, к кому я сегодня собираюсь навеститься, готовит вообще нечто экстраординарное – и лучше бы у нее ничего не вышло...

– Ты так заботаешься о простых людях, – насмешливо произнесла Джейн.

– Мне плевать на них, Дженнет. Но я люблю порядок, не больше и не меньше.

– Пожалуйста, не ходи туда один, – снова попросила она, хлопая длинными коричневыми ресницами. Ее губы сделались совсем белыми и бескровными от волнения.

– Сегодня моя ночь, мое дежурство. Ничего не поделаешь. Я бы предложил тебе прогуляться, но знаю, что с тебя толку будет мало – особенно там, куда я отправляюсь.

– Тогда не забудь подготовиться перед тем, как пойдешь... – беззвучно выдохнула Джейн.

Она поднялась из-за стола, текучим, плавным движением, и вышла из столовой, демонстративно цокая каблуками по паркету. Обиделась.

Эрик добрался до бара, налил себе пол стакана водки и залпом выпил. Спирт. Катализатор. Освобождает магию, стряхивает последние оковы с колдовства, кипящего в крови. Мера не обязательная, но желательная, особенно когда не знаешь, что ждет впереди.

...И оттого, что это самое колдовство весело бежало по жилам вместе с кровью, он без опаски распахнул дверь туда, где остро пахло смертью.

В самую обычную малогабаритную квартиру на втором этаже обшарпанной пятиэтажки.

Проклятые вольные. Они, видите ли, отрицают любой авторитет, не желают регистрироваться, презирают само существование лицензий, не думают о том, что надо бы учиться у тех, кто имеет опыт чародейства. И что в итоге? В итоге – оторванные головы, переломанные ребра, куски плоти, разбросанные по полу. Хорошо, если страдает только неумеха-чародей. Но всегда бывает, что первым с жизнью расстается человек невинный, то есть – *жертва*.

Предчувствие редко обманывало Эрика. Вернее, не обманывало никогда – но в одном вопросе все-таки не помогало, делая своего хозяина слепо-глухим.

Сейчас же интуиция буквально вопила о том, что последний акт трагедии уже завершился, и осталось только подчистить ментальные формулы и прибраться.

В узком коридоре было темно хоть глаз выколи. Стараясь не касаться стен (ощущение дешевых бумажных обоев на пальцах), перешагнув через брошенные посреди прихожей ботинки (кожзаменитель и синтетический мех), он ступил на истертый коврик. Обострившиеся до предела чувства сделали свет ненужным: плотно закрытая дверь из крашеной фанеры, запах подгоревшей картошки с маленькой кухоньки, шорох тараканьих лапок по плинтусу. Воздух едва не потрескивал от напряжения, и если это остатки – то даже думать неприятно о том, что здесь творилось часом раньше.

Сквозь приоткрытую форточку донесся надрывный вой сирены, Эрик замер – а ну как соседи вызвали милицию? – но затем двинулся дальше. Пусть даже и милицию, черт возьми. Он сумеет объяснить свое присутствие в этой каморке, и алиби тоже имеется.

Дверь, ведущая в зал, была запечатана. Неумело, как будто сумасшедший обмотал дверной косяк разноцветными нитками... кто знает, может, живущая здесь ведьма и не отличалась душевным здоровьем – иначе никогда не пошла бы на такое.

Эрик еще раз прислушался. За дверью – гробовая тишина, тянет кровавой горечью. Он неспешно, с оттяжкой рубанул по цветным ниткам, они осыпались на пол гаснущими искрами. Затем Эрик широко распахнул дверь, и, оглядев представшую перед ним картину, выругался.

Все здесь красноречиво указывало на только что проведенный ритуал вызова потусторонней сущности: нарисованная мелком пентаграмма, оплывшие алые свечи и два обнаженных женских тела, словно облитые черной глазурью. Ведьма и ее жертва, у одной разорвано горло, у второй чудовищная дыра в левом подреберье.

Он присел на корточки рядом с жертвой (почерневший след ментального тела), осторожно повернул ее лицом к свету. И шевельнулось в глубине памяти то, первое, истинное «я». Убивать, убивать их всех, как бешеных собак! Девушке было не больше шестнадцати, совсем еще ребенок, чем ее только ведьма соблазнила?! Хотя шестнадцать – это тот безрассудный возраст, когда сам себе кажешься бессмертным...

Перед глазами прыгали мошки. Ярость – безысходная, темная, колкотала ведьмовским зельем и требовала выхода. Было бы можно – уже занялось бы все пламенем. Но не спалить же всю пятиэтажку, а заодно и ее жителей только потому, что здесь объявилась одна самонадеянная дура, причислившая себя к так называемым «вольным»?

Глубокий вдох. Спокойный выдох.

Эрик медленно поднялся, прикидывая в уме, что здесь можно сделать и как замаскировать следы убийства – в этот миг что-то серой тенью мелькнуло на самой границе зрения. Мохнатое, огромное... Демон, черт его побери, который все-таки остался в этом мире. Не иначе как для того, чтобы доесть два еще теплых тела.

Бросок яркого, огненного, энергетического сгустка. Громкое, словно досадливое, тьяканье – и огромная туша, со звоном высадив стекло, тяжело шлепнулась на асфальт двумя этажами ниже, чтобы сбежать. А по пути рвать на куски все живое.

Эрик метнулся к окну, но только и успел заметить, как серое нечто, галопируя по асфальтовой дорожке, скрылось в недалекой рощице. Молоденькая ведьма, чей труп лежал в углу, все же преуспела: ухитрилась вызвать из-за границы бытия нечто особенное и весьма могущественное.

Ругаясь в полный голос, Эрик прогрохотал тяжелыми ботинками по темной и сырой лестнице, выкатился в слякотный мартовский вечер. Оставалось только молиться, чтобы монстр никого не встретил. Кто знает, какую силу влила в него жертва? Да еще и ведьма наверняка наделила его своим могуществом – иначе демон уже давно бы вернулся к себе, в свой план бытия...

Хвала судьбе, на улице было пустынно. Фиолетовые сумерки заполняли узкие улочки микрорайона, свежий ветер рвал воротник пальто, путался в рукавах. Эрик добежал до рощицы из десятка хилых деревьев, замедлил шаг. Из этого жалкого подобия сквера за версту несло демоном. Да еще каким!

Так, без паники. Зверь почти пойман. Осталось немного: захватить его в «клещи» и выбросить за пределы этого мира. Мелькнула мысль о том, что демон силен, непомерно силен – учитывая, что ушел после колдовской атаки... Эрик медленно, очень медленно двигался вперед. Где-то близко, в сплетении теней, под гнилым пеньком... Да-да, такая туша – и под пнем уместилась.

– Вот ты где, мой сладкий, – пробормотал Эрик, швыряя в дымчатую тварь еще один сгусток огня.

Из-под вспученных корней взвился столб черного дыма, мгновенно осел в жидкую глину и начал обретать форму гигантской мохнатой груши. Наверху, на маленькой голове прорезались два мерцающих глаза, бесформенный рот, полный трубчатых зубов...

Эрик зажмурился. Трудно рвать ткань мира, даже крошечную дырочку провертеть сложно. Особенно без предварительного ритуала. Сердце зашлось в дикой пляске, перед глазами потемнело, во рту мгновенно собралась горечь, как будто разжевал желчный пузырь. Но бело-розовая мембрана все-таки поддалась, разошлась в стороны, открывая проход – туда, куда лучше и не заглядывать.

– Пошел вон, – процедил Эрик положенные в таких случаях слова, нацеливаясь пальцами в застывшего демона, – ты не от мира сего, убирайся!

Тварь дернулась, как рыба на крючке. Подалась в сторону, как Эрику показалось, к

разрыву. Горло сжалось, вверх, к небу, покатила горячая волна – «ну давай, давай! Чего уставился?!»

И Эрик гаркнул, выплевывая вместе с кровью:

– Пошел вон! Пошел...

Перед глазами, в стремительно сужающемся свете пятне, мелькнула зубастая серая морда. Демон решил двигаться – но только не в сторону своего дома, а на врага.

«Его должно затянуть», – успел подумать Эрик, падая навзничь под неожиданно мощным ударом.

О себе колдун не беспокоился, и в темноте беспомощности таяло лишь сожаление о том, что не смог, не успел найти...

...Пусть продолжается бал

Мой день рождения, двадцать пятый по счету, удался на славу. Это значило, что коллеги поздравили, начальница, которую все за глаза звали Цаплей, задержалась после работы, чтобы отметить с нами. Разошлись около десяти – исключительно потому, что явился вахтер и принялся напоминать о необходимости очистить помещение. В результате я возвращалась домой почти в кромешной темноте, то и дело оскальзываясь в грязи и мысленно радуясь тому, что на ногах все-таки оказались кроссовки, а не вечерние туфельки на шпильке.

Хотя... что это я? Не люблю вычурной обуви на высоком каблуке. Кроссовки или мягкие кожаные туфли, вот что я предпочитаю на самом деле.

Я возвращалась домой.

В марте погода то и дело радует либо дождем, либо мокрым снегом, но сегодня небо оказалось чистым, с россыпью далеких звезд и голубоватым рожком месяца. К утру могло и приморозить, а сейчас под ногами хлюпало и чавкало. Так бывает, когда после дождя переходишь место ремонта теплотрассы, которое каждый раз забывают заасфальтировать.

В кармане привычно тренькнул мобильник, пришло сообщение. Я приостановилась, добыла телефон – так и есть, поздравления от сестрички. «Дорогой Вареник, желаю тебе всего-всего, большой зарплаты и огромнейшей любви». Танюха, как говорится, ничуть не изменила своему амплу: она в миллионный раз обозвала меня вареником и, как минимум в сто десятый пожелала любви и денег. С ее точки зрения это как раз и были те самые две половинки счастья, которых не хватало старшей сестре.

Спасибо, Танька. Ты – единственный человек в этом мире, на которого я могу положиться как на себя. Невзирая на обидное, но уже привычное прозвище «Вареник». Я и не похожа ничуть на этот продукт из теста. Может, в детстве и было внешнее сходство, а теперь – нет, никакого... Разве что самую малость?

Я спрятала свой старенький, изрядно потрепанный жизнью мобильничек, и зашагала дальше. Под ногами звучно чмокала жидкая глина, но на сердце по-прежнему было тепло и уютно; давали о себе знать выпитое шампанское, конфеты, поздравления и мысли о том, что двадцать пять – это классный возраст.

Путь мой лежал сквозь жиденькую рощицу из нескольких ясеней, насквозь прошитую лимонным светом далеких фонарей, по грунтовой дороге, а затем – по старой брусчатке, до пятиэтажек. В одной из них я невероятно дешево приобрела квартиру, и, помнится, целую неделю находилась в эйфории от удачной покупки. Так и жила там, вот уже второй год. Все-таки это счастье, когда имеешь собственную жилплощадь.

Я отчаянно балансировала в хорошо вымешанной за день грязи и уже предвкушала, как улягусь под теплый плед с чашкой горячего чая и шоколадкой, как вдруг...

Нет, это просто не могло быть правдой. Наверное, померещилось.

Я замерла, судорожно вцепившись в сумку. Во рту внезапно стало кисло, а под ребрами все стянулось в болезненный узел.

В десяти шагах от меня, под ясенем, лежал в грязи человек. И дело даже не в том, что

он неподвижно лежал – мало ли здесь бродит любителей распить бутылочку-другую? Но рядом... над ним... Нависало нечто. Серое, обросшее густым мехом. И – расплывчатое, словно кто-то напрочь выкрутил у меня в глазах резкость.

Прошло мгновение.

Я поморгала, судорожно соображая, что делать дальше. Внятных мыслей не было, все они разом телепортировались куда-то в недостижимые дали, оставив меня одну, в полном недоумении и растерянности.

Существо – если, конечно, оно действительно присутствовало не только в моем воображении – зыркнуло в мою сторону, показало кошмарного вида зубищи... А затем отскочило от жертвы и метнулось в кусты.

Ни единой веточки при этом не шелохнулось.

Я на всякий случай потеряла глаза, наклонилась и подняла из грязи камень размером с кулак. Ну, мало ли что...

Во рту по-прежнему было мерзко, ноги подгибались, и пальцы сделались ватными, неловкими. Человек на земле не шевелился. Серая тварь больше не появлялась.

Господи, а что дальше-то делать?

Идти вперед – страшно.

Стоять посреди крошечной рожицы – и того страшнее.

Подойти к «телу»? И противно, и ненужно. И тоже... страшно.

Потому что в тот миг мне показалось, что свалила того человека совсем не бутылка дешевого самогона, нет. Я прямо-таки нутром почувствовала, что все дело в странном существе. Вспомнила небезызвестные «X-files». В панике огляделась, сжала крепче камень.

Что делать, что делать... Жить в роще не останешься. И вокруг вроде бы никого – ни людей, ни зверей, ни обросших шерстью монстров.

Я медленно, очень медленно приблизилась к жертве чудовища. Было темно, но у пятиэтажек горели фонари, желтые конусы резали мрак, словно желе, и потому я сумела кое-как разглядеть пострадавшего.

Темные, коротко стриженные и взъерошенные волосы, тщательно выбритый подбородок, лицо кажется белым, словно гипсовая маска. Черные брови вразлет, красивый, нервный нос с небольшой горбинкой. Из приоткрытых губ глянцевой змейкой тянулась кровь, и белоснежный свитер весь набух, напился этой кровью... Я выругалась. Господи, и как же хорошо день начинался! Двадцать пять, все еще впереди, коллеги уважают, начальство ценит. И тут – получите. Свеженький труп на ночь глядя. Что делать-то?

Холодея от ужаса, я присела на корточки, свободной рукой притронулась к шее мужчины. Кожа еще хранила тепло, но пульс, похоже, отсутствовал. Я начала тихонько покусывать от страха, повернула голову мертвеца набок. Черт! Черт... Красивый молодой мужчина... был... А теперь, теперь?.. Полицию вызывать, что ли? Скорую? Хотя... на кой ему скорая? Хм...

Я кое-как нащупала в кармане куртки телефон, а сама все озиралась по сторонам. Вдруг опять появится серое нечто, которое – в чем я уже не сомневалась – убило этого парня? Но вокруг темнели только силуэты молодых деревьев, на шелковом небе блестел тоненький серпик месяца, и под ногами по-прежнему чавкала мартовская грязь... Я кое-как набрала заветное «02» – там, само собой, было занято. Начала было набирать «неотложку» – но тут же почувствовала, как онемела и замерзла рука, словно ее полчаса держали во льду.

– Не нужно, – донесся едва различимый шепот, – не нужно никому звонить.

Мамочки.

Я сдавленно пискнула, подалась назад – и, конечно же, села в лужу, в самом прямом смысле.

Недавний мертвец приподнялся на локте и смерил меня любопытствующим взглядом.

– Не надо никого звать, – тихо повторил он.

Холодная вода пропитала джинсы, подобралась к пояснице – и это слегка отрезвило. Я

кое-как поднялась, механически отряхнулась.

Черт.

Белый свитер очнувшегося трупа был в крови.

И воротник пальто напился, как губка...

А в черных блестящих глазах вдруг блеснуло любопытство к моей скромной персоне.

Наверное, в те бескончаемо долгие мгновения выглядела я дико.

– Пожалуйста, никуда не звони, – повторил он, видимо, сомневаясь в моей способности здраво воспринимать действительность, – если не трудно, помоги мне подняться. Не бойся, я... я ничего не пил. Ничего не курил и не колослся. Мне... просто стало плохо.

– А что это за монстр на вас... на тебя напал? – кое-как выдавила я.

Он вскинул брови.

– Ты видела монстра? – и как-то очень внимательно на меня посмотрел.

– Ну да, – я переминалась с ноги на ногу, – такое серое и лохматое... Может, все-таки милицию вызовем? Вдруг он вернется?

– Сомневаюсь, – парень вдруг нахмурился, – я ничего такого не помню. Ничего ты такого видеть не могла... не должна... не должна была спугнуть...

Последние слова он пробормотал очень тихо, как будто в глубокой задумчивости.

– Э-э-э, кажется, я не могла его испугать, – перед глазами так и стояли акульки зубы в два ряда, – но то, что вы... ты... не пострадал, это конечно замечательно.

– Помоги мне подняться, – попросил он быстро представился, – меня зовут Эрик.

– Валерия, – руки у него оказались горячими, пальцы – сильными.

Эрик оказался выше меня почти на голову, тяжело оперся на мое плечо.

– И куда... мы пойдем?

Я внезапно осознала, что пальто у него дорогое, кашемировое, а на запястье золотом блестят часы «Рад», которым цена несколько тысяч пресловутых «у.е.». Пахло от Эрика тоже чем-то дорогим. Вот вам и бомж-алкоголик...

– Помоги мне добраться домой, – тихо сказал он, – сегодня, похоже, особенный вечер... иначе и не скажешь.

Я тихо вздохнула. Похоже было на то, что этой ночью мне и вовсе не добраться до любимого дивана, а шоколадка так и останется лежать в холодильнике.

* * *

Такси, желтая с черными шашечками «Волга», приехала минут через десять. Пока я кое-как утрамбовывала Эрика на переднем сиденье, дородный и лысый таксист усердно помогал советами вроде «как бы всем разместиться, но не перемазать кровью салон».

А моему новому знакомому было плохо. Настолько, что он то и дело начинал соскальзывать в пропасть беспомощности, взгляд становился мутным, бессмысленным. Приходилось его трясти, тормошить, заглядывать в лицо – «Эрик, пожалуйста, давай доедем до твоего дома. Или, наконец, вызовем неотложку. Только оставайся с нами, не уходи».

Наконец мне удалось пристегнуть его, правда, теперь уже и рукав моей куртки оказался в липких бурых пятнах.

– Кресла мне измажете, – бурчал таксист, поблескивая толстенной золотой цепью на поросычьей шее, – платить-то есть чем?

Эрик шевельнулся, полез рукой в карман. В тусклом свете я увидела зелень купюры в сто евро, и новенькая хрустящая бумажка тут же перекочивала в ловкие пальцы водителя.

– Салон почистишь, – добавил шепотом Эрик.

– Куда едем-то? – казалось, таксист изрядно подобрел.

Эрик назвал адрес на окраине города, я забралась на заднее сиденье, и поехали. Благо, наш городок был по-прежнему невелик, и пересечь его от края до края можно было минут этак за сорок.

– Эк тебя, – таксист прочистил горло, готовясь к длительному монологу, – болен чем,

что ли?

«Волгу» тряхнуло на ухабе, голова Эрика беспомощно мотнулась, и мне показалось, что он снова «уходит».

«Потерпи, потерпи до дома» – мысленно взмолилась я, а вслух мстительно сказала:

– Туберкулез. Открытая форма.

– Да ну-у, – протянул неуверенно таксист. Затем отодвинулся от Эрика насколько мог, приоткрыл свое окно и умолк. Никаких вопросов больше не задавал.

А я, глядя на белые пальцы Эрика, на его дорогие часы, крепко призадумалась. О чем? Да хотя бы о том, за что на меня свалились все эти приключения. Разумеется, кто-нибудь другой сказал бы – дура, счастья своего не понимаешь. Изловила принца почти что на белом коне и не рада. Ну, не на белом, конечно, но теперь уже было видно, что мой новый знакомый – из тех, что деньги не считает и уж конечно же не сидит целыми днями в офисе.

Да, верно. Другая бы особь женского пола уже прыгала бы от восторга, хлопала ресницами и писала на эриковой визитке номер своего телефона. Разумеется, алой помадой.

И в то же время... Чем дольше я наблюдала за Эриком, тем больше хотелось куда-нибудь сбежать. Подальше – чтобы не нашел, и чтобы никогда не встретить случайно. Желание это было странным, рвалось из подсознания, замирало в груди неприятным холодком. К чему бы?

Эрик не сказал и не сделал ничего плохого. Был безукоризненно вежлив – хотя в его положении по-иному и не получилось бы. Был... все-таки очень красив, но не той, классической красотой, которую мы встречаем на обложках глянца, отнюдь. Его привлекательность... Уже казалась демонической, темной. От него буквально исходили флюиды опасности, горькой как полынь, но одновременно желанной как глоток воды в жаркий вечер...

Что за бред!

Я передернула плечами и уставилась в окно. «Волга» бодро катила по полупустым улочкам небольшого города, и по моим подсчетам оставалось нам ехать минут пятнадцать.

Быстрый взгляд на Эрика – он уткнулся подбородком в грудь. То ли просто задремал, то ли в обмороке...

«Ничего, до дому доживет», – я прикусила губу, – «но что же с ним стряслось? Неужели тварь? Да еще, черт возьми, рядом с моим домом?! И вообще, что он делал в рошице? Совершенно один, без машины?»

В моем представлении обладатель часов «Радо» был просто обязан ездить на черном джипе с тонированными стеклами.

Эрик словно почувствовал мои мысли и взгляд. Встрепенулся, повернулся ко мне.

– Валерия... С тобой раньше ничего странного не приключалось?

Я пожала плечами.

– Да нет. Ничего такого...

– А среди родных? – с трудом выдохнул он.

– И среди родных тоже.

– Жаль, – он откинулся назад, – все было бы проще.

«Бредит?» – я поглядывала в окно.

– Почти на месте, – подал голос таксист.

– Очень хорошо, – холодно отозвался Эрик, – надеюсь, салон не сильно пострадал.

Воцарилось молчание. Мимо промелькнули серые, мутные силуэты одноэтажных домов, темно-красные трехэтажные коттеджи, которые появились здесь совсем недавно... И такси остановилась перед белокаменным забором в два человеческих роста высотой.

– Сюда? – на всякий случай уточнил таксист.

Эрик молча кивнул.

Последовала процедура извлечения Эрика из салона «Волги», затем машина укатила, сердито обдав нас выхлопами.

Ну вот. Сейчас произойдет появление Валерии Прекрасной во дворце. В мокрых и

заляпанных жидкой грязью джинсах. Буду топтать по сверкающему паркету и оставлять мокрые следы. Черт!

Эрик медленно заковылял вперед, ощутимо опираясь на мое плечо. Пахло от него кровавой горечью и дорогим одеколоном, что наводило меня на мысли весьма и весьма нерадостного содержания. Мол, веду я домой маньяка...

Стоп. А почему именно маньяка? Откуда это странное, необъяснимое чувство опасности? Ведь жертву волоку на себе, человека больного, нуждающегося в помощи и сострадании!

Мы остановились перед ажурным плетением высоких ворот.

– Что такое? – тихо осведомился он, шаря в кармане, – ты дрожишь.

– Э-э, может, мне пора?

Надо же, он даже чувствует, как мне не по себе стало.

– Пожалуйста, пойдем. Сегодня ты будешь моей гостьей.

Я сглотнула.

Пойдем, как же.

Сейчас выбежит, стуча каблуками, жена. А за ней – выводок ребятишек, избалованных роскошной жизнью... Неприятная будет сцена. Потому как ни одна жена ни за что на свете не проникнется теплыми чувствами к женщине, *спасшей ее мужа*. Мне еще Танька об этом постоянно трещит, стоит только к родителям заехать. Все напоминает, как однажды помогла какому-то парню, ему плохо стало в автобусе, и как потом его белокурая супруга-ангел чуть глаза не выцарапала.

– Ты... не один там живешь? – осторожно спросила я.

Замок тихо щелкнул и открылся, пропуская нас внутрь, на широкий, отсыпанный мраморной крошкой подъезд.

– Конечно не один, – бодро заверил Эрик, – со мной живет Бернارد, что-то вроде эконома... И Джейн. Что-то вроде горничной.

– Джейн? Она что, иностранка?

– Бернارد – швейцарец, Джейн из Великобритании, – тихо подтвердил Эрик, чувствительно опираясь на мое несчастное плечо, – она хорошая девушка...

– Ну, не сомневаюсь, – буркнула я.

Я вовсе не планировала завоевывать сердце миллионера. Я бы многое отдала, чтобы очутиться сейчас на любимом диване, под теплым пледом, с чаем и шоколадкой.

И мне вовсе не нравилась перспектива собирать неприязненные взгляды всяких там... Джейн. В том, что они будут, я не сомневалась.

* * *

И как же я ошибалась!

В смысле, насчет неприязненных женских взглядов.

Стоило ключу повернуться в замочной скважине, как по ту сторону двери загрохотали тяжелые мужские шаги, и тут же эхом – звонкое тук-тук-тук, шпильками по твердому дереву. Эрик потянул на себя дверь, а в образовавшуюся щель тут же высунулась взлохмаченная голова мужчины лет пятидесяти. Я хорошо его рассмотрела: высокий лоб с залысинами, крупный нос, кустистые черные брови, из-под которых хитро поблескивали темные глаза. Черные, с проседью, бакенбарды... Мда. Как раз бакенбардам позавидовал бы и сам Базаров, бессмертный герой вечного конфликта отцов и детей.

– Херр Эрик, – произнес он растерянно. Окинул меня мимолетным взглядом, как будто я здесь присутствовала исключительно как деревянная подпорка для хозяина. – как же так, а? О, майн Готт, что же вы так?..

– Ну, вот так, – Эрик кивнул, –пусти нас.

Опомнившись, Бернارد втащил нас в дом, ловко перенял у меня хозяина, и все продолжал причитать:

– Как же вы, херр Эрик? Вы совсем, совсем позабыли об осторожности! А что могло случиться... Я даже думать не хочу!

Я почувствовала спиной чей-то взгляд, резко обернулась – ну конечно! Рядом с пунцовой портьерой стояла молоденькая девушка, светлокожая и рыжая, как и подобает истинной англичанке. Она молча разглядывала меня, но на ее веснушчатом личике я не увидела ни тени ревности или злости. Смотрела на меня эта Джейн... Совершенно равнодушно. Почти как Бернард.

Воспользовавшись заминкой, я все-таки не удержалась, еще раз окинула взглядом горничную миллионера. А что, премиленькая девица, и фигурка что надо – совсем не тощая. Черты лица – приятные, губы – полные, соблазнительные, но сейчас равнодушно сомкнутые. Она была одета в черную водолазку и такие же брюки, яркие волосы повязала в два хвостика, совсем как школьница.

– Джейн. Позаботься о нашей гостье, – донесся до моего слуха низкий голос Бернарда.

И тут английская куколка внезапно ожила, натянуто улыбнулась и шагнула навстречу, протягивая руку.

– Мисс... Nice to meet you! How are things? What's your name?

Язык туманного Альбиона я кое-как знала, за что меня и ценило начальство. Я осторожно глянула в светло-зеленые глаза Джейн, увидела в них исключительную скуку – ну как же, хозяин очередную девку привел! – и кротко ответила:

– Валерия.

– Pleasure to meet you... Lera, – вежливо улыбнулась Джейн. А затем, уже на неплохом русском, продолжила, – позвольте, я проведу... вас... в гостиную.

И Джейн потянула меня куда-то в сторону – тогда как Бернард уже поволок Эрика в противоположном направлении.

– Мм... Я бы разулась, – выдернув руку из нежных, но очень цепких пальчиков англичанки, я наклонилась, сбросила кроссовки.

Все-таки неприлично бродить по шикарному ковру в грязной обуви.

– Это так хорошо, что вы помогли хозяину, – равнодушно сказала Джейн, – один бы он так и остался... там...

– А что, с ним такое часто бывает?

Мы двигались по широкому коридору. И чем дальше я уходила от входной двери, тем сильнее было ощущение эдакого погружения в век... Допустим, позапрошлый. Под ногами – ковер, стены – в деревянных панелях. Словно ветви в лесу, торчат по обе стороны канделябры. А свет – мягкий, золотистый, струится словно отовсюду. Впрочем, умело сделанная подсветка для меня была не в новинку. В наше время чего только не придумают! Пахло здесь... Корицей, апельсинами, мятой и хвоей, эдакий рождественский букет ароматов, отчего-то навевающий мысли о сдобных булочках к свежесваренному чаю. Желудок вяло напомнил о том, что после всех треволнений можно было бы и подкрепиться, но – помилуйте! – не выпрашивать же еду у этой ледяной английской девы?

– Периодически, – сдержанно ответила Джейн, – в прошлый раз его с трудом нашли.

Мы остановились перед первой дверью, она распахнула ее передо мной, затем включила свет.

– Будьте любезны, подождите здесь. А я сейчас принесу кофе и бутерброды.

– Спасибо.

Джейн ушла совершенно неслышно, словно испарилась. Я же прошла вглубь гостиной.

В отличие от коридора, здесь все было ультрасовременным: темно-синий мягкий гарнитур, белые стены, такой же белоснежный ковер под ногами. Огромная плазменная панель на пол стены, стеклянный журнальный столик – мне сперва показалось, что кипа глянцевого журналов парит в воздухе, и только разглядев прозрачные ножки, я с облегчением вздохнула. На стене, под стеклом, висела небольшая картина, очень старая, судя по манере письма. Так писали Рафаэль и его ученики: изображение на полотне сильно походило на цветную фотографию.

Я подошла к картине ближе: на меня задорно взглянула кареглазая девушка. Каштановые волосы, блестящие и волнистые, обрамляли ее улыбающееся лицо. Ямочки на щеках, маленькая ямочка на подбородке, маленький чуть вздернутый носик. Шею украшали три нитки жемчуга, а сережек не было – но зато такой же прекрасный жемчуг светился в темных волосах, по кромке большого черепахового гребня.

«Интересно, кто это?» – я отошла от картины. На цыпочках. Как будто могла побеспокоить безмятежный покой улыбчивой красавицы.

А настроение вдруг испортилось, в голову полезли непрошенные мысли о скоротечности нашей жизни, и о том, что наверняка от этой девушки теперь остался лишь скелет да вот это лицо, навеки запечатленное на холсте...

От продолжения печальных раздумий меня спасла Джейн с подносом.

– Пожалуйста, садитесь. Кофе, бутерброды, сыр, ветчина, – бойко протараторила она.

Ох. Как же я сяду на этот прекрасный и дорогой диван, когда перед этим уселась в лужу?

Но Джейн, умница Джейн, помогла мне и тут:

– Хозяин просил вас переодеться, пока я приведу в порядок вашу одежду.

– А как он... сам?

– Он чувствует себя значительно лучше, – нейтральным тоном заверила Джейн.

И было совершенно неясно, сопереживает ли она своему хозяину. Вернее, я бы поставила вопрос не так: невозможно было определить, любит ли она его или... наоборот, ненавидит.

Я пощупала джинсы. Мокро и грязно, что правда то правда.

Но затеваться с переодеванием в чужом доме? В особняке мужчины, имя которого мне известно не более, чем час?

– Не беспокойтесь, Лера, – во взгляде Джейн впервые появилось нечто, похожее на сочувствие, – господин Эрик есть человек исключительной порядочности. Кажется, так это звучит по-русски. Он спустится сюда... Когда сможет. Чтобы вы чувствовали себя более комфортно, он предложил переодеться.

И я сдалась.

Потому что устала, потому что мне и правда хотелось немного отдохнуть на красивом синем диване, прикоснуться щекой к гладкой и мягкой обивке...

Через пять минут Джейн принесла мне совершенно новую махровую пижаму, удобные штаны и кофту с длинным рукавом. Она даже деликатно отвернулась, пока я облачалась в это одеяние. Оно оказалось чуть больше, чем нужно – но какая разница? И наконец я смогла присесть, взять чашку горячего кофе и тоненький ломтик хлеба с ветчиной.

– Отдыхайте, – Джейн подхватила мои несчастные джинсы, – но если интересно, можете осмотреть дом. Хозяин просил передать, что вы вольны прогуливаться...

И тут же подмигнула:

– Здесь можно увидеть много интересных вещей. Эрик... он большой любитель старины. Если, конечно, вам это небезынтересно.

Это был первый раз, когда она назвала его по имени.

В гостиной пахло апельсинами, корицей, кофе.

* * *

Я честно прождала до полуночи. Глаза слипались, желание свернуться клубочком и заснуть стало почти необоримым. И – тишина. В комнате, в доме. Никого вокруг, ни Джейн, ни Бернарда, ни Эрика.

К тому же, я теперь осталась без одежды и даже без сотового – он по недосмотру уплыл от меня в кармане куртки, которая, в свою очередь, была отдана в мягкие руки Джейн – «я почищу ее, Лера».

Что прикажете думать?

Мда. Ночка выдалась веселой: сперва мохнатый монстр, так и норовящий вцепиться зубами в шею Эрику, но помимо этого еще и расплывающийся перед глазами, затем – поездка через весь город, к белому сказочному дворцу, а теперь – вообще непонятно что. Ожидание, кажущееся бесконечным, в идеальной чужой гостиной, на пару со средневековым портретом неизвестной красоти.

И, спрашивается, зачем я сюда ехала? Правильно. Потому что меня об этом попросил человек, явно нуждающийся в помощи. Не зря мне еще в школе подружки говорили – ну, Лерка, тебя твоя доброта когда-нибудь так подведет, что сама не рада будешь. И не зря Танька дразнила Вареником. То есть существом мягкотелым, добродушным, которое не сопротивляется, а спокойно повисает на вилке – ровно до тех пор, пока не попадет кому-нибудь на зуб.

Вот оно, похоже, и случилось. То, о чем предупреждали. Непонятная и нехорошая история, в которую я ухитрилась вляпаться.

Мои мысли как-то сами по себе вернулись к Эрику. Перед глазами так и стояло белое лицо, серые губы, тонкая струйка крови по подбородку. Благородное, породистое лицо – но вместе с тем... Рядом с Эриком я ощущала себя как будто не в своей тарелке. И дело тут было вовсе не в дорогих вещах, не в шикарном доме, похожем на замок сказочного принца... Ой, а принца ли?

Красавица и чудовище, вот как называлась эта сказка. Монстр, прячущийся среди красивых декораций, золотая посуда на столе – и чудовище за портьерой...

Я тряхнула головой. Господи, откуда такие мысли-то? Чушь, бред. Наверное, мне пора вздремнуть, но как заснешь в чужом доме?..

И я отправилась на поиски хоть кого-нибудь – разумеется, тут же заплутав в бесконечных анфиладах темных комнат.

Сказать, что дом был великолепен – значило не сказать ничего. Двадцать первый век остался где-то там, снаружи – с его минималистик техно, пластиком, хромом, обтекаемыми, летящими формами. А здесь... Здесь царила старина. Чем дальше я вдавалась вглубь особняка, тем старше встречались предметы. Гобелены, коллекция мечей, настоящая средневековая люстра на потолке, бронзовые канделябры, тяжелая деревянная мебель с резными ножками, даже клавесин, на котором слабый отблеск далекого фонаря высветил пустую птичью клетку. Джейн не обманула: Эрик действительно оказался большим любителем старины... И средневековья.

В каком-то из ответвлений коридоров я набрела на большое зеркало, подсвеченное светодиодами в раме. Навстречу из полумрака выплыла растрепанная девица в светлой пижаме. Я критически осмотрела поплывшую тушь, покрасневшие глаза, засохшую кровь на бледной щеке – ну хоть бы кто-нибудь предложил умыться... Видок еще тот. Исключительно для соблазнения миллионеров, не иначе.

Я хмыкнула.

Интересно, когда я встречу хоть одну живую душу? Или я обречена блуждать здесь до судного дня, рассматривая собрание средневековых раритетов?

– Доброй ночи, прекрасная госпожа.

Хм. Это было более, чем странно – учитывая мой плачевный вид и место работы. Никакая не госпожа, и уж тем более не прекрасная... Самый обычный дизайнер, провожу дни в офисе, медленно теряю зрение за компьютером. А если учесть, что обратилась ко мне женщина...

Я обернулась: в дверном проеме стояла молодая девушка в светлом платье, донельзя похожем на ночную сорочку. Кудрявые волосы свободно рассыпались по плечам, лицо пятном белело в мягкой полутьме.

– Эммм, – я промычала нечто невразумительное.

Вот вам и встреча, вот вам и почтенная супруга миллионера – или, на худой конец, любовница. Девушка быстрым шагом, едва касаясь пола, приблизилась, робко улыбнулась, отбросила назад непослушную прядку...

А мне... мне захотелось завизжать. И бежать куда подальше, из этого странного места. Передо мной стояла незнакомка с портрета, сомнений быть не могло. Призрак?

– Доброй ночи, – внятно повторила она, хлопая ресницами.

Да нет же, нет.

Призраки – они прозрачные, гремят цепями, подвывают, пугают туристов в замках – но, уж конечно, не разговаривают и доброй ночи не желают.

И потом – тут я мысленно обозвала себя дурой – портрет в гостинной может быть не так уж и стар!

Я быстро вдохнула-выдохнула, улыбнулась в ответ.

– Извините, что я сюда забрела. Но я здесь... заблудилась. Пошла поискать кого-нибудь из прислуги, мне домой пора... И вот...

Меня выслушали – очень внимательно, но с какой-то непонятной тоской во взоре.

– Вам не нужно здесь находиться, госпожа.

– Да я это и сама понимаю! – а что еще ей скажешь? – но мне бы найти кого-нибудь... Не можете?

– Вы... с *ним* сюда пришли? – вдруг осведомилась девушка и сразу же нахмурилась, – если *он* вас привел, то вы должны бежать. Так быстро, как только сможете, потому что...

Я похолодела. Ну вот, началось. Предупреждали же мои подруги...

– Эрик... он...

Я только хотела уточнить, не маньяк ли владелец особняка, но личико незнакомки вдруг исказилось такой яростью, что я невольно попятилась.

– Вам нужно бежать, – растерянно повторила она, – немедленно. Вы даже не представляете, во что вас вовлек этот мерзавец!

– Может, скажете? – я все еще пыталась хранить самообладание.

Вместо ответа красавица распустила ворот ночнушки, повернулась ко мне спиной – а мне пришлось поспешно опереться о стену. Чтобы не упасть.

Белая кожа до самой поясницы была исчеркана багровыми рубцами так, словно...

– Кнут, – спокойно пояснила девушка, – и каленое железо.

– Это... Эрик?... судорожно выдохнула я, все еще отказываясь верить собственным глазам.

– Не он, – безмятежно ответила несчастная, – но по его приказу.

Перед глазами вдруг поплыло, ноги сделались ватными, непослушными. А что, если... Если сейчас он готовится... Прodelать все это со мной?!! Господи, ну и угораздило меня!

– Ох, – незнакомка уверенно схватила меня за локоть, – пойдём со мной, госпожа. Ты должна уйти, понимаешь? Соберись с силами...

– Да, да... – я с трудом сглотнула горькую слюну, сделала крошечный шаг.

Как же так? Как же... со мной, обычной мной – и такое?..

– А ты? – я в упор поглядела на красавицу с картины, – почему ты не убежишь?

Она вяло качнула головой, уголок красивого рта скорбно дернулся.

– А я... я не могу уйти. Я все сплю, сплю... Но когда узнала о тебе, то не могла не проснуться...

– Как тебя зовут?

– Малика. Когда-то...

Девушка поспешно прикусила язык, подтолкнула меня вперед.

– Беги, тебе туда. Выберешься в окно. Торопись!

В лицо повеяло прохладой – но не весенней свежестью, а промозглым дыханием склепа.

– Беги! – взвизгнула за спиной Малика, – он уже идет!

И тогда, едва соображая, что делаю, я побежала.

Сквозь темноту, к замаячившему в отдалении окошку, к черному перекрестью на фоне звездного неба.

А потом что-то метнулось навстречу, высокий силуэт, я вскрикнула от неожиданности

и... замерла в руках Эрика, упершись кулаками ему в грудь.

– Что с тобой? – ласково поинтересовался маньяк, – что тебя... так напугало?

* * *

Не паниковать. Не паниковать. Если психопат видит, что ты его боишься, это придает ему храбрости... Кажется, так говорят – но, Господи, как же трудно держать себя в руках! В то время, когда *тебя* в руках держит чудовище, исполозовавшее спину молодой ни в чем не повинной девушки...

Он с интересом заглянул мне в глаза. Терпеливо повторил вопрос.

Главное – заставить себя говорить, спокойно, размеренно, как будто Эрик здесь совсем не при чем.

Я чувствовала тепло его рук на талии, ощущала дыхание с терпким привкусом какого-то лекарства. И в тот миг, когда мутная волна паники почти накрыла меня с головой, в мозгу выкристаллизовалась совершенно безумная и неуместная мысль.

А что было бы, поцелуй он меня сейчас?

Мама дорогая, я схожу с ума...

Тут же выяснилось, что моя шальная мысль оказалась куда действеннее пощечины, укуса за нос и удара коленом в пах вместе взятых.

Стоило подумать о поцелуе, как маньяк тут же меня отпустил и даже – как мне показалось – попятился. Это воодушевляло. Я тут же попыталась напустить на себя вид нашкодившей ученицы и начала мямлить о том, что пошла искать «кого-нибудь» и заблудилась среди всех этих коридоров и комнат.

– Ты неслась к окну так, словно за тобой черти гнались, – Эрик смерил меня недоверчивым взглядом.

Не-а. Похоже, он не поверил ни единому моему слову, принимая игру.

– Мне показалось, что *там* кто-то есть, – я неуверенно ткнула пальцем себе за спину, и тут же пожалела.

– Пойдем, посмотрим.

Он взял меня за руку и решительно двинулся вперед. Боже мой, а если мы сейчас наткнемся на Малику, и Эрик тут же поймет, что я испугалась именно ее искалеченной спины?!! Тогда точно, не уйти мне отсюда живой. И эти дьявольские глаза будут последним, что я увижу в этой жизни.

– Нет! – я почти взвизгнула, уперлась ногами в пол, – я лучше вернусь... в гостиную...

– С тобой точно все в порядке? – в потемках мне было трудно разглядеть выражение его лица. Но голос, голос... Эрик попросту посмеивался надо мной.

– В порядке, – недовольно буркнула я и выдернула пальцы.

– Вот и хорошо, – тихий смешок. А затем... – Ты даже не представляешь себе, на кого похожа.

«На себя бы посмотрел час назад», – мысленно огрызнулась я.

– Распускающийся тюльпан. Запаха еще нет, но лепестки вот-вот развернутся, и... Впрочем, – добавил он совершенно будничным тоном, – пойдем, я проведу тебя в гостиную. Мне нужно закончить кое-какие дела, а потом я вернусь... И нам нужно поговорить. Очень серьезно.

Эрик развернулся и быстро пошел вперед. Я – за ним, поминутно оглядываясь и содрогаясь от одной только мысли, что снова увижу светлое платье Малики. Мы быстро миновали комнату, увешанную старинными портретами в резных рамах, прошли по коридору в деревянных панелях, мимо доспехов средневекового рыцаря, мимо коллекции кинжалов в дорогах ножнах...

Любитель средневековья, да уж. И все-таки, а если бы он меня поцеловал?

Господи, я начинаю тяжело бредить. Это все бессонная ночь, стрессы, переутомление на работе...

Как-то незаметно мы вернулись к гостинной.

– Входи, – Эрик галантно распахнул передо мной дверь, – пожалуйста, подожди меня. Разговор у нас будет... Не очень-то приятный, но... об этом поговорить просто необходимо, пока с тобой чего не стряслось.

Я проводила его взглядом, затем пулей влетела в комнату и закрыла за собой дверь. Разговор, как же! Небось, пошел за плеткой-семихвосткой. Черт, вот это меня угораздило!

Пока мой взгляд метался по гостинной, а я судорожно придумывала, что делать и как себя вести дальше – чтобы вернуться с этого полуночного бала живой и невредимой, руки сами нашли себе занятие. Через несколько минут я опомнилась: оказывается, пальцы нервно теребили замочек куртки, которую – ура! – вместе с джинсами положили на спинку дивана.

Наверное, Джейн... Разумеется, откуда ей знать, что я раскрыла страшную тайну ее хозяина? И теперь уже мне стало окончательно ясно: англичанка ненавидела Эрика, вот откуда вся ее холодная сдержанность, скука во взгляде – ну как же, очередная жертва хозяина. Сколько их уже было, а сколько еще бу-удет!

Я трясущимися руками сбросила пижаму, впрыгнула в джинсы, набросила куртку.

Бежать, бежать отсюда!

Я осторожно просунула голову в дверь. В коридоре было пусто, тихо и темно. Медленно, вздрагивая от каждого шороха, я на цыпочках пробралась до поворота. Ага, вон и входная дверь, и мои грязные кроссовки на соломенном коврике.

Дальше – просто. Дом оказался не заперт, Бернард впопыхах только щеколду задвинул. Я выскользнула на крыльцо, прилипла на миг к мраморной облицовке... Погони не было, над особняком по-прежнему висела сонная тишина, и даже в окнах не горело ни огонька.

Вот и прекрасно!

Уподобляясь спринтеру, я рванула к воротам, словно обезьяна, вскарабкалась по ажурной решетке. Перебросила ногу – и наконец очутилась на свободе.

Ф-фух! Живая. Отделавшись легким испугом.

...Но даже когда я рысью неслась к ближайшему переулку, тело предательски напоминало о тех мгновениях, когда руки Эрика лежали на моей талии, а его темные, блестящие глаза смотрели прямо в донышко души.

* * *

Домой я добралась в предрассветных сумерках.

С трудом попадая ключом в замочную скважину, отперла дверь. Скинула куртку, протопала на кухню. Там на столе меня сиротливо дожидался последний блинчик со сгущенкой, заглянула в холодильник – на полке, завернутый в полиэтилен, уютно желтел кусок сыра. Замечательно! Я – дома...

Теперь – спать, только бы не забыть про будильник. Цапля не любит опозданий, а я не люблю скандалы по поводу оных...

Я свернула блин в трубочку и, откусывая его на ходу, побрела к дивану. Скинула плед, кое-как выбралась из джинсов, расстегнула рубашку. Теперь – будильник. Затолкав остатки блина в рот, я вжала кнопку в черную макушку электронных часов. Взгляд случайно скользнул по стене...

Сложно, очень трудно заставить себя не кричать. Замереть неподвижно, не шуршать, не скрипеть половицами. И в то же самое время одной рукой дотянуться до бейсбольной биты, которая вот уже сколько лет валялась за подлокотником дивана.

Балконная дверь была чуть приоткрыта – и как же я сразу не заметила? – а дальше, снаружи, сквозь опущенные жалюзи мутно вырисовывался плечистый силуэт.

Наверное, следовало как можно незаметнее убраться из квартиры и вызвать милицию. Но входная-то дверь была заперта, как положено, на два оборота?! Выходит, кто-то решил забраться ко мне через балкон?

И тут меня одолела злость. Ну что за напасти? Сперва – мохнатые монстры, потом –

замечательная ночка в доме маньяка и садиста, а теперь, теперь... Воришка! Да еще на моем дорогом балконе!

– Ну, сейчас ты получишь, – яростно прошипела я.

Состояние у меня было, наверное, как у тех берсерков, которые грызли щит и резали себе грудь ножом. Ни единой здоровой мысли о том, что грабитель может быть сильнее меня. Или о том, что у него может найтись какое-нибудь оружие... огнестрельное, к примеру...

Завизжав так, что у самой заложило уши, я дернула на себя балконную дверь, замахнулась битой...

Передо мной во всей красе стоял голый мужик. На низком стульчике, которых полным-полно в детских садах. Голова его, лысая и гладкая словно бильярдный шар, была продета в петлю. Конец веревки он добросовестно привязал к выступающему сверху куску арматуры.

– Приветствую, – ехидно сказал этот субъект.

И, не успевшая я что-либо предпринять, сделал последний в своей жизни шаг, с грохотом опрокинув детский стульчик.

Я с трудомхватила утреннего мартовского воздуха. На фоне дергающихся пяток весело краснел мухомор, нарисованный на сиденье. А потом резко и внезапно накрыла темнота.

Инга

Она терпеть не могла дни, прожитые впустую.

«Впустую» – это когда час бежит за часом, а ничего интересного не происходит. Ни встреч, ни ритуалов, ни секретных заданий! Все, что остается – многочасовой марафон по магазинам, приятная тяжесть пакетов в руках и осознание того, что сколько ни набирай платьев, симпатичных пиджачков и умопомрачительных маечек, денег в кошельке не убудет ни на грамм. В конце концов, не сложно заставить продавцов думать, что ты расплатилась за покупки. Главное при этом – не заходить слишком часто в одни и те же магазины.

Инга вертелась перед зеркалом. На этот раз великолепной оберткой для нее не менее великолепного тела стали серая мини-юбка и вязанный серебристый свитер. Вокруг вилась молоденькая продавщица, миниатюрная брюнетка с наивными карими глазами.

– Вам очень даже к лицу, девушка. Берите, у нас до середины апреля скидки.

– Думаете? – Инга окинула свое отражение пристальным взглядом. На нее с вызовом глянула шикарная длинноногая девица в серебристо-сером.

Конечно, и юбка, и свитер были хороши, а сама Инга в них – еще лучше... Но как приятно слушать комплименты в свой адрес!

– Уверена, – радостно откликнулась продавщица, – у вас поразительная фигура. Вы, случайно, не модель?

Услышав отрицательный ответ, девушка вздохнула с легким разочарованием, но тут же улыбнулась.

– Ну так что, берете?

– Беру.

Инга подмигнула собственному отражению. Хороша, ничего не скажешь! И плевать на то, что у девчонки вычтут из зарплаты кругленькую сумму. Жизнь, в конце концов, одна, и надо прожить ее красиво.

Весьма довольная собой, Инга вышла из магазина и, цокая каблуками по мокрому асфальту, устремилась в аптеку. За анальгином. Потому что головные боли участились в последнее время. Но одно дело, когда просто случается мигрень, и совсем другое, когда она сопровождается странными и неприятными видениями.

«Не хочешь галлюцинаций – избавься от головной боли», – здраво решила Инга.

Тем более, что видения были откровенно неприятными. В них Инга видела себя распростертой на неструганном досчатом полу, в распахнувшемся махровом халатике, который почему-то надет поверх рубашки и джинсов, а помимо этого – мертвой. Да, она видела себя совершенно, абсолютно бездыханной! Понятно, что после таких глюков

побежишь за анальгином...

Звякнул приветливо колокольчик над дверью, в лицо пахнуло мятой и валерьянкой, словно кто-то разбил пузырек с лекарством. В светлой аптеке было чисто, светло и пусто – лишь одна покупательница у окошечка. Инга уверенно процокала по плитке, стала рядом с девушкой. Продавщица куда-то отошла, оставалось только ждать и глазеть по сторонам, и ведьма от нечего делать принялась разглядывать стоящую впереди молодую женщину.

Среднего роста, она казалась довольно изящной в черном классическом костюме. Яркие рыжие кудри рассыпались по плечам – тут Инга подумала, что в следующий раз перекрасится именно в такой цвет, медово-медный. Девушка почувствовала на себе взгляд, обернулась и окинула Ингу дружелюбным взглядом. А та вдруг ощутила неприятное покалывание под ложечкой.

Черт!

Да ведь эта рыжая была совсем не тем, кем хотела казаться!

Инга невольно попятилась, а девушка, хмыкнув, снова отвернулась.

Да-а, вот уж встреча так встреча...

Мысли суматошно запрыгали в голове. Ведь все дело в том, что мгновением назад она точно прочувствовала туманные, сумрачные слои ментального поля незнакомки. Всего один взгляд в головокружительную глубину, в темную пропасть, на дне которой кипят страсти... Но этого хватило с лихвой.

А незнакомка «закрылась» с поразительной быстротой, как будто резко захлопнула старую книгу, подняв при этом тучи едкой пыли.

«Что ж делать-то?» – Инга переминалась с ноги на ногу.

Существующие правила предписывали хотя бы узнать имя новой ведьмы. Может быть, она приезжая, и не будет задерживаться в городе, а там – кто знает...

– Прошу прощения, – вежливо и церемонно сказала Инга, – могу я узнать ваше имя? откуда вы и что собираетесь здесь делать?

Рыжая обернулась и с насмешкой посмотрела на Ингу.

– Прошу прощения, – передразнила она, – я не понимаю, о чем вы. Зачем вам мое имя? Да и какое вам дело до моих планов?

– Но ведь... – Инга неожиданно смутилась.

Теперь, минутой спустя, незнакомая ведьма в ее восприятии выглядела совсем как обычный человек. Любопытно, сколько лет нужно прожить, чтобы научиться так искусно маскироваться?

– Мне кажется, вы ошиблись, – медленно, с нажимом произнесла рыжая, – наверное, с кем-то меня спутали.

Она уверенным жестом поправила ворот пиджака и вышла из аптеки, так и не дождавшись продавщицы. Инга хотела пойти следом, но передумала. В конце концов, пусть старшие ломают голову над тем, что делать с приезжими – а ее, Инги, дело маленькое. Купить пачку анальгина и отправиться домой.

...Через три часа, вдоволь нагулявшись, Инга вернулась в свои изысканные и роскошно обставленные хоромы. Бросила в прихожей сумку, освободилась от тисков модной и совершенно неудобной обуви. Рыжая ведьма, странная незнакомка, упорно не желала выветриваться из головы, неожиданно заняв собой все Ингины мысли и спровоцировав легкую мигрень. Ну, а где мигрень – там и нехорошие галлюцинации.

«Где-то я ее уже видела», – подумала ведьма, торопливо глотая таблетку анальгина, – «но где, где? Где?!»

– Привет, – вяло поздоровалась она, глядя на серо-зеленый мужской силуэт сквозь бок стакана.

– Что-то мы не в настроении, – насмешливо отозвался силуэт, – и тебе привет.

– Ты как вошел?

Инга спокойно поставила стакан (чешского стекла, между прочим) на край стола и окинула гостя недовольным взглядом. Звали его Андреем, и последние лет тридцать он

успешно изображал средней руки бизнесмена.

– А то не знаешь, *как*, – в изменчивых, как море, глазах запрыгали веселые искорки. Это означало, что Андрей попросту вскрыл дверь своим ментальным полем.

– Скотина ты, – беззлобно ругнулась Инга, – когда-нибудь замок мне сломаешь.

И снова подумала о том, что где-то она уже видела странную незнакомку. Где-то недалеко, даже не выходя из собственной квартиры. Но где? Вот бы вспомнить.

Андрей, усмехаясь, добыл из шкафа банку растворимого кофе.

– Выпьешь чашечку? Я смотрю, у тебя опять с головой нелады, Ингуся? Но ты все равно отлично выглядишь, прямо королева.

– Еще и подхалим к тому же, – вяло огрызнулась Инга.

Она села на диванчик, откинулась на спинку и закрыла глаза. Треклятая головная боль отползала, пряталась, будто Змей-Горыныч в пещеру. Хорошо, что есть на свете такая замечательная вещь, как анальгин.

«Ну где же?..»

По кухне поплыл аппетитный запах кофе. Клацнула дверь холодильника.

– Ветчины? – тихо поинтересовался Андрей.

– Лучше шоколада, – выдохнула ведьма, – там, на нижней полке...

Самочувствие помаленьку улучшалось. Инга сонно подумала о том, что все-таки это была удача – повстречать Андрея, такого мудрого, сдержанного... И в то же время романтического, даже чересчур для этого века стали и пластика. Впрочем, они ведь всегда были друзьями. К чему портить и без того прекрасные взаимоотношения тревожной и непостоянной любовью?

Мысли как-то сами собой совершили странный кульбит и снова бросились к встреченной незнакомке.

– Я сегодня новую ведьму видела, – поделилась Инга. Вслушалась в заинтересованное молчание Андрея и продолжила, – она явно не здешняя. И, знаешь, у меня сложилось очень странное впечатление о ее Даре.

– Ты же говорила, что не можешь читать ментальные поля?

– Ну, да, не умею, – Инга открыла глаза. Андрей сидел напротив и помешивал ложечкой свой кофе, – но здесь дело не в том, вижу или нет. В общем, как бы сказать, восприятию. Короче, я увидела молодую женщину, которая является ведьмой, причем ведьмой сильной и старой... Судя по тому, как она быстро закрылась и спрятала все то, что не предназначено для глаз прочих колдунов.

– Любопытно, – сдержанно сказал он.

– А еще я точно знаю, что где-то я ее видела. Меня мои ощущения редко подводят.

– Что-то не вяжется, – Андрей неторопливо отпил кофе, – она нездешняя, ты ее вроде как никогда не встречала... И в то же время говоришь, что...

– Лицо ее мне знакомо, – буркнула Инга, – недавно я уже где-то видела подобное.

И вдруг – как будто кто-то локтем толкнул в бок.

– О! Вспомнила!

Инга вскочила, едва не смела на пол расставленные чашки с рисунком из кофейных зерен, и метнулась в спальню. Где же они, где?

Спустя несколько минут она стояла на четвереньках в углу, раскидывая стопку новеньких журналов. Подошел Андрей и спокойно остановился рядом.

– Инга, все в порядке?

– Еще как! – она задорно швырнула в него тяжеленьким «Cosmo», – все, нашла! Иди сюда, сейчас узнаем, что это за цыпа забрела к нам в городок.

Подобрав под себя ноги, ведьма перелистывала страницы, пока не добралась до нужной.

– Вот. Ну, конечно, не она – но очень похожа.

– Ммм... – вежливо протянул Андрей, – честно говоря, не знаю что и сказать. Мне эта версия кажется чересчур... экстравагантной, что ли.

– Может, эта ведьма – одна из потомков? – предположила Инга.

Но уверенность растаяла сама собой. На глянцевой странице журнала была напечатана репродукция портрета одной рыжей женщины, а подпись гласила: «Елизавета Вудвилль, 1437-1492».

– Сомневаюсь, – Андрей пожал плечами, – ты сама подумай, Инга, все мы на кого-нибудь да похожи. А портрет мог быть изрядно приукрашенным, сама понимаешь. Не понравился бы заказчице – и отправляйся, художничек, на плаху. Или на виселицу.

– Н-да, – выдохнула Инга, – королева, как-никак. Тут написано, что жена Эдуарда Четвертого Плантагенета.

Они помолчали. Потом Андрей тихо сказал:

– Может, поедem прокатимся?

– Она мне все равно очень не понравилась, та ведьма, – пробормотала Инга, – было в ней что-то... мутное, неприятное...

– Для этого есть старшие. И, кроме того, сама-знаешь-кто.

Андрей легонько обнял ее за плечи, посмотрел в глаза.

– Ну, поехали, что ли? Я смотрю, ты совсем раскисла.

– Раскиснешь тут...

Но все же она послушалась. Денек выдался неплохой, теплый и даже без дождя – а в марте это, можно сказать, подарок от небесной канцелярии.

Запирая свое жилище, Инга глянула на дверь квартиры напротив. Обычную такую, обитую лакированными деревяшками. Посмотрела – и вдруг ощутила, как во рту собирается отвратительная горечь.

Она снова лежала на грязном досчатом полу, в распахнувшемся махровом халатике. И была окончательно, бесповоротно мертва.

Эликсир любви

Самым трудным оказалось открыть глаза. Ресницы слиплись, веки налились – не глаза, щелки.

Надо мной плавно, словно лодка на реке, покачивался белый потолок. Не оклеенный обоями, как дома, а беленый, с узорчатой черной трещиной наискосок.

Я повернула голову набок – тут же дернула в затылке острая боль, хлестнула и замерла. Щеки касалась грязно-белая застиранная наволочка, взгляд уперся в нежно-зеленую стену.

Где это я?

А самое главное, кто меня сюда притащил?

Стиснув зубы, я кое-как повернула голову в другую сторону – и первый вопрос мгновенно отпал: вокруг чинно стояли больничные койки, некоторые пустовали, кое-где лежали забинтованные и загипсованные женщины. Рядом скрипнул стул, я сделала над собой запредельное усилие – исключительно, чтобы увидеть носок ярко-фиолетовой лакированной туфельки.

– Ой, Лерка, ты пришла в себя!

Угу. Все понятно. За исключением разве что того, каким образом моя соседка проникла в запертую изнутри квартиру. Или... Я орала так, что сердобольные тетки вызвали милицию и взломали дверь?

– Лерка, Лер, ну как ты? – затеребила меня Инга.

Вспомнилось налившееся кровью, побагровевшее лицо. Дергающееся в воздухе тело, вылезшие из орбит глаза...

Я глубоко вдохнула.

– Ничего... а что... с трупом?..

– Каким трупом? – опешила Инга, – Лерусь, ты что? Ну ты и приложились! Хорошо еще, что сотрясения нет... Врачи говорят – нет. И череп вроде цел.

Та-ак. Происходящее мне нравилось все меньше и меньше. Если моя соседка ни сном

ни духом о самоубийце, то целых две гипотезы имеют право на жизнь: либо вокруг меня завертелся вселенский заговор, либо... Я тронулась умом, что, собственно, тоже не исключено.

Я попробовала приподняться, чтобы видеть лицо Инги, но она тут же сама кинулась ко мне – мол, лучше не шевелись. И тогда я, вдыхая исходящий от Инги аромат дорожущего парфюма, прошептала ей на ухо:

– Что со мной случилось?

– Да откуда мне знать? – она усмехнулась, – я утром возвращалась, смотрю – дверь твоей квартиры приоткрыта. Ну, мы с Андрэ заглянули, смотрим – ты валяешься на балконе, затылок рассекла, кровищи – море!

– И все?

– Все, – Инга ободряюще потрепала меня по плечу, – наверное, ты со стульчика упала. Ну, с детского, с мухомором.

Я закрыла глаза и откинулась на подушку. М-да. Похоже, что вокруг меня и в самом деле существовал некий заговор, целью которого, вероятно, было свести меня с ума. Выходит, покойничек вылез из петли и преспокойно вышел через дверь? А может, он еще и прихватил чего из моей квартиры?

– Лерусь, – мягко сказала Инга, – если тебе лучше, то мы можем поехать домой. Хочешь?

– Не знаю.

И снова перед глазами дергающиеся пятки над детским стульчиком. Я всхлипнула – и тут же ощутила на запястье теплые пальцы Инги. Меня начал бить озноб, как будто... это я стояла, вдев голову в петлю.

– Лера, поехали. Андрэ нас отвезет. Если тебе... если не хочешь пока к себе, поживи у меня. Разговор есть. Серьезный.

– Инга, а ты меня не успокаиваешь? Вы никого... не видели в квартире, кроме меня?

– Не видели, – как-то деревянно ответила Инга, – честное слово.

И я вдруг поняла, что она врет. Даже не так – она что-то аккуратно не договаривает. Может быть, мужик в петле мне и правда привиделся, но было и нечто другое, важное – о чем моя соседка пока предпочитала помалкивать.

– Меня не ограбили? – на всякий случай уточнила я.

– Нет, – Инга бодро замотала головой, – вроде порядок был.

Но что-то она все равно продолжала скрывать, словно обертывала в неприметную серую бумагу.

– Поехали, – внезапно решила я, – только... можно, я несколько дней у тебя поживу?

– Конечно, поехали! – она обрадовалась, выхватила из сумочки телефон и принялась набирать номер, – Андрэ, зайди за нами, а? Да, прямо сейчас. А я пока к доктору!

И, уже на ходу, весело пообещала:

– Сейчас все уладим, Лер. Нынче в больницах никого насильно не держат.

Мы с Ингой жили на одной лестничной площадке, и двери наших квартир честно глядели друг на дружку. Пожалуй, из всего подъезда мы были единственными двадцатипятилетними одиночками – но на этом наше сходство заканчивалось. Если я работала, то Инга провозгласила своим девизом «зачем работать, когда можно не работать?». Если я, распрощавшись год назад со своим парнем, больше ни одной особи мужского пола на порог не пускала, то Инга меняла мужчин как перчатки, причем мужчин обеспеченных, большей частью привлекательных. Я предпочитала джинсы, мягкие кожаные туфли и приталенные рубашки всех существующих расцветок – Инга в выборе одежды руководствовалась гламурными журналами, которые она скупала пачками в ближайшем киоске. Что до внешности, то и здесь Инга оказалась куда прогрессивнее меня. Хотя бы потому, что свои темно-русые волосы перекрасила в оттенок «дикая вишня», на светлые серые глаза нацепила изумрудные контактные линзы, а ногти нарастила и каждую неделю появлялась с новым маникюром.

...Она, цокая шпильками, унеслась куда-то по коридору – скорее всего, к врачу. Я снова осталась одна, пощупала осторожно голову. За ухом вспухла огромная шишка, стоило ее коснуться, и перед глазами начинали весело кружиться цветные звездочки.

М-да. Знать бы, что происходит вокруг меня. На самом деле.

Я потеряла свои отекие глаза, которые наверняка выглядели совсем как пороссячи, уныло поглядела на дверь. В палате стояла тишина, жертвы несчастных случаев на соседних койках то ли спали, то ли просто не испытывали ни малейшего желания разговаривать – да и кому захочется сплетничать в таком-то состоянии?

Затем кто-то быстро прошагал по коридору, вернулся. И в палату вошел высокий блондин в строгом костюме цвета серебристой ели.

– А где Инга? – поинтересовался он, глядя на меня в упор.

Глаза у него... были волшебными. Необыкновенными. Серо-зелеными, яркими, запоминающимися... Такими, что у меня захватило дух. Косая челка падала на лоб двумя пшеничными прядями, коричневые полукружья бровей красиво приподнимались к вискам.

– Я – Андрей, – коротко представился он, наклоняясь ко мне, – ты меня не помнишь?

Станный вопрос. Я же была в обмороке, наверное...

Он и сам осознал, что спрашивает нелепицу, потер задумчиво подбородок – упрямый, донельзя мужественный, с модной трехдневной щетиной. Затем улыбнулся мне, протянул руку.

– Подняться можешь? Пока Инга доктора убалтывает, мы потихоньку можем спускаться.

Я вцепилась в его руку как утопающий в край шлюпки, осторожно села на кровати. Черт, а рубашка-то кровью заляпана. Хорошо же я головой приложились!

– Молодец, – искренне порадовался Андрей, – ты просто умница. Давай-ка, я помогу тебе... вот так, да...

Он подхватил меня под мышки и медленно, шаг за шагом, повел прочь из палаты. От Андрея пахло дорогими духами и немного табаком, и я вдруг почувствовала, что не хочу расставаться с этим человеком раз и навсегда. От Эрика мне хотелось сбежать и спрятаться, но Андрей казался... другим. Необыкновенным и в то же время близким, как будто мы уже знали друг друга Бог знает сколько лет.

Пожалуй, проблема была лишь в том, что такие мужчины как Андрей не смотрят в сторону таких женщин как я.

Черт.

Нехорошо как-то – взять и вот так уйти из больницы. Наверное, это неправильно. Может, все-таки остаться?..

– А вот и я!

Вынырнув из полумрака больничного коридора, Инга потрянула взлохмаченной пачкой каких-то бумаг.

– Все улажено, Лерусь. Три недели больничного, рецепты, направление к невропатологу. Отдохнешь, сил наберешься, валерьяночки попьешь – и снова в офис! Броня крепка, и танки наши быстры!

– И как это тебе удалось? – Андрей легко и совсем по-домашнему прислонился подбородком к моей макушке, отчего мне захотелось блаженно прикрыть глаза и замурлыкать.

Инга победоносно выпятила роскошную грудь.

– И не спрашивай, Андрэ. Сам знаешь, у женщин свои секреты.

Я шла, словно в густом тумане. С тяжелой головой, ноющей под пластырем шишкой, подгибающимися коленками – и с чудным ощущением поддерживающих меня сильных мужских рук. В висках вместе с пульсом билось «Андрей, Андрей, Андрей». Бог мой, глупости какие. Я же никогда, никогда не верила в любовь с первого взгляда, и только смеялась над вычитанными в романах фразами вроде «и между ними проскочил электрический разряд». Ну, или «он утонул в ее глазах»... Кажется, головой я приложились

куда сильнее, чем заверяла Инга. И, может быть, стоило лежать на больничной койке? Ох. Но как тут воспротивиться, когда тебя уверенно ведет, поддерживая под локоток, такой красавец?

«Вареничек», – лукаво подмигнула Танюха, в самый неподходящий момент всплывая в моих затуманенных воспоминаниях.

Да, вареничек. Покорно висящий на вилке. А самое главное, даже не пытающийся ничего предпринять.

Хотя... К чему? Домой меня везет соседка. Я доверяю Инге – по крайней мере, она всегда относилась ко мне с доброжелательным сочувствием. Так что опасаться тут нечего... наверное...

Когда мы выползли из больницы, Инга пропела:

– Эх, Лерка. Дома ты хоть отдохнешь нормально. А так бы валялась на казенной кровати в обществе тех загипсованных мумий.

– Так врач был против? – прошептала я, блаженно вдыхая запах одеколona, исходящий от Андрея.

– Ну-у, он, конечно, не был в восторге, – скривилась моя добрая соседка, – просто оказался строг и подкупен. Так оно всегда и бывает, пора бы тебе об этом знать.

* * *

...На третий этаж я поднималась бесконечно долго. Голова начала кружиться, серые ступеньки прыгали и раскачивались перед глазами. Раз шажок, два шажок. Наверное, если бы не Андрей, уже покатила бы вниз, до первого этажа.

А если у меня сотрясение мозга? Тогда я просто дура, что дала себя увезти из больничной палаты. Все-таки там я лежала бы под присмотром – а какая сиделка из шикарной Инги? Да никакая...

Добравшись до родной площадки, я бессильно повисла в руках Андрея. Надо бы и к себе зайти... Одежду взять, а заодно и проверить – не обчистил ли меня тот нудист с петлей на шее. Но при мысли о том, что я снова увижу перевернутый детский стульчик, желудок скрутило в тугую восьмерку. Пришлось подышать глубоко и быстро, чтобы не перепачкать подъезд и окончательно не пасть в глазах Андрэ.

– Тебе нужно заглянуть домой? – он угадал мои мысли.

Инга загремела ключами, возясь с фирменным и чрезвычайно дорогим замком. Она и врезала-то его специально, чтобы случайные гости уважали – мол, раз такой замок, значит есть что охранять.

– Не знаю, – прошептала я, – мне бы... переодеться... проверить, все ли на месте.

– Хочешь, я с тобой схожу? – он обнял меня за талию, крепко прижал к себе. Так уже не упадешь, и решительности куда как прибавилось.

– Да, пожалуйста. Если не трудно.

– Идите-идите, – весело добавила Инга, – мы, когда тебя выволокли, дверь захлопнули. А ключи на тумбочке лежали, держи, Андрэ.

– Пойдем, – он решительно подвинул меня к двери, – не бойся. Ничего страшного там уже не будет.

– Наверное, – я вымученно улыбнулась.

Да я же, черт возьми, просто умру от страха, если опять увижу *это*. Если хотел ограбить, гад, зачем же было так пугать? Не мог дожидаться, пока на работу уйду?

...Квартира встретила нас уютной и привычной тишиной. Только часы, что на стене в коридоре, громко и занудливо тикали, отмеряя бег времени.

Ничего не изменилось: зеленоватые обои в мелкий цветочек, серый линолеум под ногами. Дверь в комнату была приоткрыта, уголок ковра завернулся – ну да, они ж меня волоком тащили.

– Идем? – шепотом спросил Андрей.

– Д-да... наверное...

Я зажмурилась. Нет, только бы не увидеть, потому что...

Да и с чего я взяла, что он снова будет там? Собрал мои денежки – да и был таков. А я-то, наивная, поверила в то, что кто-то повесился на моем балконе!

Я быстро, насколько могла, доковыляла до секретера и первым делом вывернула ящик, где лежали деньги и документы. На удивление, все оказалось на месте. Не нашел? Странно... Любой, даже начинающий домушник первым делом сунулся бы туда.

Андрей все еще поддерживал меня, кивнул в сторону балкона:

– Лера, посмотри туда.

– А что там?

И мгновение застыло – хрустальная капля в вечном полете. Перед глазами стремительно собиралась чернильная тьма. Сперва редкие, отдельные пятнышки, затем – серые и бесформенные кляксы... Я заскулила и сжалась в комок. Потому что сквозь белые жалюзи прекрасно просматривался все тот же плечистый силуэт.

– Андрей... – я набрала в грудь побольше воздуха, – мне надо... обратно... к врачу.

«Или в ближайший дурдом», – закончила я про себя.

– Лера, – он резко тряхнул меня за плечи, – прекрати истерику. Я его тоже вижу.

– Эээээ?

Андрей развернул меня лицом к себе.

– Смотри на меня. Ну же, прекрати... Ну что мне, пощечин тебе надавать? Говорю, я его тоже вижу. Ты вообще когда-нибудь интересовалась, почему так дешево эту квартиру купила? Да потому, что в начале девяностых здесь один чокнутый повесился! А то, что ты видишь на балконе – это его дух, так и не нашедший покоя!

Лицо Андрея поплыло, надулось белым шариком. Бах! – и взметнулась вверх темнота, как будто чернильницу о стену разбили.

– Лера!!!

И я ощутила жгучую боль на щеке. Раз, другой...

– Ну, извини, – он обнял меня, – мы не стали тебе сразу говорить... Но сейчас скажу. Ты, Лерочка, за последние два дня почти инициализировалась как ведьма. А всем известно, что ведьмы могут видеть духов, застрявших между миром этим и тем.

Я покосилась в сторону треклятого балкона. Ну да, да... Там он, этот эксгибиционист проклятый. Стоит, поджидает меня...

Во рту было горько, щеки горели от проведенной Андреем экстренной терапии, ноги подкашивались, шишка за ухом пульсировала горячей болью.

Ведьма? Я? Ну что за ерунда...

– Давай, я помогу тебе собрать вещи, да пойдем к Инге, – строго сказал Андрей, – валерьянку тебе пить надо... бочками.

И загадочно улыбнулся.

* * *

Следующие три часа я провела под тяжелым шерстяным пледом на диване, в замечательном золотисто-розовом зале, где все стены были увешаны художественными портретами Инги. Инга и чучело тигра, Инга в мехах, Инга в черном кружевном белье...

Я молчала, а они говорили без умолку, пытаясь убедить меня в преимуществах нового образа жизни. А что? Таковых, по словам Андрея, было предостаточно.

Но для начала мне следовало принять как данность то, что я – в результате каких-то там химических реакций, мутаций и наследственности – перестала быть человеком и стала одной из тех, кого раньше (да и сейчас) именовали ведьмами.

«Ну и что?» – тут же заявила Инга, – «радуйся. Это же не значит, что ты больше не человек! Это... понимаешь, Лер, это *больше* чем просто человек!»

«А как же договор с дьяволом, скрепленный кровью?» – брякнула я, тем самым вызвав

взрыв хохота.

«Нет ни Бога, ни Дьявола», – отсмеявшись, серьезно сказал Андрей, – «А если они и существуют, то мы о них ничего не знаем».

Значит, «мы»...

Дальше выяснилось то, что каждый колдун или ведьма обязательно обладали каким-либо сверхъестественным даром, будь то умение видеть призраков, читать ауры простых смертных, прорицать судьбу. Кроме того, существовали какие-то особо старые и одаренные колдуны и ведьмы, которым было под силу вызывать демонов и повелевать ими.

«Но о них мы тоже очень давно не слышали», – поспешил заверить Андрей, – «скорее всего, таких просто не осталось. Их было довольно много... в раннее средневековье. Да и Возрождение порадовало сильными магами. Наверное, потом они просто вымерли».

«И немудрено», – пробормотала я, – «сколько веков-то прошло».

«А ты, небось, думаешь, что мне тридцать?» – подмигнул Андрей, – «мы можем продлять свою молодость, а заодно и жизнь».

Я оторопела. А потом осторожно спросила – сколько же ему на самом деле.

«Сто двадцать», – очаровательно улыбнулся Андрэ.

«А я – молодка», – заметила Инга, – «мне всего-то полтинник».

В те минуты у меня все-таки закралось подозрение уже о массовом помешательстве. Все, что мне излагали, куда походило на затертые до дыр вампирские истории. Да, кстати, о вампирах... Я и об этом спросила. Так, на всякий случай, вдруг и *этих* вокруг пруд пруди?

Андрей как-то помрачнел.

«Я видел однажды вампира. Настоящего. Но это, поверь, был не юноша романтической наружности... Это была жуткого вида тварь, которая по ночам выползала из могилы и нападала на скотину. Его потом нашли и убили, как положено. Отрубили голову, сердце осиновым колом проткнули, а потом тело сожгли. Было это... в Румынии, году в девятьсот двадцатом. Почти сразу после моей инициализации...»

Больше про вампиров я не спрашивала.

Даже попыталась пошутить – «Так я теперь на помеле могу летать?»

«Мы еще не знаем», – хором ответили мои наставники.

Выходило, что я еще не до конца «раскрылась», и даже Андрей, который мог «читать» себе подобных, не видел до конца моих способностей. Он даже попробовал: долго-долго держал меня за руки, закрыв глаза и что-то бормоча себе под нос – не вышло. Потому мы решили оставить это на потом, а сейчас перейти к самой важной части «лекции». О том, как все ведьмы делают *это* .

«Тебе не придется плясать вокруг котла с зельем», – усмехнулась Инга, – «достаточно научиться направлять свою волю. Твоя сила – в твоих мыслях, потому от сотворения мира известно: мысль способна изменить материю».

«То есть», – Андрей все еще держал меня за руки, не торопясь отпускать, – «если ты дашь человеку простой воды, а сама захочешь его исцелить – выздоровеет».

«Или отравить», – хихикнула Инга, – «никто ничего не докажет. Выпил водички – и помер. Прелесть, да?»

Она кровожадно ухмыльнулась, а мне стало как-то не по себе.

«Не слушай ее», – Андрей нахмурился, – «Инга еще молодая, ума-разума не набралась. Никто из нас не убивает... Если на то нет необходимости! Если начнешь косить врагов направо и налево, на твой след очень скоро станет инквизиция».

О, вот и приплыли. Если есть ведьмы, то куда ж без нее, родимой?

Андрей рассказывал и рассказывал, и общая картина начала медленно проясняться.

Конечно же, инквизиция была совсем не тем, чем она была, скажем, в веке пятнадцатом в мрачной и голодной Европе. Теперь туда отбирали ведьм и колдунов, обладающих какими-то сверх способностями, и занималась инквизиция исключительно разрешением споров между ведьмами. А в редких случаях – расследованием убийств ведьмами смертных (простых смертных). Некоторые ведьмы добровольно являлись в инквизицию, чтобы

получить патент на право быть самими собой и пользоваться своими способностями. А некоторые – «как мы, например» – предпочитали свободу. Никаких обещаний, никаких патентов.

«Если вести себя осторожно, никто и не узнает», – заверила Инга, – «разве что напорешься случайно на инквизитора, читающего ментальное поле... Но мы их наперечет знаем, так что вероятность такой встречи мала».

Мне было тепло и хорошо под пледом. Так бы лежать век, и чтобы Андрей держал мои руки в своих. Но я все же набралась храбрости и спросила:

– В то утро, когда вы меня нашли... Все произошло действительно так, как ты, Инга, рассказала?

Она принялась накручивать на пальчик локон цвета «дикая вишня». Взгляд на мгновение метнулся к Андрею, словно Инга что-то безмолвно спрашивала, вернулся ко мне.

– Хорошо, Лер. Правду так правду – смысла-то врать уже нет. Той ночью Андрей был у меня. В гостях. – она нарочито подчеркнула последнее слово, – Он уже собирался уходить, когда ты вернулась домой. Мы даже видели, как ты отперла дверь, но решили подождать, когда ты войдешь. А потом Андрей сказал, что почувствовал *всплеск*. Нет, не спрашивай, я не знаю что это такое, и даже не знаю *как это*. Всплеск какой-то там энергии наверное... В общем, он почуял, что за твоей дверью происходит нечто совсем нечеловеческое.

Андрей вдруг поежился, взгляд его блуждал по комнате – но мысли были в недостижимых дальях.

– В общем, когда мы отперли дверь, воспользовавшись нашими ведьмовскими дарами, – хрипло сказал Инга, – ты уже была без сознания. А тот идиот голый продолжал стоять на стульчике, и даже попробовал нас испугать. Но мы-то знали, что он – дух, нас этим не проймешь. А вот ты этого не знала. И мы еще не были уверены, что у тебя... идет инициализация. Поэтому отвезли в больницу, а ключи с собой прихватили. Вот и все.

Я с облегчением вздохнула. Получается, Инга наврала мне совсем чуть-чуть – в основном про незапертую дверь. Не хотела рассказывать, как дверь открыли? Ну да ладно, чего только не бывает...

– Спасибо, – я оглядела их, – честно говоря, без вас я бы сама пошла в дурдом сдаваться.

Андрей расцвел в белозубой улыбке, подмигнул.

– Не благодари. У нас через три дня вечеринка намечается... Надеюсь, ты пойдешь? Будут ведьмы, полеты на метле... Ну и, разумеется, запланированная оргия.

Ха! Оргия?

Ну, правильно, шабаш.

Я потрогала пальцем шишку за ухом и подумала, что ее все равно не будет видно под волосами.

* * *

К вечеру я вернулась домой.

Не сидеть же вечно у Инги только потому, что двадцать лет назад на моем балконе повесился какой-то дурак, и теперь не может обрести покой, предпочитая делать гадости живым...

Механически рассовывая по полкам продукты, которые купил для меня Андрей, я невольно разглядывала собственные руки. Ну надо же – внешне не изменилось ничего. Совсем ничего: пальцы остались прежними, поломанный ноготь не вырос, старый шрам на запястье как белел, так и продолжает белеть. А вот поди ж ты – ведьма.

Оставшись одна, я уже с трудом верила в происшедшее; оно походило на дурацкий розыгрыш, на чью-то донельзя глупую, но в общем безобидную шутку. Господи, ну какие ведьмы могут выжить среди кабельного ТВ, изрыгающих выхлопы машин и локальных сетей? Наверняка последний колдун должен был удавиться с изобретением персонального

компьютера. Ну, или с выпуском первой версии Windows...

Продукты перекечевали из пакета в холодильник. Я открыла йогурт и, хищно вонзив в стаканчик ложку, побрела к зеркалу.

В самом деле, не изменилось ни-чего-го. Какая была, такая и осталась: до эталона глянцевої красоты как до Марса, темно-русые волосы повисли сосульками, ухо, которому досталось еще ночью, припухло. И в глазах непонятного цвета – каре-зелено-серых – не образовалось ведьмовской искорки, от которой окружающие мужчины должны непременно падать ниц и молить о свидании.

Я вздохнула, проглотила ложку йогурта. Как же все это сложно! Поверить в то, что нельзя пощупать, рассмотреть, разобрать и собрать как детский конструктор. А из туманных глубин сознания вынырнула, сверкая свежестью красок, мысль: мне, черт возьми, нужно доказательство того, что я могу больше, чем обычный сотрудник офиса с девяти до шести. И одного вида самоубийцы на балконе – мало. Нужно что-то такое, отчего я бы поверила в то, о чем мне столько твердили Инга и Андрей...

– Мысль изменяет материю, – пробормотала я вслух.

В это время на балконе упал детский стульчик – видимо, призраку надоело меня ждать, и он в очередной раз повесился. Ха! Не дождется он больше от меня ни истерик, ни банального испуга. Плевать я на него хотела, особенно после того, как разбила голову о ступеньку...

Я быстро вернулась на кухню, взяла стопку из тонкого стекла и наполнила ее водой. Затем прошлепала в зал, презрительно глянула на силуэт, замерший на балконе. Вот тебе, гад, мое полнейшее безразличие! А если и дальше будешь себя плохо вести, то я... Впрочем, я так и не придумала, как можно наказать неуспокоенный дух. Стопка с водой отправилась на журнальный столик, я – на диван. Вот сейчас и поглядим, какая из меня ведьма.

Что нужно делать-то? Как силой мысли заставить стопочку перемещаться по гладкой столешнице?..

Я неторопливо доела йогурт, положила подбородок на сцепленные пальцы рук и устала на объект эксперимента. Наверное, стоило вообразить, что взгляд мой – не что иное, как прозрачная и длинная рука, которая может воздействовать на любую материю? Или попытаться думать «двигайся-двигайся-двигайся»? А может быть, стоило бы нарисовать пентаграмму, вызвать кошмарного демона и заставить его переместить стаканчик? Стоп. Куда-то меня понесло...

Наполненная водой стопка осталась неподвижна.

А может быть, идея насчет демона не так уж и плоха?

За ухом нестерпимо зачесалось, я прикоснулась к коже, вспомнила о пластыре. Ну это ж надо было так неудачно упасть, а?

Снова гляжу на неподвижную стопку. Ну, миленькая, ну подвинься. Ну хоть на сантиметр – тем самым убедишь меня в том, что визит в ближайший дурдом не нужен...

Посудинка проигнорировала мои просьбы и осталась недвижима. Эх.

Я попробовала еще раз – вообразила, что вокруг меня существует некое светящееся поле, вроде кокона, и что от этого кокона щупальце тянется к стопке с водой, чтобы подвинуть ее к краю столика... ну, пожалуйста. Ну чуть-чуть...

– Вот зараза, – произнесла я вслух.

Что бы еще попробовать? Да и вообще, могут ли ведьмы двигать предметы по воздуху?.. В груди жаркой волной поднялось раздражение – на саму себя, на бестолковую стопку, на Игнугу, на ее безвкусный маникюр...

Комната дрогнула. Подернулась сумерками. Раздался хруст – и все стало на места.

А я в замешательстве устала на осколки стекла и маленькую лужицу. Черт! Это что, я сотворила? Но я же только хотела ее подвинуть... Да и вообще, что случилось-то?

Пустой стаканчик из-под йогурта и раздавленная стопка отправились в мусорное ведро. Попробовать еще раз? Но если так и дальше пойдет, я расколочу всю посуду... Вот незадача.

... В прихожей весело тренькнул звонок, затем кто-то настойчиво постучал в дверь. Я

только выглянула в глазок, увидела знакомый оттенок «дикая вишня» – ну конечно, кто бы еще ко мне пришел вечером?

– Привет, – как-то устало сказала Инга, – можно я войду?

– Конечно, проходи, – я невольно залюбовалась ее белым кожаным пиджаком. Вырядись я в такой – вид будет совсем другим, скорее плачевным. С другой стороны, за пятьдесят лет молодости, наверное, можно научиться ходить по улице как по подиуму...

Она тихо просочилась в зал, выложила из сумки свернутые в трубочку листки.

– Я совсем забыла отдать тебе документы из больницы, Лер. И еще вот это. Андрей распечатал из нашей базы.

– Это что?

Я зашуршала бумагой. Фотографии каких-то людей, как будто для паспорта, имена, фамилии...

– Здесь те, кто входит в местный совет инквизиторов и кого тебе следует опасаться, – пояснила сквозь зубы Инга.

Молодые мужчины, несколько женщин. И – мамочки! – даты рождения: тысяча восемьсот... тысяча девятьсот восьмой...

– Глядя на них, ни за что не угадаешь, сколько кому в действительности лет, – продолжила моя соседка, – кое-что, Лерусь, ты должна понимать. Мы покупаем годы молодости у смерти, расплачиваясь чужими жизнями... Неприятно, но никуда не денешься. А еще есть такая штука... Принцип высшего ведовства называется.

– И что... это за принцип?

– Побеждай жертвуя, – отчеканила Инга словно на экзамене.

– Угу.

Удивляться тут было нечему: даже в моем воображении ведьмы никогда не были добрыми, белыми и пушистыми.

Тут мой взгляд зацепился за жирный вопросительный знак в графе «год рождения», и я безмолвно протянула этот последний листок Инге.

– А-а-а, вот ты о чем. Все просто: никто из нас не знает, сколько на самом деле прожил этот... тип. Я бы предположила, что лет двести, а там – чем черт не шутит? Можешь себе представить, скольких он отправил на небеса, чтобы так долго и так шикарно жить?

Я перевернула страницу – дальше на весь разворот была напечатана фотография. Короткий ежик черных волос, приятные черты... Кого же он напоминает? А, ну да. Киану Ривза. Осталось только темные очки нацепить...

С безобидного листа бумаги на меня безмятежно смотрел не кто иной, как Эрик.

* * *

...Ох, время, время.

Мне бы остановиться, обдумать все, разложить по полочкам. Понять, кто я на самом деле – человек или «нечто большее», как щебечет Инга. Смириться наконец... Даже не с тем, что я в некоторой степени мутант, экстрасенс и ожившее суеверие в одном флаконе – а с тем, что мое мировоззрение дало трещину, захрустело и осыпалось как яичная скорлупа. Вот так и бывает: живешь себе живешь, не плохо, не шибко хорошо, как миллионы. Дом – работа – дом – неделя закончилась – ура, зарплата. А потом догоняет тебя на прозрачных крылышках Судьба, касается невесомым пальчиком, и жизнь переворачивается. Земля твердых убеждений становится неосязаемым бесконечным небом – а ты, обливаясь потом, учишься ходить по облакам...

На самом деле, конечно, «ведьма» звучит недурственно. Но мне все чудилось, что сердцевинка у этого слова... мм... с гнильцой, что ли? Один принцип высшего ведовства чего стоит. Чем можно жертвовать-то? собой? Другими? Продлить годы свои за счет жизней ни в чем не повинных людей? Фу. Ни за что и никогда!.. Но соблазн-то велик, особенно для женщины, ведь хочется, чтобы подольше было гладким лицо, подтянутым тело... Ох.

А еще мне не давал покоя Эрик. Не в прямом, конечно, смысле – но в каждую из трех ночей, оставшихся до вечеринки, он нагло вламывался в мои сумбурные сны, заставляя вздрагивать и просыпаться. Эрик не предпринимал ровным счетом ничего, только смотрел на меня горько и сочувственно, и все повторял: будь осторожна, ты не знаешь, во что ввязалась...

Но днем кошмары отступали, ко мне обязательно приезжал Андрей – и, чего уж скрывать, его общество было более, чем приятным. Он вытаскивал меня из полутьмы квартиры словно морковку из земли, катал по городу, вывозил к реке... Неизменно оставляя Ингу дома. Казалось, ему со мной интересно – либо он впервые имел дело со столь юным созданием, прошедшим инициализацию.

... А инициализация-то и не завершилась. В одну из прогулок я спросила Андрея – не будет ли он меня учить... ну, ведьмовскому ремеслу. На что он только пожал плечами.

– Лер, сейчас я ничего не могу с тобой сделать. Дар не раскрылся, знак ведьмы на твоём ментальном поле неясен. Вот когда переход завершится – тогда с удовольствием.

– Скажи, а кто такая Малика? – спросила я, воспользовавшись моментом.

– Малика? В первый раз слышу. Откуда это имя? Смешное такое, странное...

Хм. Либо он мне лгал, либо узница Эрика оказалась попросту незнакомой.

...Время. Его стремительные воды с шумом и грохотом несли меня навстречу судьбе. Барахтайся, как хочешь – никуда не денешься. И грянула обещанная вечеринка, и меня завертело в цветастом водовороте из коктейлей, незнакомых лиц и фейверков.

* * *

Инга была неподражаема: черный блестящий топ, черные брюки, обтягивающие идеальные ноги. И – обилие сверкающего серебра. Несколько цепочек, кулон-паук с зелеными глазами, такой же паук на широком дутом браслете, ажурные серебряные колечки в ушах. Помада цвета черешни удивительно хорошо сочеталась с гладко причесанными волосами, кошачьи глаза были оттенены сливовыми и графитовыми тенями... Ведьма, одним словом, да такая, что дух захватывало. Даже у меня – не говоря уж о мужской части населения.

– Ты собралась? – Инга мимоходом приложила к моей щеке, обдала мятным холодком, – давай, одевайся. Андрэ скоро заедет.

Я поморщилась – отчего-то меня начинала раздражать ее дурацкая манера называть Андрея на французский лад.

– Мм... вообще-то, я готова.

Инга замерла на пороге кухни, обернулась, поцокала языком.

– Лерочка, ты же не на работу идешь. На вечеринку.

Оставалось только пожать плечами. Не могу же я признаться, что у меня и одежды подходящей попросту не было? Раньше как-то не приходилось посещать ведьмовские вечеринки... Да и вообще... вечеринки.

Поэтому я облачилась в классические брюки и светлую приталенную блузку с кружевом по вороту и на манжетах.

Инга задумчиво почесала за ушком, еще раз окинула меня критичным взглядом.

– Так, дорогая. У тебя есть пять минут, чтобы привести себя в надлежащий вид. А ну, пойдем ко мне. У нас вроде размер одинаковый...

Ну, может быть, Инга и права. В конце концов, я же не знаю, какой у них там дресс-код?

Следующие пол часа были наполнены шорохом падающих на пол предметов одежды и моими протестующими воплями – «ой, я не могу, тут вырез чересчур... а тут разрез... ой, ну не надо, а? Я так не привыкла!»

Потом за нами все-таки зашел Андрей, которому надоело ждать у подъезда, и при виде меня у него забавно округлились глаза – старания Инги-таки не пропали даром. Облаченная

в тунику из сливовой органзы, подпоясанную плетеным ремнем, и в темно-фиолетовые штаны, я наконец стала походить на истинную ведьму. Как завершающий штрих, Инга повесила на меня ворох сверкающей «готической» бижутерии и заставила поярче накрастаться. В зеркале вместо прилежной офисной сотрудницы отразилась леди-вамп – а я тут же заметила, что взгляд Андрея то и дело возвращается к моему нижнему белью, которое было превосходно видно сквозь прозрачную ткань.

– Ну что, девочки, едем? – нерешительно поинтересовался он и посмотрел на меня так, что захотелось завернуться в драповое пальто.

– Конечно, едем! – весело отозвалась Инга, – я тут... немного Лерочке помогла.

– Д-да, спасибо, – я через силу улыбнулась. Черт, все равно что голая... ну да ладно. Наверное, ведьмам так положено.

– Ты превосходно выглядишь, – шепнул он мне на ухо, когда мы уже спускались по лестнице, а Инга запирала дверь.

– Я себя некомфортно чувствую, – упрямо пробубнила я.

От заинтересованных взглядов сто двадцатилетнего ведьмака начинали гореть щеки, а мне совершенно не хотелось прибыть в новую компанию такой свеколкой.

– Красота требует жертв, – философски заметил Андрей и принялся насвистывать под нос.

Сам он, кстати, был одет в привычный костюм – только не цвета хвои, а цвета «мокрый асфальт».

...И мы поехали.

Как выяснилось, на окраине города, в полуподвале старого дома ютился самый настоящий ведьмовской ресторан со всей положенной атрибутикой: клыкастыми мордами демонов по стенам, метлами, столиками в виде перевернутых ступ и ярко-рыжими официантками в черных платьях по колено. Танцпол был подсвечен всеми оттенками красного, из динамиков неслись тихие подвывания, бармен готовил «кровавую мэри».

– Мы рано, – огорчилась Инга, – народ только-только собирается.

– Меньше народу – больше кислорода, – парировал Андрей и в который раз кровожадно воззрился на мой кружевной бюстгальтер.

Мы выбрали свободный столик в углу, Инга подозвала официантку, взялась за меню. А я... мне вдруг сделалось зябко. Я представила себе, как каждый проходящий будет на меня глазеть, и как придется каждому объяснять, кто я и что здесь делаю...

Теплая ладонь Андрея накрыла мои пальцы, шепот приятно защекотал ухо.

– Не беспокойся. Никто тебя вертеть и разглядывать не будет – у нас такие правила. Новички неприкосновенны.

– Правда? – я растерянно взглянула на него. Андрей улыбался своей неподражаемой улыбкой, отчего все его лицо светилось.

– Правда-правда, – заверил он, – может, пойдем, потанцуем?

– А как же... – я взглядом указала на Ингу, изучающую список блюд.

– Она не будет скучать, поверь.

– Может, все-таки позже?

– Как скажешь, – улыбка стала еще шире, еще душевнее. И пальцы Андрея все еще лежали поверх моих, заставляя сердце трепетать в непонятном предвкушении.

А народ подтягивался и подтягивался. Сидя в уголке, я с интересом рассматривала прибывающих ведьм и ведьмаков: похоже было на клуб «до тридцати». Женщины демонстрировали различные части тела – у кого на сколько фантазии хватало, мужчины являлись в дорогих костюмах, часто при галстуках. И, конечно же, все они были особенными. Не глянцевого, журнального красотою – а скользящей, подобно блику лунного света на воде, сверкающей в улыбке, жестах, удивленном вскидывании бровей...

Я сидела, напрочь позабыв о салате и аперитиве. Инга с увлечением ковырялась в тарелке, запивая красным вином, Андрей лениво потягивал «Мартини». Музыка зазвучала громче, кое-кто отправился размяться в кровавых лучах подсветки.

– Пойдем? – шепнул Андрей, – я не допущу, чтобы юная мадемуазель весь вечер просидела за столом, медитируя на тарелку.

Инга проводила нас рассеянным взглядом, и через несколько минут к ней подсел роскошный шатен весьма романтической внешности.

– Вот видишь, Инга не будет скучать. Она сейчас поболтает с одним из старейших колдунов этого города, он даже постарше меня будет. А потом и вовсе поедет к нему домой.

По пути к танцполу Андрей кому-то кивнул, с кем-то обменялся рукопожатием – но ни на минуту не отпустил моей талии. Выдохнул в мой висок:

– Мне нравится этот вечер. Полагаю, для тебя не будет новостью, что кое-кто тобой очень заинтересовался?

Ох. Неужели... неужели он знает про Эрика?! Может быть, нужно было рассказать?

– И кто... это? – я в панике зашарила взглядом по темному залу, страшась увидеть знакомое лицо.

– Это я. Эй, что это с тобой? Ты испугалась? – непритворная забота в голосе. Кажется, он и сам боится... Но чего? Не моего ли возможного отказа?

– Да нет, нет... просто показалось...

И я уткнулась носом Андрею в плечо, вдыхая запах дорогого одеколона и мысленно умоляя высшие силы сберечь меня от инквизиции. Не хотелось ни бояться, ни думать – просто побыть собой.

– Знаешь, я когда тебя первый раз увидел, то своим глазам не поверил, – тихо признался Андрей, – я никогда не видел такой красоты.

– Да неужели? – я подозрительно воззрилась на него, – не верю. Неужели за сто двадцать лет ни разу?!!

– Ты не совсем поняла, – он мягко пригладил мои волосы, рука скользнула на спину, задержалась на мгновение чуть ниже поясницы и вернулась на талию, – дело не только во внешности. Понимаешь... я вижу еще и твое ментальное поле. По крайней мере, отсветы, падающие на то телесное, что есть твой организм. Объяснить очень сложно, почти невозможно. Если у тебя будет дар чтения, то сама поймешь... Но то, что я вижу в тебе сейчас – воистину прекрасно. И я в самом деле счастлив, что мне довелось увидеть рождение новой ведьмы, которая могла бы стать...

Он замолчал, о чем-то задумался. Я же предпочла и не думать, поскольку мало что поняла из этой тирады. Единственное, что просочилось в сознание – это то, что в глазах Андрея я была красавицей. Хм.

«Ну и пусть», – мелькнула безумная мысль, – «пусть это будет просто красивый и короткий роман. Разве я не заслужила чуточку радости?»

– Давай отсюда уедем? – напрямую предложил он, – я отвезу тебя к пруду. Лунный свет на черной неподвижной воде – это очень красиво. И звезды глядят в зеркало... В городе нет таких ярких звезд, пыльно, грязно.

Я пожала плечами. Почему бы и нет? Лунная дорожка, струящийся прозрачный свет, молочные хлопья редких облаков, тишина...

– Звучит заманчиво. Поедем.

Андрей на миг прижал меня к себе – так, что дух захватило – и тут же отпустил.

– Тогда собирайся. Я пока такси вызову.

* * *

...Утро.

Странное утро. Небывалое, фантастическое – уже только потому, что будит меня запах кофе. Потому, что кофе этот мне приносит в постель невероятно красивый мужчина. Предыдущие по утрам обычно разыскивали утраченные носки, привлекая и меня к процессу поиска.

Я делаю маленький глоточек и вдруг понимаю, что у кофе вкус его поцелуев. А в

памяти всплывает пруд, одинокая жемчужина на темном бархате рощи, струящийся отовсюду лунный свет, невесомая его вуаль на черных ветвях. И – звезды. Крупные, яркие. Голубые, янтарные, красные...

– Видимо, я еще сплю?

– Тогда я тоже сплю, – смеется Андрей.

– За сто двадцать лет ты научился соблазнять неискушенных девиц, – бурчу я.

– Согласись, что получилось недурственно? – он ныряет под одеяло, берет свою чашечку кофе.

Я блаженно жмурюсь, прижимаясь к нему. Ну надо же, все равно что ожившая античная статуя, когда-то я о таком и мечтать не смела.

– Да уж, – я все не могу оторваться от его волшебных глаз.

Не поймешь, то ли зеленые, то ли просто серые, то ли бирюзовые.

– Мне нужно ехать, – мягко шепчет он, тем самым разбивая иллюзию сказки, – но я вернусь вечером.

– Тебя ждут жена и семеро детей? – неудачно иронизирую я.

– Я не женат, – усмехается Андрей, – вот уже пятьдесят лет как я – вдовец.

* * *

До полудня я в пижаме слонялась по квартире. Лень одолевала; хотелось лечь на диван и предаться воспоминаниям о ночи у звездного пруда, а еще лучше – просто вздремнуть. Но вымуштрованный годами офисной работы организм протестовал, внутренние часики упорно отмеряли время. Вот сейчас, Валерия Ведова, настало время выпить чашечку чая с баранкой. А сейчас – выйти на балкон, подышать воздухом. И вообще, обед на носу, пора бы прогуляться...

И я сдалась. На больничном, конечно, хорошо, да отвыкла. Заняться бы делом, но каким? Взгляд невольно задержался на стеклянных стопках, которые мне подарили на какой-то из дней рождений со словами – чтоб каждый раз отмечать... Наверное, эти незамысловатые миниатюрные стаканчики мне никогда не нравились, видом своим напоминая о жадности коллег. И они оказались приговорены.

Я расставила их на журнальном столике, сама уселась на диван. В конце концов, должна же я хоть что-то уметь? Вот Андрей – я сладко потянулась – Андрей говорил, что умеет передвигать силой мысли даже тяжелые предметы. Значит, и я должна... Он, конечно, мне никогда не показывал, как именно могут летать кирпичи, но врать сто двадцатилетнему колдуну тоже не пристало.

Итак, стопка номер один.

Я принялась изо всех сил буравить ее взглядом, одновременно бормоча – «двигайся-двигайся». Впрочем, это мы уже проходили в прошлый раз. Наверное, стоило попробовать и по другому – но фантазия буксовала, а в голове не всплывало ни единой здоровой мысли о том, как заставить посудину переместиться.

В прошлый раз... Да, в прошлый раз стопку я раздавила. Разозлилась, даже не думала о том, чтобы «взгляд обрел твердость и силу молотка», а она – дзыньк! – и готово. Но так было неправильно. Я же, в конце концов, не готовлю себя на роль ведьмы-разрушительницы! Мне всего-то и нужно, что сдвинуть с места одну стопочку...

В висках слабо тренькнуло. Первая ласточка приближающейся мигрени, чтоб ее. Выйти бы на балкон, подышать весенним воздухом – да балкон оккупировал голый призрак с петлей на шее. Комната дрогнула, на миг перед глазами поплыло... Ох.

Я уставилась на столик, засыпанный мелким стеклянным крошечком. Ну и как мне справляться с собственным даром?! И как жаль, что рядом нет Андрея, сейчас бы потереться щекой о его колючий подбородок, и душевное спокойствие было бы мигом восстановлено... Я уныло смахнула осколки в мусорное ведро, плеснула на дно бокала коньяку и храбро распахнула балконную дверь. Здравсьте!

Разумеется, тут же материализовался прежний владелец квартиры, все как положено: на стульчике, с веревкой в руках. Он помигал на меня круглыми глазами, состроил хитрую рожу – вроде как шалун из детского сада, вознамерившийся напугать воспитательницу. Был он... весь бело-синий, как будто сбежал из морга... Только номерка на пальце ноги не хватало...

– Сгинь, – обронила я сквозь зубы, подвинула себе табуретку и уселась. Принялась разглядывать ствол большого тополя, который рос прямо за домом. Его крона давала тень, прикрывала мои окна от солнцепека – за что я очень любила это сильное и красивое дерево.

Призрак недовольно клацнул зубами, поскрипел стульчиком.

– Еще один звук – и я его выброшу. Навсегда, – пообещала я, а сама глотнула коньяка для храбрости.

– Тоже мне, – огрызнулся он, – небось поначалу полные штаны были!

Я попыталась облить его презрением, но, верно, получилось плохо, потому что призрак явно воодушевился.

– Думаешь, как ведьма, так уважения не нужно оказывать? Да я...

– Уважения?! – едва не поперхнувшись коньяком, я с изумлением уставилась на это посиневшее чучело, – ты хочешь, чтобы я тебя зауважала? Да кто уважает самоубийц?.. Нет, ну это же надо было быть таким дураком, чтобы самому в петлю влезть? И получил ты по заслугам! Застрял между мирами? Так тебе и надо!

– Да что ты знаешь, – он вдруг поник.

Затем отложил на пол веревку и уселся на детский стульчик, закинув ногу за ногу.

– Что ты знаешь о том, что меня привело в петлю? – повторил призрак, хлопая совиными глазищами.

– Знать ничего не хочу, – я залпом допила коньяк. По горлу покатилась обжигающая волна, и храбрости заметно прибавилось, – только дурак лезет в петлю. А из любого безвыходного положения есть как минимум два выхода, понятно?

– Да ты... – растерянно промямлил он...

И начал таять. Как дымок – только в самое последнее мгновение этот дымок приобрел очень странную форму. На фоне застекленной рамы повисла целая надпись: не можешь с посудой, попробуй с людьми, дура.

– Сам дурак, – механически отозвалась я.

Наверное, черт возьми, он меня начинал уважать. А там – может, еще и будет спрашивать разрешения, когда появляться, а когда – нет?

Но я все-таки решила попробовать. Вдруг на людях мой талант проявится в полной мере? А там – исцеление смертельно больных, наказание неверных мужей, снятие порчи... Что там еще ведьмы делают?

К тому же, погода стояла великолепная, а я совсем уже забыла, что такое просто выйти на прогулку. Как-то так получилось, что меня поглотила работа. Про других говорят – «его заел быт», а вот меня, наверное, с аппетитом пережевывала моя офисная деятельность. Работа-ночь-работа-ночь, и так всю жизнь, неделя за неделей. И не понимаешь, не чувствуешь, как это скучно и плохо – ровно до тех пор, пока судьба всемогущая не подкидывает подарочек в виде длительного больничного.

Я быстро нырнула в черную водолазку, такие же джинсы. Теперь куртку, длинный шарф – полосатый, яркий словно заграникомандировка, высокие ботинки... Последний взгляд в зеркало, легкое разочарование (ну где же, где же хваленая привлекательность ведьмы?) и – вниз по бетонным ступенькам. Туда, где солнце, свежее, умытое зимой небо, подсыхающие лужи на асфальте. Господи, как же давно я не выходила на улицу, чтобы просто побродить, поглядеть на пестрые витрины магазинов, обменяться парой сплетен с встреченной вдруг знакомой...

Оказалось, что на время «с девяти до шести» город вовсе не вымирал. И на улицах я увидела не только пенсионеров и детей. Мартовское солнце радовало гуляющую и бурлящую молодость. Девчонки в вызывающем мини, парни со странными прическами,

солидные дамы с выводком детворы, бабульки с собачками, куда-то спешит приятный русоволосый паренек примерно моих лет...

И тут меня словно кто-то подтолкнул.

Попробовать на людях, говорите? А почему бы не приворожить сейчас... Вот этого, такого славного и на вид совершенно безобидного? Приворожить – а потом отпустить, не нужен мне никто, кроме Андрея на самом деле. Только попробовать... Еще не факт, что получится...

Я замерла, наблюдая за намеченной жертвой.

Молодой, симпатичный. Высокий и широкоплечий, атлет. Длинная темно-русая челка падает на лоб, на глаза – он то и дело проводит по волосам рукой. Стоит у газетного киоска, ждет, пока неторопливая старушка отсчитывает сдачу. Что это мы за журналчик покупаем? Ага, кажется «За рулем». Автолюбитель...

Я бесшумно подкралась к нему – самая обычная девчонка, которой тоже нужна свежая пресса. Ну, а дальше что? Схватить за руку и прореветь «повинуйся, жалкий смертный»? Глупости какие. Но что делать-то? что?!! Неужели и с людьми не получится?

Наверное, в тот миг дар мой решил проявить себя независимо от моей воли. А я – не увидела, скорее ощутила, как от моего сердца к спине парня медленно, оч-чень медленно тянется липкая ниточка. Паутинка, которую не разорвать, не разрезать...

Парень вдруг повернулся ко мне. Сам. Благородное лицо, кажется, даже не русский. На немца похож. Глаза – васильки, смеющиеся, загадочные.

– Привет, – сказал он, и мне в его голосе померешилось слабое удивление.

– Мы знакомы? – я попыталась улыбнуться в ответ, а сама все глядела в его синие глаза. Да, есть у меня дурацкая привычка – пытаться вот так понять человека...

– Еще нет, – весело сказал парень. С легким иностранным акцентом. – но я питаю надежду.

И вдруг... У меня внутри все рухнуло в ледяную бездну. Что же я делаю, а? У меня есть... Андрей. А у этого симпатичного мужчины наверняка есть любимая девушка. Разве можно... Вот так, не задумываясь, из интереса разбить их любовь?

Липкая паутинка замерла, так и не дотянувшись до цели, а затем, словно отпущенная резинка, с оттяжкой хлопнула меня по ребрам.

– Ой!

– Тебе нехорошо? – всполошился парень, – я могу?..

– Нет-нет, – я заторопилась прочь. Руки дрожали, зубы отчего-то начали выстукивать барабанную дробь, – я хорошо... хорошо себя чувствую.

– Ты такая красивая, – ляпнул он напоследок, мне в спину.

Я с кем-то столкнулась, больно ударила плечом. Пробормотав извинения, кинулась вдогонку за троллейбусом, едва успела вскочить на заднюю площадку. Меня трясло, сердце выпрыгивало из груди. Черт, а? Чуть не вляпалась в неприятную историю с этим симпатягой. Зачем вообще мне это было нужно?..

Проехав остановку, я вышла. Зажмурилась на яркое солнце, долго дышала – глубоко-глубоко, пыталась успокоиться. А место, куда ударила «паутинка», начало побаливать. Нехорошо так, ноюще и – где-то внутри меня. Черт.

* * *

– Никогда так больше не делай, – мрачно попросил Андрей, – до тех пор, пока Дар не проявится в полной мере.

За окном плыл фиолетовый вечер, а мы лежали на диване, укрывшись теплым пледом, и поедали мороженое с фруктами.

– Не буду, – я с удовольствием потерлась о его колючую щеку, – сама не знаю, что на меня нашло.

– Ты не понимаешь, – он взъерошил мне волосы, – дело вовсе не в том, что тебе нельзя

привораживать простых людей. Дело в том, что инициализация не завершена, и твой дар... совершенно непредсказуем.

– Да уж, – согласилась я.

Под ребрами побаливало, и это напоминало о том, как я чуть не сломала жизнь человеку.

– Ты даже убить кого-нибудь можешь, сама того не желая. Скажи-ка, ты больше ни на ком... не пробовала?

Я замотала головой.

– Вот и не надо. – Андрей зевнул, потянулся, – а то еще чтецы инквизиторов пожалуют... Только этого нам не хватало.

– Инвизиция знает о нас? Обо мне, о тебе? – в объятиях колдуна я чувствовала себя очень надежно. И защищено.

– Разумеется, знает. Тебе интересно, почему еще всех вольных не переловили?

– Ага.

– Ленятся, сволочи. Да и мы не лыком шиты... Но что до меня, Лерусь... не хотел бы я снова к ним попасть. Ни за что.

Он зевнул еще раз, отставил вазочку с мороженым и повернулся ко мне.

– Моя красавица, моя малышка, – я замерла под его прикосновениями. Легкое касание – а как много значит...

– Я за тобой соскучился, – уверенно заявил Андрей, – никогда так не тосковал, веришь?

...Утром я незаметно выскользнула из-под одеяла, босиком прошлепала на кухню. Сейчас... Десять минут, приготовлю кофе, две чашечки на поднос, бисквит на тарелочку... М-м-м... Что еще нужно для счастья? Наверное, только луну с неба. Но лично мне ни луны, ни звезд в неба не хотелось. Мне хватало того, что рядом со мной по-прежнему был самый-самый лучший мужчина на свете. Быть ведьмой не так уж и плохо, верно? И пусть даже незваное это колдовство, непрощенный гость в моей жизни.

Стукнула балконная дверь. Что, пошел покурить с утра пораньше? Ну-ну, дурная привычка, но такая уютная, домашняя...

– Милый, уже бегу, – я ловко водрузила на поднос чашки и блюдо с выпечкой, – бегу-у-у!

И остолбенела на пороге комнаты, потому что Андрея не было. Ни на диване, ни на балконе. В ванную проскользнуть он просто не мог, я бы заметила... Черт. И как это понимать? Одежда на спинке стула, а его нет...

Передвигаясь как деревянная кукла, я аккуратно опустила поднос на столик – не дай Бог кофе прольется. На негнущихся ногах подошла к балкону – нет, только не это... только не так!

– Что, получила? – ухмыльнулся призрак на скамеечке, но я пропустила колкость мимо ушей.

Зачем же... почему?...

Ну, сказал бы – у нас нет будущего, мы не созданы друг для друга. В конце концов, ты уродина и в подметки Инге не годишься. Но... вот так? Почему, почему?! По щекам потекли слезы. Обидно. Стыдно... Как девчонка, поверила в любовь с первого взгляда. Дура. Ведь надо было помнить о том, что эликсир любви нынче редок, а если и бывает, то каплями, а не бочками!

Внизу, по мартовской грязи, удирал Андрей, в трусах. Как призер чемпионата по коротким дистанциям.

За что мне это, а?

Ну нельзя же так, только потому что я не модель с обложки, а ему сто двадцать лет?

Я медленно повернулась и вошла в комнату, где все еще витал его запах. Вот он, конец сказки, иного и ждать... что?!!

Навстречу из коридора метнулось что-то темное, расплывчатое. Жесткий, безжалостный удар в грудь – и я уже на полу, перед глазами прыгают искры, судорога

заставляет выгнуться дугой... Господи, хоть бы вздохнуть. За что, за что?!!

Потолок угрожающе потемнел. Тьма смыкалась кольцом, разевая хищную пасть, причмокивая и предвкушая. А в светлом кругу, прямо надо мной, появилось мужское лицо. Кажется, я его уже видела однажды, но где?

– Допрыгалась, тварь, – проскрежетал чужой голос, – теперь сдохнешь!

И перед глазами лопнул огненный шар. Все.

– Андрей, – выдохнула я в накатывающую пустоту.

Сожалея. И презирая себя.

Андрей

Серый и сырой весенний день подходил к концу, сумрачной тенью ложась на перепаханный волнами залив. У причала покачивался одинокий буксир, вдалеке, почти теряясь в подступающих сумерках, белел бок баржи. И – чайки, кажущиеся светлыми точками на графитовой воде... Но то внизу, если долго-долго спускаться по старым, местами крошащимся ступеням заброшенной лестницы. Здесь, *над морем*, шумели проезжающие машины, навязчиво тренькали мобильники, спешили куда-то люди и раздражающе подвывала певичка в ближайшем баре – ее даже видно, если приподняться на цыпочки и заглянуть в пыльное стекло.

Андрей оперся на широкие перила балюстрады и вновь уставился на море. На душе творилось примерно то же, что и на водах залива – грязных, взбаламученных и холодных.

«Что, пробежка по мартовской грязи босиком поднимает тонус?»

Он судорожно вцепился в шершавые перила, как будто мог их раздавить.

Да-а, утренние события шипом засели в сердце. А теперь оно, это никчемное, бестолковое сердце, исходило страхом и беззвучными рыданиями. Словно этим можно было что-то изменить.

«И что она теперь обо мне подумает?»

Андрей вздохнул. Поздно, батенька, пить боржоми. Нужно было вести себя по-человечески. С чистой совестью не бегут, можно было остаться и хотя бы узнать, что нужно проклятым законникам. Но вколачиваемый годами страх взял свое – противный, мерзкий, животный... Как будто, столкнись Андрей с ними во второй раз, и ждало бы его нечто стократ худшее, чем просто смерть...

Он стиснул голову руками, яростно взглянул на какую-то дамочку с пуделем (она тут же предпочла ретироваться), полез в карман за телефоном.

«Ну, что ты ей теперь скажешь? Ах, прости, дорогая, просто так получилось?»

Дорогая...

Это слово вдруг показалось слишком избитым, банальным и залапанным миллионами равнодушных рук. Оно, слово это, совершенно не отражало суть происшедшего за последние дни и перевернувшего все существование циничного ведьмака.

И на самом деле он был готов отдать свою никчемную, нечеловечески длинную жизнь за женщину, оказавшуюся слишком чистой и прекрасной, но, но... Опять-таки, страх. Его никуда не денешь, не выбросишь, как дырявый носок. Он слишком глубоко засел в душе, за все эти годы.

А ведь, не вернись он с Ингой в ту ночь, ничего бы не случилось! Вообще ничего – ни сумасшедшего призрака на балконе, ни распростертой на полу девушки, которую можно было сравнить только с распускающимся цветком лотоса, ни сумасшествия, накатившего и накрывшего с головой, закрутившего в сладком водовороте. Пожалуй, единственной ложкой дегтя было Ингино ворчание о том, что, мол, ее изводят дурные предчувствия, которые неким таинственным образом связаны с Валерией. Но он намеренно пропускал их мимо ушей, стараясь хотя бы на время забыть о том, что Инга прежде всего провидец.

«Ну что, будешь просить прощения?» – он усмехнулся, листая список телефонных номеров.

Будет, еще как будет. На колени станет, только чтобы простила...

– Нет!!!

И невесть откуда взявшаяся Инга повисла на руке.

– Нет, не звони ей! Андрей, погоди, выслушай! – выпалила она в лицо, обдав запахом магии.

Он глубоко вдохнул. Выдохнул, чтобы немного успокоиться и с ходу не отправить Ингу в нокаут. Все-таки женщину бить незачем, пусть даже и ведьма. Затем негромко спросил, удивляясь тому, каким хриплым стал голос:

– Что еще?

В душе собиралась, бурлила досада – и как это Инга подкралась совершенно бесшумно на своих высоченных каблуках? Неужели настолько задумался, что стал похож на токующего глухаря?

– Андрэ, – глухо пробормотала женщина, наконец отлепившись от него и смахивая назад гладкую челку, – пожалуйста, *не звони ей*.

– А я-то думал, ревность не для таких как ты.

– Ревность здесь не при чем, – заметила Инга, – ты прекрасно знаешь, что мы всегда были и будем только друзьями, так гораздо спокойнее.

Только сейчас Андрей осознал, что она выглядела какой-то взъерошенной, утратившей обычный лоск, в стареньком черном пальто... С чего бы?

– Я весь город исколесила, Андрэ. Тебя искала, а ты вот где... Не звони своей Лерке, взяли ее.

– Вместо меня?

Инга опустила глаза.

– Не думаю, Андрэ, не думаю. Кое-кто мне уже рассказал, что операция готовилась специально по ее душу, а это значит...

Телефон выпал из разжавшихся пальцев. Но... как такое могло случиться?

– Это значит, что *там* кто-то очень сильно заинтересовался твоей Лерой, – быстро договорила Инга и умоляюще посмотрела в глаза, – не звони ей больше, Андрэ. Ей уже не поможешь, но себя хотя бы не гробь раньше времени. Ты ведь знаешь, что будет, если опять попадешься? Помнишь ведь, что в твоём случае все непросто, а? Сколько нераскрытых убийств они могут на тебя повесить?

Он быстро отвернулся, лишь бы не видеть белого лица ведьмы, которое стремительно расплывалось в подступающей темноте. Валерия, не дорогая, но любимая... Что такого *они* могли найти в тебе? Что плохого вообще могла сделать ведьма, еще не дошедшая до финальной стадии инициализации?

Андрей с трудом осознал, что Инга что-то говорит ему, успокаивающе глядя по рукаву.

– Что-то происходит в городе, Андрэ. Говорят, были убийства, но никто не говорит, сколько и где. Еще... говорят, что все это дело рук одного человека, вернее, ведьмы.

– Это невозможно, – прошептал он, – она не могла...

– Никто из нас не знает, что она могла, а что нет, – отрезала Инга, – пожалуйста, пойдем домой. Черт тебя побери, Андрэ, ты же знаешь, что я хотя бы пытаюсь заботиться о тебе!

– Тебе не хватает детей, – выдохнул он.

Наклонился и поднял чудом уцелевший мобильник.

– Возможно, – скривилась Инга.

Когда призраки правы

Свои ошибки признавать по меньшей мере неприятно. Еще более неприятно становится, когда осознаешь – а ведь посиневший самоубийца с балкона оказался прав, все-таки существуют безвыходные положения, из которых выход один. Классический, петлю на шею или бритвой по венам. Н-да. Из каменного мешка размером два на два не сбежишь.

Дверь – металлическая, с настоящим тюремным окошечком, глухие стены. Под потолком нервно помигивает и потрескивает круглая люминесцентная лампа.

... Я с трудом уселась на полу, обхватила себя руками за плечи, чтобы немного согреться. По позвоночнику один за другим пробегали сполохи боли, и точно также дергало под ребром. Как же так, а?

Кто-то приволок меня сюда, в этот карцер, кто-то переодел в рубаху из грубого льна – тут из горла вырвался нервный смешок – кажется, в таком же платьице разгуливала несчастная Малика, которая... хотела предупредить меня, уберечь от беды...

В голове одна за другой поплыли истории о том, как маньяк держал в плену девушек, как они жили в подземелье... Стоп.

Кажется, здесь совсем другое. И рубашечка эта, с длинной шнуровкой по горловине... Значит, все-таки инквизиция? Но почему? Андрей утверждал, что они смотрят на нас сквозь пальцы. К тому же, я еще не сделала ничего такого, за что меня могли схватить. Или сделала? Господи, а если позвонит мама, а меня нет дома? А если – что еще хуже – она решит меня проведать, а дверь квартиры будет распахнута и внутри погром как после обыска?

А в ту, последнюю ночь... Мне снилось что-то неприятное. Кажется, кровь. Много крови, прямо-таки потеки на стенах, как будто скотину забили. Я дергалась, металась как мотылек в паутине, пытаюсь выкарабкаться из кошмара, но ничего не получилось, и сон как-то быстро забылся. Может, все это было на самом деле?

Мысли путались. Я сидела и методично обгрызала ногти, все еще пытаюсь сообразить, как выбраться из этой тюрьмы.

Как? Ха! Никак. Призрак был тысячу раз прав. Бывают ситуации, из которых выход только один. Но я же не хочу... И потом, Андрей...

Тут я не выдержала и заплакала. Еще не успело померкнуть воспоминание о том, как мой возлюбленный прыгнул с третьего этажа и рванул прочь от моего дома. Выходит, он меня предал? А может, и вовсе лгал? А может... он сам что-нибудь натворил, а меня подставил?

Ох, нет. Андрей не способен на такую подлость – но откуда тебе, Лерка, знать, на что способен субъект ста двадцати лет от роду? Ты была с ним знакома несколько дней, втрескалась по уши как десятиклассница...

Я взвыла. И вцепилась в собственные волосы. Идиотка... Доверчивая идиотка и легкая добыча. Самый настоящий Вареничек, как тебя любит величать Танюха. Но она ведь любя... И, на самом деле, это чистая правда.

...А мои родители, а Танька? Как же они? Вдруг они начнут меня разыскивать?

Слепо уставившись на железную дверь, я раскачивалась из стороны в сторону, как будто это могло помочь. Во рту плавала горечь вперемешку с кровью из прокушенной губы. Позвоночник дергало, как больной зуб – и точно также болело в подреберье. Остаток неудавшегося приворота. Вот дура-то.

Что-то заскрежетало, и я запоздало связала этот тянувший нервы звук с поворотом ключа в замочной скважине. Так *они* и нашли меня – сидящей на полу, зареванной и судорожно кусающей ногти.

* * *

Теперь другая комната. Такая же серая, без окон, но пол деревянный, широкие некрашенные доски. Посередине широкий стол и два табурета по разные стороны. На потолке – все та же люминесцентная лампа, круглая как луна.

Я сонно вслушиваюсь в шелест бумаг на столе. Я устала, я так устала... Хочется спать. Хочется все забыть, проснуться и никогда не слышать самого слова «ведьма». Но от реальности не убежишь, и поэтому я тупо слежу за движениями загорелых мужских рук. Нет, это не Эрик. Его, кажется, зовут Михаил – и он ведет допрос.

– Итак. – руки уверенно ложатся на листы с моим делом.

Я сонно гляжу на Михаила, а сама размышляю о том, что ему не место в этом подвале. Его бы в гавайскую рубашку да к стойке бара, потому что внешне Михаил – ну вылитый Джеймс Бонд в исполнении Пирса Броснана. Да-да, ему самое место в фильме «Умри не сейчас»! Господи, что за бред...

– Валерия Ведова. Вы обвиняетесь в убийстве семи смертных...

– Сколько?..

– Семь, – ярко-голубые глаза смотрят на меня, не мигая.

И я начинаю съеживаться, мне хочется стать дымом и просочиться куда-нибудь... в вентиляцию. Для сумасшедшего ведь стать дымом – вполне возможно.

– Это неправда, – брякаю я первую пришедшую на ум банальность, – я не...

– Чтецы обнаружили на жертвах ваши ментальные следы, Валерия. Дальше будете отпираться или сами расскажете? Дело в том, что для проведения формальной процедуры нам необходимо получить признание. А вот *как* мы его получим...

– Я не убивала, – шепчу я, – я никого не убивала!

– Вам бы сотрудничать с нами, – укоризненно говорит Михаил и начинает вновь листать дело, – расскажите, зачем. Почему вы убили их? Семеро за один вечер – это слишком...

– Я дома была. Дома!..

– То, что вы пребывали дома, еще не есть доказательство невиновности. А вот ментальный след, который нас и привел... к вам – прямое доказательство вины. Рассказывайте, Валерия. А я послушаю.

– Я... не...

– Вам должно быть известно, – усмехается Михаил, – что раньше... много раньше инквизиция была не слишком разборчива в средствах извлечения показаний из ведьм. Чего вы добиваетесь?

Я молчу, смотрю на его руки. Смотреть в глаза – не могу. Нет сил.

– Не вынуждайте нас идти на крайние меры, – предупреждает Михаил, – подпишите признание.

– А что будет дальше?

– Вам вынесут приговор. Как правило, при таком количестве жертв приговор один.

– Казнь?

– Это быстро. И теперь – благодаря нашим новым разработкам – совсем безболезненно, – он в упор смотрит на меня, – подпишите, Валерия. Вам зачтется.

– Я ничего... не подпишу, – пальцы сами отбрасывают лист мелованной бумаги, – ничего!

– Подпишите, – он спокойно начинает складывать документы в папку, – еще как подпишете.

Бедные мои... Мамочка. Папа. Танька. Как они... без меня-то? Как вообще самая обыкновенная Лерка могла попасть в этот кошмарный бред?

Я не сопротивляюсь, когда меня берут под руки два высоченных парня с черных масках. Мы долго идем по серому и безликому коридору с круглыми лампами на потолке. Снова дверь, скрежет ключа в замочной скважине... А затем – ослепительная белизна медицинского кабинета. Меня укладывают на койку и крепко привязывают ремнями. Откуда-то выходит врач – все, как положено. Халат, маска, высокая шапочка. Сверкает игла одноразового шприца, укол в вену. Бедные вы мои. Как вы... без меня?

* * *

Для счастья, оказывается, нужно мало. Всего лишь, чтобы отпустило, чтобы вкололи что-нибудь нейтрализующее предыдущий препарат.

Я непонимающе заморгала на круглую лампу, затем – на удовлетворенное лицо

Михаила. Господи, да они тут все... садисты проклятые!

– Валерия Ведова, для вашего же блага, подпишите.

– Никогда.

Я и не думала, что когда-нибудь сорву голос от крика. А вот получилось – теперь хриплю, как во время сильной простуды.

– Тогда нам придется повторить процедуру, – холодно обронил Михаил.

– Вы... не сможете меня казнить, пока я не подпишу? – просипела я.

– Но вы же подпишете, – снисходительно улыбнулся Пирс Броснан, – не сомневайтесь, подпишете.

...И он, конечно же, оказался прав. Не знаю, сколько времени прошло, сколько раз я ныряла в озеро раскаленного свинца, сколько раз выныривала, чтобы выплюнуть «да пошел ты». А потом все вдруг сделалось тусклым и ничего не значащим. Меня отвязали, сунули ручку – и я вывела закорючку на листе бумаги. Мой собственный смертный приговор.

Михаил начал складывать описание моего дела, а я все лежала на белоснежной кушетке, и не замечала, что носом идет кровь и пачкает безукоризненную простыню. Где-то стукнула дверь, Михаил на секунду отвлекся от своего занятия.

– А, это ты? Ну проходи. Мы уже закончили, обвиняемая во всем созналась.

– Почему меня так поздно известили? Семь жертв. Чересчур для едва прорезавшегося Дара.

Я невольно вздрогнула. Ну конечно, стервятники слетаются на вечерний пир! Будьте вы прокляты, все-все.

– Не видел необходимости, – последняя бумага легла в картонную папку, Михаил туго затянул тесемки, – суд состоится завтра в полдень, тебе придется присутствовать. А там – езжай, куда собирался.

– Когда состоится казнь?

В поле моего зрения появились знакомые часы. Я всхлипнула и попыталась отвернуться, только чтобы не видеть...

– Соответственно, на следующий день.

– Хорошо.

О, если бы я могла... напоследок вцепиться зубами в эту ненавистную руку! Или выцарапать глаза – черные и блестящие – которые внезапно оказались напротив моих, покрасневших и слезящихся... Но любое движение стало еще большей пыткой, не знаю, что за дрянь в меня влили. Я захрипела, судорожно дернулась, все еще пытаюсь бежать, хотя бы отодвинуться на другой край жесткой лежанки... Ненавижу! Ух, как же я тебя ненавижу... Так бы и раздавила, как стеклянные стопки на столе – только вот не получается. Все куда-то делось, даже разозлиться как следует не могу, получается только вяло ненавидеть. Тьфу. Прямо снулая рыба какая-то. Что они мне кололи?

Эрик быстро выпрямился, и я снова могла созерцать часы «Радо».

– Михаил, – голос прозвучал неожиданно сухо, – я бы не торопился с выводами. Кроме того, вы нарушаете наши правила, не оповестив о поимке преступницы совет. Что до меня – так я не верю в то, что какая-то девчонка растерзала семерых здоровых мужчин.

– У нас ее ментальный след, Эрик.

– Его можно подделать. Истории известны случаи создания простых копий, которые распространялись и на вызываемых сущностей.

– Погоди-ка, погоди-ка! – Михаил даже папку отложил, – может, расскажешь, кто из ныне живущих на это способен? Уж не ты ли?

На мгновение в комнате повисло молчание. Недоброе, напряженное.

– К чему мне это, Миша?

– А мы ведь не знаем, сколько тебе лет, Эрик. Никто из нас не знает. Может, ты еще раз решил омолодиться, а?

– Занятная гипотеза, – Эрик хмыкнул, – ладно, дело ваше. Увидимся на суде.

Он вдруг наклонился ко мне, несколько мгновений пристально вглядывался в лицо –

словно что-то искал. Может быть, следы раскаяния? Я только скрипнула зубами и, сжав волю в кулак, отвернулась. Будьте вы прокляты. По позвоночнику дернула раскаленная проволока, но я зажмурилась и даже не пискнула – только не при нем, не при нем...

* * *

Потом я снова очутилась в камере. Стало темнее, то ли свет приглушили, то ли я начала слепнуть – но какая разница? Лежа безвольной кучкой в углу, я сонно разглядывала угол двери, побитый ржавчиной. Ай-ай, нехорошо, господа инквизиторы, недоглядели.

Думать не получалось, мысли путались. Я то и дело проваливалась в далекое и доброе детство, когда папа и мама кажутся самыми сильными и красивыми на свете, а мир вокруг – большим и солнечным. И нет в нем места смерти, нет. А сам себе кажешься вечным, старенький дедушка уходит на небо, и оттуда непременно радуется моим успехам.

Но даже вечность, к сожалению, проходит слишком быстро. Очень скоро меня не станет... Странные ощущения, непонимание происходящего. Как же так? Мир без меня? Разве такое бывает?

«Не забыть о последнем желании», – прошептала я, – «не забыть...»

Чтобы мои родители никогда не узнали, как именно я погибла. Пусть... эта свора садистов и убийц как-нибудь устроит видимость аварии. Несправедливо погибнуть в аварии, но это – случайное стечение обстоятельств, или – если верить – судьба. Все лучше, чем обивание порогов с требованиями найти и наказать убийц.

В том, что последнее желание будет выполнено, сомнений не было. На то оно и последнее, чтобы стать самым ценным. Вроде завещания...

Наверное, я начала бредить. Рядом, на корточках, сидел Андрей и что-то говорил, поглаживая меня по щеке. Зачем он здесь? После того, как сбежал... После того, как бросил меня на растерзание палачам?

– Я тебя вытащу. Обязательно, – он взял мою руку в свою, – не беспокойся. Я обязательно что-нибудь придумаю.

– Тебя не может здесь быть, – язык плохо меня слушался, из горла вместо слов выползали сдавленные хрипы.

– А меня здесь и нет, – Андрей нервно передернул плечами, – но мы можем с тобой говорить. Я сбежал, потому что почувствовал инквизицию, Лера. Прости, но я не мог позволить, чтобы они взяли и меня.

Ха! Мой идеал мужчины говорит, что испугался и улизнул, оставив свою принцессу на съедение волкам. Как занятно, Боже мой. Какой жуткий бред...

– Я, оказывается, убила семерых.

Он даже отпрянул.

– Лер... Это что, правда?

– Не знаю... Уже не знаю... – я прикрыла глаза. Душным мешком наваливался сон, веки налились тяжестью, и лицо Андрея начало плыть.

– Лерка, ты не могла никого убить, – в наш диалог протестующе ворвалась Инга.

Любопытно, как это у них получается со мной говорить? Нет, все-таки я продолжаю бредить, а роскошная шевелюра цвета дикой вишни – галлюцинации, плод расстроенного рассудка.

– Не знаю, – прошептала я, – может, и могла.

Под ребрами, там, где засел не дошедший до цели приворот, словно ржавым гвоздем провернули. Я взвыла – но сон как рукой сняло. Интересно, это тоже их рук дело?..

– Лера, не сдавайся, – зудел в ушах голос Андрея, – Я тебя люблю, Лерусь. Все будет хорошо.

Любишь? Но почему тогда бросил?..

На мгновение мне захотелось ему поверить, затем я вновь соскользнула в уютное детство – а выныривая в сумрак камеры вдруг поняла, что уже не одна.

У двери, прислонившись к стене, черным идиолом замер Эрик. Только часы на руке поблескивали в неверном свете, и лицо... Лицо показалось мне тусклым, серым. Неживым, что ли...

– Почему ты сбежала из моего дома? – негромко поинтересовался он и шагнул ко мне, – почему, почему?!!

* * *

– Не подходи, – я судорожно зашарила руками по полу, пытаюсь найти точку опоры и подняться, – не...

Тело плохо слушалось, напоминало больше куль ваты. Пальцы без костей, руки мягкие, безвольные. Но я успела все же приподняться, совсем чуть-чуть – а затем в мои плечи впились жесткие ногти инквизитора.

– Почему? – рывкнул он мне в лицо, – если бы ты не сбежала тогда, ничего бы этого не было! Зачем ты сбежала? ЗА-ЧЕМ?!!

С минуту он тряс меня как куклу, а затем вдруг отпустил. Но я – и откуда только силы взялись – начала подниматься, опираясь о холодную стенку спиной. Уж что-что, а напоследок валяться в ногах у палачей? Нет уж. Не позволю себе такой роскоши.

Эрик молча следил за моими маневрами, а в черных глазах опасно сверкало бешенство. Наверное, оно передалось и мне – злость придает сил, даже когда их нет.

– Ты никого не убивала, так?

– У вас есть мои показания, – прохрипела я, – зачем пришел? Тебе мало моей подписи?

Он скрестил руки на груди. Нас разделял всего шаг, и будь у меня при себе хоть что-нибудь... Господи, да кого я пытаюсь обмануть? Меня ноги не держат, а я собралась драться с мужчиной.

– Я тебя спрашиваю, – голос Эрика упал до громкого шепота, – ты невиновна?

– Мои показания...

– Не паясничай! Герой из тебя отвратительный, ясно? – и снова его пальцы больно впились в плечи, – лучше отвечай на мои вопросы. Немедленно!

Тогда я рассмеялась. Расхохоталась, глядя в полубезумные глаза инквизитора. Черт, не нужно было подбирать его в той роще, пусть бы его сожрал... демон, или кто там был...

– Ничего... вы от меня... больше не получите!

И у меня вдруг получилось вырваться из его рук. А затем – просто чудненько! – мои ногти оставили четыре глубоких борозды на гладко выбритой щеке мучителя.

– Дура, – спокойно констатировал Эрик, промокая кровь черным рукавом свитера, – жить тебе надоело?

– А что ты сделаешь? – я хрипло хихикнула, – что?!! Все, что мог... ты уже... сделал... Убирайся вон, ясно? Жертва не желает... тебя видеть!

Дальше... колени подогнулись, и я начала медленно сползать по стене. А потом вдруг оказалась буквально втиснутой в эту самую стену, да так, что не могла и шевельнуться. Эрик держал мои запястья, и больно прижался лбом к моему лбу. Я зашипела, дернулась раз, другой, пытаюсь освободиться – бесполезно. Силы стремительно утекали как вода сквозь решето. Господи, Лерка, это ж надо было? После пыток еще ругаться...

– Прекрати, – сквозь зубы процедил Эрик, – сама виновата. Не нужно было...

– Ты это и Малике говоришь? – у меня даже получилось усмехнуться, а он, он... вздрогнул, как будто от удара. Но меня не выпустил.

– Откуда ты знаешь?

– Я ее видела. В ту ночь.

– А, так вот что тебя испугало? Что она наговорила про меня?

– Не много, но достаточно, – я обозленно пыталась пнуть его ногой, – хорошо же ты ее кнутом разукрасил!

– А она тебе случайно не рассказала, как сварила и съела младенца?

Я озадаченно умолкла. Прикосновения Эрика вдруг стали горячими, лоб жгло, словно я прислонилась к чайнику.

– Вижу, что об этом она умолчала, – издевательски заметил Эрик, – какая забывчивость. А еще она не упомянула одну интересную деталь. О том, что была сожжена как ведьма три сотни лет назад... Ты видела призрака, ясно?

– От... пусти... – выдохнула я. Перед глазами все поплыло, ноги давно отказались держать – и я попросту висела в руках разъяренного инквизитора.

– А, теперь отпусти? Нет, моя дорогая. Сейчас я еще... должен кое-что проверить, чтобы утвердиться в своем подозрении. Не возражаешь?

Я и пикнуть не успела, как он выпустил мое правое запястье и свободной рукой принялся меня бесцеремонно ощупывать. Так, словно я была капустой на базаре... А подбородок мой неожиданно оказался прижатым к твердому плечу – ни головой повернуть, ни укусить, в конце концов.

– Да пошел ты... – хрипло каркнула я, – Оставь! Меня! В покое!

– Будешь командовать своими друзьями, – хищно усмехнулся Эрик, невозмутимо продолжая свое занятие.

Жесткие пальцы скользнули по груди, на миг замерли там, где у меня побаливало... И вдруг перед глазами потемнело от невыносимой, рвущей на части боли. Я даже не поняла, что Эрик зажал мне ладонью рот и осторожно опустил на пол.

Все. Осмотр, похоже, окончился.

И, пока я с хрипом хватала воздух, Эрик задумчиво потирал ладони.

– Крепко же он тебя держит, – тихо сказал инквизитор, – тем лучше. И тем хуже для него.

Для него? Это еще что за новости?..

Слезы хлынули из глаз, я отвернулась к стенке, съежилась. Господи, стать бы дымом, улететь в небо.

«А ведь очень скоро ты и так последуешь туда...»

И тут же – «я люблю тебя, Лерусь». Андрей, Андрей. Что же вы со мной... сделали? За что? Зачем? Так просто было... жить человеком. И никогда ведь не желала я какого-то там особенного дара...

Я не увидела, почувствовала, как рядом на корточки присел инквизитор.

– Кажется, мне сопутствует удача, – задумчиво сказал он.

– Кто... меня держит?..

– А тебе какая разница?

– Это же мое... тело...

Но он так и не ответил. Тихие шаги – и тяжелый, ржавый стук двери. Я снова была одна, впереди меня ждала только казнь.

...И я ошиблась. Снова. Не прошло и пяти минут, как опять скрипнула дверь, на сей раз интригующе тихо.

Я подняла тяжелую, словно налитую свинцом голову – ага, снова Эрик, но уже в сопровождении какой-то вульгарно размалеванной девицы. Фетровая шляпа с полями, натянутая по самые уши, хорошо скрывала лицо незнакомки, я лишь увидела пунцовые губы и белый подбородок. Ну, переборщила девочка с пудрой, с кем не бывает?

– Раздевайся, – коротко приказал Эрик.

Роковая красotka тут же подчинилась и принялась точными, заученными движениями освобождаться от презренных покровов. Полетела в угол шляпа. Я только взглянула в лицо девушке – и обомлела. Огромные раскосые глаза, крючковатый нос, острые кончики ушей. Эльф?!! Вернее, эльфийка? И кожа... чересчур белая. Словно гипс. А губы – слишком яркие... Нет, эльфов не бывает. А если бы и были, то предо мной бы предстала светящаяся дева в белом. Ну, как в кино...

– Я сказал, раздевайся, – буднично повторил Эрик.

А до меня, наконец, начало доходить, что его команда предназначалась *мне*. Он что,

окончательно рехнулся? Да за кого он меня...

– Не нужно так на меня смотреть, – он устало ссутулился, – сейчас вы поменяетесь местами с Виль’атам. Она останется здесь, примет твой облик, а ты отправишься со мной. Я слишком долго ждал... Этого момента.

– Что? – я непонимающе помотала головой. Мыслей бы туда побольше вместо ваты...

Девушка тем временем сбросила туфли и стала посреди камеры совершенно голая. Я смущенно покосилась на нее – красавица. Тело подтянутое, молодое... Так, значит, Эрик задумал поменять нас местами? Ее предать казни, а меня... Выкрасть?

– Зачем? – только и спросила я, – зачем ты хочешь повесить ее смерть на мою совесть?

– Так надо. Тобой я пока не могу жертвовать.

Я помолчала. Конечно, заманчивое предложение – покинуть стены узилища и снова стать свободной (относительно), избегнуть суда и последующей казни, но...

– Знаешь, у меня еще есть совесть, – буркнула я, – никуда я не пойду.

– У тебя нет выбора, – мерзко ухмыльнулся инквизитор.

– У нее, я так понимаю, выбора тоже нет? Кто она? Прострафившаяся ведьма?!!

– Ты ее оскорбляешь, называя ведьмой. Она ведьм терпеть не может, – Эрик покачал головой, сунул руку в карман брюк, – живо, переодевайся.

Как заманчиво. Уйти, ускользнуть из камеры... Оставив чью-то жизнь взамен собственной? Я вздернула подбородок.

– Уходите. Я не хочу... так.

Виль’атам усмехнулась – а я пришла к выводу, что на сей раз по-настоящему схожу с ума. Зубы у нее были тонкие, что иглы, и в три ряда...

А Эрик вдруг быстро шагнул ко мне, наклонился. Перед глазами мелькнуло белое, какой-то странный запах... Эфир?!! Ну, гад. Какой же мерзавец, а?... Задушила бы...

* * *

...Позже.

Я была закутана в одеяло и поверх пристегнута к сиденью. Голова раскалывалась, желудок то и дело сворачивался лентой мебиуса, перед глазами прыгали цветные мячики. Глядя на то, как Эрик уверенно передергивает рычаг коробки передач, я вяло думала о том, что жизнь ведьмы имеет еще и кучу недостатков помимо обещанных благ. Стоит хотя бы подсчитать, сколько раз я теряла сознание за двадцать пять лет нормальной жизни и сравнить полученное количество с множеством обмороков за последнюю неделю. Было над чем поразмыслить, ей-Богу! И это при том, что как ведьма я по-прежнему ничего эдакого не умела. Только стопки стеклянные крошить да ругаться с призраками.

– Как ты? – спокойно поинтересовался Эрик.

– Паршиво, – так же спокойно отозвалась я, – сволочь ты последняя. Чем та девчонка провинилась, а?

На губах инквизитора мелькнула усмешка, он покосился на меня.

– Глаза мне не будешь выдирать? Все-таки по трассе едем.

– У меня руки под одеялом остались, – мрачно пробубнила я, – кстати... куда едем-то?

– У меня есть небольшой загородный домик.

– О четырех этажах и с катакомбами?

– Ты слишком хорошо говоришь для паршивого самочувствия, – заключил Эрик, – теперь слушай внимательно, Лера. Та девушка, в камере... Видела ее зубы? Она суккуб. Примет твой облик, ментальное поле я постарался скопировать на нее, суккубы к подобным фокусам очень восприимчивы. Ее будут судить, потом убьют, тело скорее всего зароят где-нибудь на старом кладбище. А затем, когда о ней... вернее о тебе забудут, Виль’атам попросту отправится домой. Ну, то есть в свой мир демонов. Я тебя успокоил?

Н-да. Успокоил так, что руки затряслись.

Я внимательно поглядела на безукоризненный профиль Эрика, а в памяти сами собой

всплыли слова Михаила – и я просто повторила их вслух. Да-да, о том, что никто из ныне живущих не способен на трюки с копированием ментального поля (знать бы еще, что это такое) и на вызов демонов.

Эрик пожал плечами.

– Ну, они ведь могут и ошибаться. Считается, что колдуны, способные на подобные трюки, давно уже вымерли...

– А ты, значит, можешь вызывать демонов?

– Могу вызвать тебе персонального инкуба, – он тряхнул головой, – хочешь?

– Спасибо, не надо.

В самом деле не хотелось. Меня колотил озноб, даже одеяло не спасало. И вдруг... Господи, а как же быть с родителями?

– Я не хочу, чтобы они горевали обо мне, – прошептала я, – что же делать?

– Ты сможешь им послать весточку, Валерия. Но только то, что я скажу. Этого будет довольно, чтобы они считали тебя живой, но какое-то время не вмешивались в твои дела.

– Спасибо, – мне показалось, что я сейчас разрыдаюсь, – Эрик... я правда... никого не убивала. Да и как я могла? Все, что умею – это рюмки давить.

Он в очередной раз крутнул руль, машина вильнула вбок, перебралась на другую трассу.

– Но семь молодых мужчин разорваны в клочья, Лера. Мне пришлось... увидеть то, что от них осталось. И каждый из них с твоим ментальным следом. Отсюда можно сделать вывод, что *кто-то* использовал твой след и намеренно оставил его на жертвах. Хотя лично я... Да, я уверен, что все гораздо проще. Именно твой след, да – но не специально, а потому что... ну, просто так получилось. Ты оказалась в нужном месте в нужное время, кажется так говорят с подобных случаях.

У меня во рту полыхал пожар. Язык стал похож на терку, и очень хотелось пить. Я пошевелилась в своем коконе, прищурилась на вспухшее дождевыми тучами небо... Солнца не было видно, ну и хорошо – глаза резало даже от света тусклого дня.

– Эрик, куда мы едем?

– Ты уже спрашивала. В мой загородный дом, – он с беспокойством глянул на меня, – румянец у тебя нехороший.

– А как ты... прошел с суккубом мимо охраны?

– Охрана уверена в том, что к тебе никто не заходил.

– У, вот как... А как же... Ты вынес меня?

– Лера, ты слегка путаешься. Я только что тебе сказал, что они ничего не видели. Вернее, не вспомнят.

– Эрик... – я замялась на минуту, но затем все-таки спросила, – а это правда, что... ну, Малика... и младенец...

– А к чему мне лгать? В свое время мне было чрезвычайно трудно отправить ее на казнь, эту Малику.

Мне очень хотелось спросить – а сколько же тебе лет, Эрик? Но голова кружилась, хотелось напиться, и лежать, лежать...

– В тот вечер... в роще... серое и лохматое... демон?

– Да. В тот раз я наткнулся на удивительно сильного демона. Не успел его выбросить за пределы нашего плана бытия. И, кстати, моя дорогая, будь ты простой смертной, ты бы его не разглядела. Вот тогда-то я и понял, что меня нашла ведьма.

...Все. Я устала. Напиться – и спать. Долой кошмары, долой воспоминания – суккуб, демон, светловолосый паренек у киоска, журнал «За рулем». Инга с игольчатыми зубами, Андрей, втыкающий мне под ребра стилет. О, Господи.

– Лера. Лера, прекрати! Черт, да мы сейчас в кювет вылетим! Успокойся, ну перестань же. Ты что, меня не узнаешь?

Далекий, бесконечно далекий голос. А зубищи у Инги – ого-го. Скольких младенцев она сожрала, чтобы в пятьдесят выглядеть на двадцать пять?..

* * *

Наверное, я заболела. Может быть, даже ослепла, потому что вокруг постоянно была ночь, а я не видела никого, кроме навещавшего меня Андрея. Да, он время от времени приходил, и как будто бы постарел: в углах рта прорезались глубокие морщины, глаза потускнели, потеряли былой блеск и живость. Андрей виновато и жалко улыбался, подсаживался на край кровати и подолгу держал меня за руку. Молча. Пальцы у него были холодными, и еще я чувствовала, как к моему лицу то и дело прикасается что-то ледяное.

– Почему ты убежал? – то и дело повторяла я, – почему ты меня бросил? Почему?

Глупые вопросы, на которые давно уже есть ответы. Удрал потому что испугался. Но мне этого было мало. Почему ты испугался, Андрей? Зачем именно в то мартовское утро?..

Но он не отвечал. И было тихо-тихо вокруг, словно я очутилась далеко от всего суматошного, вечно торопящегося мира. Только однажды я услышала странный разговор рядом с собой, но моя бедная голова, объятая огнем, чересчур плохо соображала, чтобы понять.

– Зачем она тебе, Генри? Тебе оказалось мало меня?

Голос очень походил на голос Джейн, английской служанки Эрика. Но говорили они по-русски. Может быть, существовало такое правило – говорить на языке той страны, где живешь?

– Ты можешь уйти в любую минуту. Но, дорогая Дженнет, мы же с тобой знаем, что ты никуда не уйдешь?

– А сколько лет ты будешь держать ее при себе, надеясь на то, что наконец покажется он ? Десять? Двадцать? Сто?

– Посмотрим. Мне кажется, что на сей раз все произойдет куда быстрее. Его присутствие очень сильно, он хорошо в ней увяз... И разорвет пути только в одном случае, ему придется самолично навестить нашу ведьму.

Второй голос мог принадлежать Эрику. Девушка горько рассмеялась.

– Ты рехнулся. У тебя все, что происходит, происходит только для мести. Нет жизни, нет радости, нет ни одного сколь-нибудь доброго дела, которым ты бы мог искупить кровь на своих руках... Но ты думаешь только о том, чтобы убить... его.

– Что-то я не заметил, чтобы мой приятель заботился об искуплении. А я... всего лишь хочу, чтобы все стало на свои места, чтобы все было... правильно. Да и к чему этот разговор, Джейн? Ты не изменишь моего решения. Можешь собирать вещи и отправляться на все четыре стороны, я тебя не держу. Если, разумеется, ты этого действительно хочешь и не боишься скандалов в вашем... как его... Ордене Справедливости, что ли?

– Какая милость! – в голосе напряженно тренькнули непролитые слезы, – не беспокойся, мой дорогой. Я уйду сразу же, как только эта девочка встанет на ноги. Я и минуты лишней не проведу в твоём присутствии, надоело, знаешь ли... Поступай, как хочешь.

– Вот и договорились.

– Только не забывай, что *ее* кровь тоже будет на твоих руках. Да, ты будешь виноват! Ты, замыкающий круг джи, зла, предательства. Это порочный круг, Генри, его не разорвать так просто. Знаешь, в чем истинная сила, истинная доблесть? Переступить через себя ради блага ближнего...

– Довольно, Джейн. Довольно. Если тебе все надоело, просто сделай *то, что должна*. И я больше никогда не побеспокою тебя, даже с того света.

– Ты забываешь о нашей сделке. О том, какая цена была заплачена мной и совершенно невинным существом. Но это не повод для того, чтобы забыла и я...

Голоса улетели, я снова очутилась в тишине, безмолвии и темноте.

И продолжалось так... До тех пор, пока я не проснулась.

В просторной комнате цвета кофе с молоком – именно такими были обои, шторы на окнах и пузатенький комод. В мягкой постели, на шелковых простынях... Рядом, на табуретке, стояла бутылка минеральной воды, к которой льнул пустой стакан. А чуть дальше, в кофейном кресле, положив ноги на пуфик, сидел Эрик. Инквизитор, умеющий вызывать демонов, сидел в кресле и читал книгу. В пестром свитере, спортивных штанах и забавных мохнатых тапочках.

Он почувствовал мой взгляд, оторвался от книги. Мне показалось, что это была библия, или молитвенник... Хм. Андрей ведь говорил, что нет ни Бога, ни Дьявола?..

– Приветствую.

Я слабо улыбнулась. И тут же грязным потоком нахлынули воспоминания – серая камера, круглая лампа на потолке, белоснежный кабинет, шприц. Неужели... Это все было со мной?

– Не вспоминай, – сдержанно сказал Эрик, – постепенно все поблекнет. И страх уйдет.

Я съезжилась под тяжелым покрывалом, закрыла лицо руками. Стать бы маленькой, как улитка. Или как божья коровка – чтобы, жужжа, вылететь в окно. Ведь все это было... именно со мной. То, что даже осознается с трудом. Холодные стены, холодный пол. И говорить я еще толком не смогу, придется долго хрипеть и сипеть. Не смотря на то, что из горла рвется вопль отчаяния.

– Ну, успокойся, – кровать скрипнула, а я коленкой почувствовала бедро Эрика, – выпей воды, что ли.

– А где Джейн? – прошептала я, выныривая из ночи своих кошмаров, – мне казалось, что она... была здесь.

– Она ушла, – Эрик спокойно подsunул ладонь под мой затылок, помог подняться, – уехала. В ближайшее время мы ее не увидим. Ну, ты пей, пей. Тебе нужно много жидкости.

Значит, подслушанный невольно разговор не был абсолютным бредом. И, значит, Эрик что-то скрывал за маской любезного хозяина и примерной сиделки. Моя кровь – на его руках? Господи, да что он задумал?

Но вода показалась мне такой вкусной, что на несколько минут я забыла обо всем. Потом, откинувшись на подушку, спросила прямо:

– Зачем я тебе, Генри?

Он поставил стакан на табуретку. Затем пощупал мне лоб.

– Не нужно меня так называть. Это имя английского аристократа принадлежит прошлому. Здесь и сейчас я – Эрик, преуспевающий бизнесмен. Имена – это всего лишь символы, знаки, все равно что маски.

– Что ты со мной будешь делать дальше? – я спокойно глядела на него и прекрасно понимала, что вряд ли смогу помешать замыслам инквизитора... Вернее колдуна, и очень старого колдуна.

– Я избавлю тебя от боли, которую ты нажила по глупому недоразумению, – Эрик только указал на покрывало, а под ребрами тревожно заныло. Нереализованный приворот, так это называется.

– И это не совсем то, чем кажется, – добавил он, – я не сделаю тебе ничего плохого, если будешь слушаться и поступать так, как я тебе говорю. Но, прежде всего, ты должна выздороветь окончательно. А потом... потом мы поговорим.

– А мои родители?

– Я взял на себя смелость оповестить их. Сказал, что ты привлечена к делу государственной важности и некоторое время не будешь появляться дома. Похоже, они поверили – по крайней мере успокоились.

– Спасибо.

– Стараюсь, как могу. – он развел руками, – какие еще пожелания у принцессы?

«У пленной принцессы», – мысленно поправила я.

Может быть, стоило его поблагодарить? За заботу, за спасение?

Но в ушах звенел голос Джейн. Говорить «спасибо» за обретенную неизвестность? Нет

уж, увольте.

Осторожно подняв глаза, я встретила с сосредоточенным взглядом инквизитора. Эрик, или Генри, или кто там еще? – внимательно разглядывал меня, что-то взвешивая, что-то решая... Разглядывал так, словно был людоедом и прикидывал, съесть путешественника или отпустить. По затылку потянуло неприятным холодком.

Я прочистила горло и тихо просипела:

– Никаких желаний... Ох, нет. Пожалуйста... – тут я замялась, не зная, как бы выразить свое желание посетить «дамскую комнату».

Но с Эриком все оказалось гораздо проще, чем можно было предположить. Может быть, он даже немного умел читать мысли, но не признавался.

– Пойдем, я покажу тебе ванную комнату. Обопрись на меня, да, вот так. Держись крепче...

Я обхватила его за шею – пальцы наткнулись на шершавый рубец под воротом – и Эрик легко поставил меня на ноги.

– Великолепно, – его рука надежно обняла за талию, – теперь можно начать осмотр достопримечательностей.

Кажется, он посмеивался. А мне вдруг нестерпимо захотелось, чтобы рядом был Андрей, верный, надежный... Господи, о чем это я? Андрей сбежал, бросив меня прямехонько в цепкие руки инквизитора. И после этого... Я все равно хочу его видеть? Любовь зла.

Впрочем, в моем случае можно было смело сказать – из огня да в полымя. Андрей позорно ретировался, зато теперь я находилась в доме Эрика. Который, судя по всему, намеревался меня использовать в каких-то своих целях. И, в качестве ма-аленького довесочка, следовало признать еще одну очевидную истину: для остального мира я наверняка была мертва. Суккуб получил смертельную инъекцию еще Бог знает когда. Наверняка в то время, пока я валялась в бреду.

...Чокнутый призрак, облюбовавший мой балкон, по-прежнему оставался прав. Я не могла сбежать из застенков инквизиции. Кое-что изменилось: теперь я пребывала в полной власти Эрика – и меня продолжало нести вперед, навстречу неизбежному, как бешено ревущий поток воды мчит сухую щепку или опавший с дерева лист.

Джейн

Есть смертные, которые хотят стать героями, но им этого не дано.

Есть люди, которые никогда не стремятся быть чем-то большим, чем они есть – но всемогущая Судьба заставляет их взвалить на свои плечи Ответственность за жизни других.

Джейн относилась к той части человечества, которая, по природе своей предназначенная для добра, весь свой век вынуждена творить зло. Апогеем зла Джейн считала убийство человека. Джейн искренне полагала, что убийство не может быть оправдано ничем, пусть даже жертва и сама по себе была убийцей – до того, как попала в руки Палача.

Мнение Джейн многим казалось спорным, даже неверным – и она никогда не вступала в дискуссии, предпочитая отмалчиваться. Она попросту носила «свою» истину в себе и чрезвычайно печалилась, когда приходилось переступать через нее, занося меч карающий над очередным смертным и разумным существом.

...В чемодан полетели брюки. Следом – теплый джемпер. Там, куда собиралась Джейн, не бывает жары, там сыро, и туман наползает со стороны Темзы, там все чисто и до безумия аккуратно. Алые трамваи, высокие автобусы, красные телефонные будки.

Наверное, уезжать было неправильно, особенно *теперь*, когда длящаяся вот уже сколько лет трагедия наконец подошла к финалу. Но не стоит забывать, что ведьма – тоже человек, и ей не чужды обычные человеческие чувства... такие, например, как усталость.

Джейн безумно устала и чувствовала себя так, как раздавленный и выжатый лимон. Ей

надоело ходить кругами вокруг Эрика, заботиться о нем, пытаться смягчить его сердце, закрывать глаза на то, что все попытки разбивались о толстую кирпичную стену, а которой метровыми буквами было выведено: «Убить. Убить. Убить». А теперь еще эта девчонка, Валерия, очень кстати подвернулась ему под руку...

Швырнув на диван остатки одежды, Джейн рухнула на стул и разревелась. Да, наверное, она просто устала. Нужно уехать, отдохнуть, развеяться. Забыть про хозяина этого дома... Но как забудешь, когда он так настойчиво, всеми средствами, приближает собственную гибель? Пусть отсроченную, но такую же неминуемую, как смена дня ночью?

«Дай ей хотя бы каплю жалости», – сказала она Эрику, – «Может, все обойдется? Может, тот, кого ты ищешь, предпочтет оставить ей жизнь?»

«Прочь сомнения, дорогая», – ответил Эрик, – «как только я найду его, ты завершишь то, о чем мы говорим вот уже сколько лет. Надоело...»

В нем не осталось здравого рассудка, совсем. Жили только ненависть и жажда отомстить, они сожрали все человеческое, что когда-то было в черноглазном молодом мужчине.

«Ты опустел. Совсем. Я бы и рада сделать то, ради чего здесь... Но сделка есть сделка. Мне нужно уехать на некоторое время, Эрик».

Джейн быстро вытерла слезы и высморкалась. Затем огляделась, отметила, что до самолета еще четыре часа, а вещи почти собраны. Что ж, лучше проторчать лишний час в зале ожидания, чем здесь, под одной крышей с ними, с инквизитором и его живым орудием мести.

Она поднялась, еще раз обошла свою комнату – не забыла ли чего? – одновременно прощаясь с милым старинным диваном, ореховым комодиком, стеклянным ночником в форме лампы Алладина, и всем-всем-всем, что радовало и хотя бы оставляло чувство уверенности в завтрашнем дне.

«Ты забыла попрощаться еще кое-с-кем», – напомнила себе Джейн.

Она осторожно потянула вниз блестящую ручку и выскользнула из комнаты в коридор, моля Бога о том, чтобы не столкнуться с Эриком. Видеть его не хотелось. Совсем.

«Но ты ведь знаешь, что все равно его простишь, и все равно вернешься?»

Джейн усмехнулась, на цыпочках проходя мимо кабинета инквизитора. Сам он – это было видно сквозь приоткрытую дверь – сидел в кресле и стучал по клавиатуре, набирая очередной отчет.

«Эрик, ну почему? Почему ты стал именно таким?!!»

Она тихонько вздохнула, почувствовала, как болезненно вздрогнул колдун в кресле. Он прекрасно знал, что сию секунду творилось в душе Джейн, здесь и обострившиеся ощущения старого мага, и долгие годы прожитые под одной крышей... Джейн заскользила дальше по коридору, легонько касаясь гладких деревянных панелей. Эрик любил отделывать свои жилища деревом, наверное, сказывалось влияние той эпохи, когда он родился и вырос...

Вот и ореховая дверь, покрытая затейливой резьбой. Джейн затаила дыхание, когда дверь с тихим щелчком приоткрылась, и осторожно заглянула в образовавшуюся щель. Отсюда было видно изголовье кровати, на которой металась в жару молоденькая ведьма. Ее лицо маком расцветало на молочной подушке, глаза были приоткрыты, но девушка пребывала слишком далеко от действительности, чтобы обратить внимание на посетительницу.

Джейн приблизилась – отчего-то на цыпочках – и внимательно заглянула в лицо Валерии. Так и есть. Судя по виду, все сорок, а то и больше. И о чем только Эрик думает?!! Но температура – это еще цветочки, если вспомнить, что этой малышке пришлось пережить. Столько дряни в собственной крови это вам не шутка...

Валерия внезапно открыла глаза и уставилась на Джейн мутным, не видящим взглядом. – Бедная, – слетело с потрескавшихся, запекшихся губ, – бедная Джейн...

Из глаз Валерии так и брызнули слезы, Джейн схватила ее за руку, сжала пальцы... Что бы там не увидела ведьма с рождающимся Даром, Джейн Файерхилл действительно

нуждалась в сочувствии... И она поняла, что по ее собственным щекам тоже катятся слезы, капая на шелковую наволочку.

– *Бедная Валерия*, – пробормотала она, – я бы очень, очень хотела тебе помочь. Но как?

Перед глазами, суматошно сменяя друг друга, замелькали картины из ее, Джейн, долгой жизни. Прощание с Виндзорским дворцом. Возвращение. Снова прощание. И – кровь, кровь... Тонкие девичьи руки по локоть в крови, не отмыться ни в жизнь, и сердце рыдает, сжимается в предчувствии скорой развязки.

Но как разорвать порочный круг зла?

«Если бы я смогла спасти хотя бы одну жизнь... может, этого было бы достаточно?»

Джейн осторожно положила руку Валерии на покрывало – синяки на локтевом сгибе казались совсем черными – и попятилась. Мысли прыгали, как теннисный мяч. Упругое «бух-бух» в висках никак не давало сосредоточиться.

«Если бы я спасла ее, может быть, жизнь моя наконец обрела бы смысл?»

Взгляд ведьмы Джейн задержался на лице Валерии. Обычное такое лицо, ничем не выделяющееся из тысяч. Но стоит только вспомнить, *как* смотрел Эрик на эту девчонку... И горький комок подкатывает к горлу.

– Все, довольно, – решительно сказала себе Джейн.

Она решительно распахнула дверь и вышла из комнаты, но тут же, по закону подлости, нос к носу столкнулась с инквизитором, который до жути напоминал одного из тех воронов, что живут в Тауэре. Сильная птица – но не свободная.

– Ну как она там? – шепотом спросил он, усиленно не замечая заплаканных глаз своей «горничной».

Джейн в последний раз шмыгнула носом, быстро вытерла щеки.

– Плохо. Сделай что-нибудь, Эрик, а то она не переживет и этой ночи.

– Ты то же самое говорила и вчера, – заметил он, в задумчивости переминаясь с ноги на ногу.

– Она бредит.

– Средства инквизиции далеки от совершенства, – Эрик ухмыльнулся, – когда ты уезжаешь?

– Что, не терпится избавиться от собственной совести? – уколола его Джейн.

Он и бровью не повел.

– Моя совесть, дорогая Дженнет, всегда была и остается при мне.

Джейн хмыкнула, обогнула инквизитора и пошла по коридору. Спорить бессмысленно, все равно что биться головой о стену. На ходу она обернулась и бросила:

– Разорви порочный круг, Эрик. Если этого не сделаешь ты, то это сделаю я.

– Любопытно, каким образом?

Она не ответила, гордо выпрямилась и зашагала прочь, намеренно громко топая по паркету. Каким образом? Хм...

Одна особенно упрямая мысль крутилась и крутилась в голове Джейн, словно кошка вокруг клетки с канарейкой. Мысль эта была и сладкой, и горькой одновременно. Мысль о свободе и обретенном, наконец, смысле бытия...

«Я должна была стать одним из величайших мыслителей своей эпохи», – вдруг подумалось Джейн, – «ох, что за глупости? Это все мои фантазии...»

Привет от убийцы или что случается с принцессами, запертыми в башне

Прошел третий день с моего пробуждения в «кофейной» комнате. За высокими стрельчатыми окнами припекало апрельское солнце, далекая роща завернулась в облако малахитовой пудры, по небу плыли караваны перелетных птиц – а в нашем временном убежище не менялось ровным счетом ничего.

Я и Эрик. Эрик и я.

Отстраненно-вежливый, пребывающий в постоянных размышлениях Эрик – и растерянная, бесцельно бродящая по дому я.

К слову, загородный дом очень сильно напоминал укрепленный рыцарский замок с двойным кольцом стен и высоким донжоном в центре, а я, провинившаяся ведьма, чувствовала себя юной супругой Синей бороды – нет-нет, растительность на лице инквизитора была вполне обыкновенного черного цвета! Но я, черт возьми, просто была уверена в существовании запретной комнаты, где вот уже сколько лет хранилась страшная тайна Эрика.

Итак, три дня.

Я кое-как передвигалась самостоятельно, придерживаясь за стены. Эрик привез из моей квартиры (теперь принадлежащей родителям) одежду и документы, не забыв и мою любимую фланелевую пижаму с жизнерадостными желтыми утятами. Спала я в той же светлой комнате с видом на небольшой сад, завтраки же, обеды и ужины происходили в столовой гигантских размеров – там с легкостью бы разместились и круглый стол, и все рыцари короля Артура заодно. К слову, приготовлением пищи занимался сам Эрик, я даже не была допущена на кухню под тем предлогом, что обязательно внесу хаос в стройные ряды кастрюль, тарелок и ложек. Вот так и получилось, что занять мне себя было нечем, Эрик же меня развлекать не торопился. Оставалось только одно: бродить привидением по замку в поисках тайной комнаты.

Но пока что все двери легко отворялись, ничего интересного в мои цепкие ручки не попадалось. Приятным исключением была книга, которую то и дело листал Эрик – она в самом деле оказалась молитвенником, причем молитвенником католическим. Латынь, латынь, латынь... Но самая последняя страница оказалась исписанной рукой самого инквизитора, и там среди каракуль, я прочитала: «Jacob». Истинное имя Эрика?.. Хотела спросить, но вовремя прикусила язык – еще разозлится, подумает, что шпионю... И все. Больше никаких зацепок, как не ищи.

Поэтому я начала падать духом и предаваться печальным размышлениям. О ком? Ха, конечно же, *о нем*. Об Андрее.

Я не буду кривить душой: мне отчаянно не хватало его хитровой улыбки, морской зелени глаз, пшеничной пряди, постоянно падающей на лоб. Не хватало голоса, теплых и надежных рук, запаха одеколона, ощущения чистой рубашки на щеке. Я словно очутилась в вакууме, хотя, уж конечно же, новых ощущений хватало... И в то же время словно кто-то нашептывал мне – дурочка ты, Лерка. Вспомни, как твой принц сверкал пятками. И ведь не постыдился сперва сигануть с третьего этажа, наверняка воспользовавшись тайными колдовскими навыками, а потом задать стрекача в одних трусах! Воспоминания эти были ядовиты, отнимали все силы и обволакивали душу безнадежной горечью. Но я то и дело возвращалась к ним, меня тянуло туда как преступника на место преступления; я задавалась вопросом – а как жить дальше? Что будет, если я когда-нибудь снова встречу Андрея? Что я смогу сказать ему? Да и нужно ли? «Лерка, я тебя люблю». А доказательства? И имеет ли право человек бросить любимого на произвол судьбы? Эх, Андрей, Андрей... Я украдкой рыдала, уткнувшись носом в подушку. Наверное, Эрик знал об этом – но ни разу не спросил. Его вообще мало интересовало мое «душевное» состояние.

...Но к вечеру третьего дня кое-что произошло. В тот миг, когда я в очередной раз предавалась скорби по потерянной любви, в дверь моей комнаты сдержанно постучались.

– Лера, можно я войду?

Он всегда спрашивал разрешения, как будто боялся застать меня неодетой. Ох уж мне эти джентльменские замашки!

– Да, конечно, – я шмыгнула носом, быстро вытерла глаза.

Впрочем, вытирай – не вытирай, все равно красные и зареванные.

Эрик осторожно переступил через порог, весь в черном. Глянул на меня поверх маленьких очков в тонкой оправе, и тут же опустил глаза, как будто увидел нечто

неприличное.

– Я хотел справиться о твоём самочувствии.

– Спасибо, гораздо лучше.

– Замечательно. – последовала долгая пауза. Эрик покачивался, перекатываясь с носков на пятки, – если ты не против, я бы хотел с тобой поговорить.

Я едва не подпрыгнула. Ну наконец-то, наконец!

– Пойдем в библиотеку, – сдержанно добавил он.

Мы не обменялись ни единым словом, пока шли сквозь торжественную анфиладу светлых комнат, но мне показалось, что Эрик был еще более задумчив, чем обычно. В библиотеке он предложил мне кресло, сам уселся за стол, сложил руки домиком и некоторое время внимательно меня оглядывал.

– Что? – не выдержала я.

– Я пытаюсь систематизировать то, что собираюсь тебе изложить.

«Ну, ладно. Думай», – мой взгляд скользнул по высоким застекленным стеллажам, забитым книгами, задержался на странном гербе: темный синий круг, абстрактные весы в центре и надпись на забытой ныне латыни.

– Эммм... А что это там написано?

– Где? – Эрик словно очнулся, – а-а, вот ты о чем. Ну так это же принцип высшего ведовства, *Vince sacrificans*. Наверняка тебе твои «вольные» друзья его изложили!

– Так это значит – «Побеждай жертвуя»? Я латынь не учила.

– Совершенно верно, – он хмыкнул, – вот на этом-то и держится весь колдовской мир. Что поделаешь...

– А почему «высшего»?

Инквизитор со странной полуулыбкой посмотрел сквозь меня.

– Кто попало не живет в соответствии с этим принципом, Лера. Если ты начинаешь воплощать в жизнь то, что заложено в двух словах *Vince sacrificans*, то могущество твоё уже ничем не ограничено. Вернее, я бы сказал так: оно ограничено исключительно величиной жертвы.

Я поежилась на стуле. Вспомнились слова Инги о том, что ей уже полсотни лет. Любопытно, кто стал ее жертвами? Безобидная старушка? Младенец?... Ох, нет. Даже думать об этом страшно.

– Можно предположить, что, пожертвуй я весь существующий мир, то занял бы место Бога, – донесся до меня воодушевленный голос Эрика, – такой вот принцип.

– А что тебе мешает? – я усмехнулась, – ну, не тебе, так кому другому?

И тут уже инквизитор улыбнулся. По-настоящему. Дьявольской, неотразимой улыбкой.

– Разница в том, дорогая Лера, что я – не Бог, и не смогу сотворить новый мир из ничего. А одиночество не нужно даже Богу.

Вот так. Как хотите, так и понимайте. Когда начинались подобного рода разговоры, я всегда чувствовала себя неловко и как-то глупо. Поэтому промямлила нерешительно:

– Мне говорили, что Бога нет.

Улыбка мгновенно испарилась с лица инквизитора – а мне вдруг показалось, что он изрядно напуган.

– Глупо настаивать на том, о чем мы равным счетом ничего не знаем, – быстро проговорил Эрик.

Он судорожно сцепил пальцы, окинул меня мрачным взглядом и предложил:

– Давай перейдем к основной части нашего разговора.

И он приступил, впившись в меня черными и недобрыми глазами.

* * *

– Значит так, Валерия Ведова. Пока ты неделю пролежала в бреду, за стенами этого дома произошло много любопытного. Во-первых, ты числишься среди пропавших без вести.

Родители твои достаточно разумны, ведут себя так, как я им порекомендовал. После того, как мы с тобой все обсудим, можешь сделать один телефонный звонок. Им. Не перебивай, благодарить не нужно: Во-вторых. Если мне удастся поймать истинного убийцу тех семерых, мы сможем восстановить справедливость, тебя обелить перед инквизицией, и ты благополучно вернешься к прежней жизни. В-третьих, Валерия. Если ты чувствуешь себя достаточно хорошо, с завтрашнего дня мы приступим к поиску нашего врага, а заодно я начну тебя обучать кое-каким приемам ведовства, или магии – которые, не буду скрывать, тебе могут очень и очень пригодиться. Вопросы?

...Хм. Эрик обещал мне слишком много. После того, как истинный убийца будет пойман и во всем сознается, я снова окажусь свободной и смогу делать все, что пожелаю? Ох, сомневаюсь я, сомневаюсь... Особенно после того разговора, после обвинений, которые бросила Джейн в лицо Генри-Эрику, после того, как сама англичанка вдруг исчезла. А может, и ее Эрик порешил?!!

– Ты побледнела, – заметил сидящий за столом колдун, – тебе нехорошо?

– Не знаю, – я вымученно улыбнулась, – Джейн... она правда уехала? Или мне ждать явления ее призрака в мою спальню?

– Глупости какие, – Эрик откинулся на спинку стула, – если хочешь, можешь ей позвонить. Прямо сейчас.

Он отодвинул ящик стола, достал оттуда мобильник и протянул его мне. Черт! Неловко-то как... Если бы он убил Джейн, стал бы предлагать телефон? Или знал, что я не буду звонить?

Я осторожно взяла сотовый, полистала телефонную книгу – там действительно значилась некая Джейн Файерхилл.

– Звони-звони, – процедил Эрик, – мне вовсе не нравится то, что ты мне не веришь. Если мы будем некоторое время работать вместе, то было бы недурственно друг другу доверять.

Я пожала плечами. И позвонила.

Последовало тягостное ожидание, а затем откуда-то из Англии донеслось:

– Эрик? Что тебе нужно?

– Это я, Лера, – забормотала я и почувствовала, что краснею, – Джейн, это правда ты? Ты... живая?

– А, день добрый, – бойко отозвалась бывшая горничная, – ну разумеется, я жива и здорова. Как *ты* себя чувствуешь? К сожалению, мне пришлось уехать до того, как ты окончательно пришла в себя.

– Я только хотела узнать, все ли у тебя в порядке. И я... я тоже в порядке.

– Ну и прекрасно. Fine! Передавай привет Эрику.

Теперь мне стало по-настоящему стыдно. Я вернула телефон, пальцы Эрика показались холоднее льда. Черт, как некрасиво получилось.

– Еще вопросы? – улыбнулся инквизитор, сверля меня тяжелым взглядом. Лучше бы обругал, ей-Богу, чем вот так...

– Да... сейчас...

Я все-таки нашла в себе силы смотреть ему в глаза. И на самом деле это оказалось не так уж сложно – все равно, что смотреться в черное-черное зеркало. Свое отражение видишь, а что там, дальше... Неизвестно. То ли пустота и пропасть, то ли бушующее пламя.

– Расскажи мне про этого... убийцу. Кто он?

Эрик скривился, вздрогнул болезненно.

– Я тебе вот что скажу, Лера. Это очень старый колдун, еще более старый, чем я. И на его руках... Тысячи, тысячи жизней. Вот поэтому он живет до сих пор.

– Но если и ты жив, то, значит...

– Я куда моложе, – улыбка Эрика стала кровожадной, – но никогда не забуду, какую лепту этот ублюдок внес в мою судьбу. Но сейчас я могу жить, никого не убивая. Он, скорее всего, нет. Привык, знаешь ли, не может без крови. Это же так скучно, если некому

выпустить кишки!.. Я твердо уверен, что это он тебя «подставил». К тому же, семь убитых весьма наглядно говорят о том, что убийство было ритуальным. Знаешь, как у нас говорят? Хочешь прожить еще век, добавь одну жертву к прожитым предыдущим. Точно также я знаю, что для того, чтобы успешно копировать твой ментальный след, ему нужна была постоянная с тобой ментальная связь. Она и сейчас крепка, под ребрами-то побаливает?

Я кивнула. Там, куда ударил треклятый приворот... Вернее, это я раньше думала, что приворот – а теперь, выходит, что я болтаюсь на крючке особо опасного маньяка.

– Взять хотя бы то, как я заменил тебя на суккуба. Я скопировал твоё поле, отдал его в пользование Виль'атам. Но для этого у нас должен был быть физический контакт.

– А что, другие меня не могли подставить? – на всякий случай уточнила я.

– Не могли. Я не знаю никого из ныне живущих, за исключением самого себя, кто способен на такие фокусы с ментальными полями. Это... как бы сказать... приходит с возрастом. Да и потом, нынче утеряны старые знания. Некому учить новые поколения колдунов, драгоценные книги сгинули навеки.

Угу. Понятненько. Хотя, если честно, мало что понятно.

– Так как... мы его будем ловить?

– Все просто, – Эрик пожал плечами, – ваша связь – она со временем будет только крепнуть. Не исключено, что ты, возможно, помимо воли убийцы, сможешь черпать его воспоминания и его опыт. Он захочет разорвать ваше... гхм... столь тесное сосуществование – и будет искать с тобой встречи. Скорее всего, он пожелает от тебя избавиться. Жертва принесена, следовательно, ты ему больше не нужна.

– Избавиться? Убить?!!

Я поднялась и принялась мерить шагами пестрый ковер на полу. Какая, однако, сволочь! А ведь если бы меня казнили по-настоящему, то убийце и делать ничего не нужно было. Связь бы разорвалась сама собой. Ту же самую мысль высказал Эрик:

– Опоздай я к Михаилу на день-другой – и ты уже спала бы... На облаках.

Он помолчал, затем поинтересовался:

– Лера, это очень... важно. Тот, кто убивал, для построения связи между вами... Должен был иметь с тобой непосредственный телесный контакт. Ты можешь вспомнить, кто прикасался к тебе? И после чего начались боли?

Я сглотнула вязкую слюну.

Ох. Только не это. Андрей?..

– Рассказывай, – приказал Эрик, – все, что было. Мне необходимо это знать, чтобы сузить круг поисков.

Я опустила глаза. Ну вот. Как же... как я буду говорить об этом? Может Андрей и не виноват? А если этот убийца – именно он? Но, быть может, я предам человека, которого люблю... которого любила?..

– Говори, – безжалостно прошелестел инквизитор, – говори как есть.

И я рассказала. Все. Без утайки – про Андрея, про того паренька с немецким акцентом, которого я хотела по глупости приворожить. Эрик вдруг резко поднялся, похрустел пальцами.

– На сегодня разговор окончен. Собирайся с силами... Может быть, на сей раз мне повезет. Да, и позвони домой. Пусть твои родные будут уверены в том, что ты жива.

Он вышел. Даже не так – выскочил за дверь. Так, словно более ни минуты не хотел проводить в моем обществе.

* * *

А к ужину Эрик приготовил баранину, запеченную под кисло-сладким соусом, которую мы уничтожили в полной тишине. Я хотела было похвалить инквизиторские кулинарные способности, но он глянул на меня так злобно, что у меня вмиг пропало желание говорить что бы то ни было.

«Ладно», – я молча допила терпкое сухое, – «не хочешь разговаривать – как-нибудь переживу».

В конце концов, у инквизиторов могут быть свои проблемы, непонятные и необъяснимые простым ведьмам вроде меня. Уже на пороге столовой я брякнула – «Спокойной ночи». Эрик и ухом не повел, даже отвернулся.

Эх. Ну и ладно. В конце концов, нам детей вместе не крестить.

...Но ложиться спать было рановато, всего-то шесть часов вечера, и я по привычке отправилась бродить по дому. Жаль конечно, что с Андреем все так по-дурацки получилось, и жаль – бесконечно, до боли под сердцем – что нам скорее всего уже не быть вместе. Потому что, глядя на Андрея, я скорее всего буду вспоминать его спринтерский рывок, босиком по мартовской грязи... Как мимолетно счастье! Всего-то две ночи – а затем погружение в мутный, беспросветный кошмар. Это ведь просто чудо, что я осталась жива. Не вмешайся вовремя Эрик, и... все.

Я поднималась по лестницам, все выше и выше. Сперва на второй этаж – но здесь я побывала неоднократно, затем – под самую крышу, где Эрик соорудил изумительные мансарды. Я медленно переходила из комнаты в комнату, глаза по сторонам. Здесь мне еще не довелось как следует осмотреться, а зря! Широкие окна были забраны ажурными решетками и увиты виноградом, что добавляло комнатам мрачноватой и романтической атмосферы. Мебель повсюду стояла старинная, тяжелая и низкая – шкафы с резными ручками, стулья, столы, сплошь заставленные фарфоровыми безделушками, пасхальными яйцами, маленькими шкатулочками, часами всех форм и размеров.

Бомм. Бомм... Бомм!

Это внизу, в столовой пропели настенные часы. И в тот же миг, словно по команде, им начали вторить младшие братья – из тех, что имели голос, а мне вспомнилось – «по ком звонит колокол»... Боже мой, жуть какая!

Между тем за окнами смеркалось. Я добралась где-то до середины дома, задержалась как раз меж двух лестниц, ведущих вниз. Интересно, а чем в это время занят Эрик? Может быть, читает? Или работает? Не поймешь его, никогда не узнаешь, что на уме – и оттого он кажется одновременно очень опасным и... привлекательным субъектом.

Я хмыкнула. Нет, Лерочка, гони от себя такие мысли поганой метлой. Или тебе мало удирающего в трусах Андрея? А кто знает, что выкинет инквизитор?..

По правую руку что-то слабо засветилось. Я на цыпочках подобралась чуть ближе к странному предмету – оказывается, это под стеклом лежала очень старая книга. Потрепанная, уголки в позеленевшей бронзе... Мне померещилось какое-то движение в темном углу, обернулась – никого. Тишь, покой... Только старинная книга в мареве алой подсветки. Ох, а подсветки ли?!!

Вдруг я совершенно четко поняла, что надо бы вернуться к себе. В тихую уютную спальню, где нет никаких странных вещей и явлений, которые я не могу объяснить. Тут ведь дело не в умело встроенных светодиодах! Тусклое свечение, похоже, источал сам фолиант.

Мне бы просто развернуться – и уйти. Но разумные поступки, видимо, не для Валерии Ведовой: я наклонилась к стеклу, чтобы в потемках разглядеть название. Кое-как, по складам, прочла: *Mal-leus ma-lefica-gum*. И год – 1669. Эт-то еще что за чертовщина?!! Неужто настоящая книга заклинаний, волшебная, таинственно мерцающая, которой время от времени пользуется Эрик?

Я еще раз, очень внимательно оглядела фолиант, но спрятанных светодиодов так и не нашла. Густое, кровавое свечение как будто лилось со страниц, запертых в переплете... Внезапно проснувшаяся боль под ребрами заставила меня заскрипеть зубами, я неловко попятилась – отпустило.

– Любопытно, – я осторожно вдохнула, опасаясь очередного приступа – но ничего не случилось.

А в комнате, как мне показалось, резко завоняло жженой серой. Мне был знаком этот запах, папа одно время делал домашнее вино – и его непременно нужно было окуривать

серой, чтобы не испортилось и простояло всю зиму...

«Надо будет спросить у Эрика, что это за Malleus такой, и отчего светится», – решила я и осторожно двинулась дальше.

Но тут – словно молния ударила под ноги. Так вот она какая, тайная комната Синей бороды! Не зря, ой не зря запрятал Эрик подальше эту чудную книжечку. Вряд ли он предполагал, что меня занесет на самый верхний этаж! Черт. А если... если он узнает? И почему, почему так нестерпимо воняет серой?

М-да. Похоже, в этом была моя судьба: извечно вступать в какие-нибудь неприятности. Но с другой стороны, если попытаться рассуждать здраво – чего я, собственно, трясусь?

Ведь ничего плохого не произошло. Просто нужно помалкивать о своей случайной находке – и все. Ничего... страшного...

Так я добралась до второй лестницы. Темной, неосвещенной – было видно, что ей почти не пользовались. Можно было и обратно вернуться – но что-то не хотелось мне вновь проходить мимо светящегося томика заклинаний.

...Скрип. Скрип-скрип.

Я похолодела. Кто-то медленно, очень осторожно шел за мной все это время. Кто-то...

Внутренности скрутило в тугий холодный узел, перед глазами запрыгали мелкие светящиеся точки.

Скрип-скрип.

Последнее, что я успела – это обернуться.

Из сумрака пустых комнат на меня неслось мутное охряное облако, словно кто-то сильной струей воздуха гнал клубы дыма. Но – в какой-то миг я поняла – оно было живым, это облако. Даже разумным. И хотело меня сожрать.

* * *

...Кажется, что время застыло.

Ноги не слушаются, прилипают к ступенькам, сердце выпрыгивает из горла. И это в то время, когда нужно собраться, и бежать, успеть спуститься вниз... интересно, *оно* может просочиться сквозь потолок и поджидать меня на первом этаже?

Не кричать – очень трудно.

Но стоит завизжать, тотчас же собьется дыхание, захрипишь, свалишься мешком, пересчитаешь головой ступеньки... Нет, держись, Лерка. Из последних сил – лишь бы добраться до первого этажа, потому что там... скорее всего там – спасение, хотя уже ни в чем нельзя быть уверенной. Ножки мои, ножки, бегите так быстро, как только можете. Туда, вниз, вниз...

Я даже не оборачивалась, потому что это значило потерять драгоценные секунды. И мне удалось спуститься по лестнице. Я даже почти успела добежать до двери в кабинет Эрика... Почти успела.

А потом вдруг поняла, что уже не бегу – извиваюсь червяком на скользком паркете, а мое тело словно погружено в густой холодный кисель. Кровь отливает от сердца, рыжие клубы тумана заволакивают взор... чавканье. Хруст. Господи, оно что, меня жрет живьем?!!

– Мама!.. Помогите!..

Но – во имя всего святого – кто мне поможет? Что вообще можно сделать с *облаком* ?

Потом... я даже не поняла, как это случилось. Над головой – чистый потолок, рядом со щекой – темно-коричневый домашний тапок.

– Лера. Ты меня слышишь? Подняться можешь? Не молчи, только не молчи!

Я недоумевающее уставилась на окаменевшее лицо Эрика. Почему он весь дергается? А, так он же меня трясет что есть сил... Это моя голова болтается из стороны в сторону, как у куклы.

– Да приди же ты в себя! – он встряхивает меня особенно сильно, так что на плече

наверняка останутся синяки. На моем голом и почему-то побелевшем плече... Голом?!!

Мамочки, да от одежды одни лохмотья остались!

Еще чуть-чуть, и оно бы меня съело?

– Первая ласточка, – мрачно констатировал Эрик, – наш общий знакомый забеспокоился. Но, полагаю, на сегодня уже все... Его силы тоже не беспредельны. Лера, перестань. Все уже позади.

– Что... это было? – я все еще затравленно озираюсь по сторонам, повиснув в его руках. Ноги не держат, а под ребрами словно ржавый гвоздь засел.

– Какая разница? – Эрик пожал плечами, – у тебя есть перерыв... до завтра. Пойдем, я провожу тебя в твою комнату.

– Нет! – я судорожно вцепилась в ворот пестрого свитера, – нет, нет... не оставляй меня... пожалуйста...

– Прекрати. Ну, в самом деле.

– Я так не могу... не бросай... я боюсь...

Из глаз брызнули слезы, и я заревела, уткнувшись носом в плечо Эрику.

Казалось, он вздохнул. Замер, что-то обдумывая – а затем взял мое лицо в ладони, несколько секунд пристально вглядывался... И, чуть наклонившись, поцеловал, жестко и властно.

Что ж, все лучше, чем трястись от ужаса под одеялом.

Я обняла его за шею – под пальцами снова оказался старый шрам – приподнялась на цыпочки. Что, Лерка, тебе было интересно, как это... с ним? Получай.

– Прости меня, – вдруг прошептал Эрик мне на ухо.

– За что? – я попробовала заглянуть ему в глаза, но это было то же самое, что смотреть в зеркало.

– Ты никогда не узнаешь, – выдохнул он, резко сдвигая с меня остатки рубашки.

Еще через мгновение он подхватил меня на руки и – боже мой – как мне было необходимо ощущать рядом тепло обычного человеческого тела, пусть даже и было этому телу неведомо сколько лет.

Мне вдруг пришло на ум, что у нас все получилось как в плохом дамском романе. Он ее спас, и потом «их захлестнула волна страсти». Да, именно так, по-другому и не скажешь.

* * *

...До самого утра я так и не смогла заснуть.

Лежа на боку под тяжелым одеялом, я таращилась в темноту. Веки слипались, но стоило только закрыть глаза и задремать – тело раз за разом погружалось в холодный, липкий кисель, а потом...я падала, долго, в ядовито-желтую муть, и вопль рвался из горла, сердце почти останавливалось, увязая в безысходном отчаянии. Потом я просыпалась, вздрагивая и обливаясь ледяным потом, судорожно шарила по кровати рукой – отчего-то мне все время казалось, что Эрик ушел, я совершенно одна в этой большой и темной спальне, и некому встать между мной и чудовищем... Господи, как же я дальше жить буду? Как же я дальше... сама?

Прямоугольник окна светлел. Комнату постепенно заполняло молоко нового дня, слабый сквозняк шевелил занавеси из органзы, похожие на стрекозиные крылья – и, вместе с ночью, мой кошмар отступил. Не навсегда, затаился где-то рядом, чтобы вернуться после заката.

Пойти бы умыться, принять душ... Но от одной мысли о самостоятельном походе куда бы то ни было мое сердце взбрыкнуло и понеслось галопом, а под ребром тревожно заныло. Мой убийца дает о себе знать? Я трясущейся рукой натянула до самого подбородка покрывало и принялась разглядывать спальню, в которую угодила – тут я цинично ухмыльнулась – под давлением обстоятельств, иначе и не скажешь. Мой папа наверное сказал бы: эх тебя угораздило, Лерка...

А комната была просторной, но пустоватой, на мой взгляд. Овальная кровать, на которой бы уместился султан с небольшим гаремом, небольшое круглое зеркало на лавандовой стене и компьютер в углу. Все. На полу, небрежно брошенная, лежала медвежья шкура – анахронизм в замкнутом мире пластика и фактурной штукатурки. Я поморщилась при виде разбросанных по ней предметов белья. Память – услужливая моя память – цинично подсунула проблеск воспоминаний: обжигающие прикосновения жестких губ, все ниже и ниже, руки, скользкие по моему телу, шутя избавляющие от остатков одежды. Молодое, сильное тело без возраста, на время заставляющее меня забыть обо всем – об Андрее, о сером карцере инквизиции, о напавшем на меня кошмаре...

Кровь неожиданно прилила к щекам, и мне стало стыдно. Ну что, Валерия Ведова, по-другому ты никак прийти в себя не могла? Или где-то глубоко, в закоулках сознания, бродила подленькая мысль о мести Андрею, за то, что испугался и бросил?.. Я стиснула зубы. Нет уж, довольно слез и причитаний. Что было – того не изменить. Повторять... Хм, наверное не стоит...

Я перевернулась на живот, пристроила подушку под голову так, чтобы удобно упереться в нее подбородком. Эрик не проснулся, но сон его к утру сделался беспокойным, он то и дело вздрагивал, тихо бормотал по-немецки или даже на латыни, пальцы комкали, мяти нежно-сиреневую простыню. Он лежал на боку, повернувшись ко мне спиной, и я наконец-то рассмотрела застарелый рубец на шее, как будто от сильного ожога.

«Эрик», – повторила я про себя имя.

Оно приятно каталось на языке, словно мятный леденец.

...А вот поцелуи его здорово отдавали полынью, и этой ночью я как никогда раньше ощутила давнюю боль, которую носил в себе этот человек. На миг защемило сердце, я помнила, как он смотрел на меня, когда... мы просто лежали рядом, и я гладила его волосы, разделяя их на короткие черные прядки. Зеркала разбились, он позволил заглянуть мне в душу, а там... Все мои страдания показались мне сущим пустяком.

«Жалеет – значит любит», – усмехнулась я про себя. Совесть подло ужалила напоминанием о том, *другом*.

Я осторожно прикоснулась к шраму на шее, провела по нему подушечкой пальца – вниз, вниз, по позвоночнику... Господи, да что у него со спиной-то?!!

– Не нужно, – тихо сказал Эрик, – убери руку, Лера.

– Что с тобой было? – потрясенно прошептала я.

– Это уже прошло.

Он повернулся ко мне, окинул меня придирчивым взглядом и заключил:

– Ты так и не заснула.

– Угу.

– А мне вот сейчас пришло в голову, что плохи наши дела, – Эрик скривился, улегся поудобнее, кулаком взбил подушку и продолжил, – наш хороший знакомый попытался тебя достать, подослав демона. Но демон вернулся ни с чем, и это должно натолкнуть убийцу на мысль, что рядом с тобой находится колдун, который смог *успешно* противостоять демону. Учитывая, что таких осталось очень и очень мало, да и то они рассеяны по всему миру, убийца сделает весьма здравые выводы о том, что ты можешь быть в области досягаемости моих скромных сил, и это плохо, очень плохо!

– Почему?

Эрик пожал плечами и одарил меня недоумевающим взглядом, словно хотел спросить – ты что, в самом деле не понимаешь или только притворяешься пробкой?

– Потому что теперь он будет действовать осторожнее. Потому что, начиная с текущего момента, он больше не будет подсылать демонов, от которых никакого толка, а будет отслеживать тебя лично, хоть и не может точно сказать, где и с кем ты находишься... А еще, черт возьми, я понятия не имею, как он сейчас выглядит, и какие ощущения остаются от его ментального поля – равно как и он не знает моей внешности. Это очень похоже на то, как два слепых и глухих ищут друг друга, понимаешь?

– То есть убийцей может быть кто угодно, – уточнила я, – даже почтальон, который привезет газеты?

Эрик улыбнулся.

– Не совсем так, Лера, не совсем. Как я уже говорил раньше, убийца имел с тобой телесный контакт, и это некоторым образом сужает круг подозреваемых.

– Бред какой-то, – я потерла виски, – кто только не прикасался ко мне, Эрик! В том же автобусе... Ну, ты сам-то подумай...

– Я думал, – согласился он, – но ничего не поделаешь. Для начала у нас есть список из двух объектов. Ведьмак Андрей, на первый взгляд законопослушный и потому до сих пор живой... И тот паренек у киоска, которого ты по глупости пробовала приворожить. Последний вариант мне даже больше нравится, поскольку ты упоминала об иностранном акценте.

– О, да, – я нервно хихикнула, – мы с легкостью обнаружим того парня, не зная ни имени, ни адреса!

– Придется постараться, – ухмыльнулся Эрик, – кто знает, кто знает... А еще меня по-прежнему беспокоит вопрос твоего формирующегося Дара. Заметь, ты видела кровожадного демона однажды, и он, никем не управляемый а движимый исключительно желанием пожрать, тебя не тронул. То ли не успел, то ли испугался. Учитывая, что вчера демон едва тобой не отобедал... В общем, все это странно.

– Наверное, у меня дар такой... специфический.

– Еще неизвестно, Лерочка. Но то, что я вижу и чувствую сейчас, мне определенно нравится.

Я и пикнуть не успела, как Эрик сгреб меня в охапку. Чмокнул в губы и рассмеялся.

– Ты меня что, людоедом считаешь?

– С чего ты взял? – я сделала отчаянную попытку выскользнуть, но – черт возьми! – вряд ли кому удастся вывернуться из рук истинного инквизитора.

– Смотришь ты на меня как кролик на удава, – последовал еще один легкий поцелуй. Затем еще, и еще...

Ох, Лерка, Лерка. Угораздило же тебя, иначе и не скажешь. А говорить твердое «нет» нужно было еще вчера. Но тогда... я стала сосудом, наполненным страхом, и единственным, что удержало на грани сумасшествия, оказалась долгая безумная ночь.

... – А знаешь, я попробую тебя научить кое-какому колдовству, – задумчиво пробормотал Эрик, – я очень, очень давно не видел такого ментального поля, как у тебя. И то, что еще не прорезалось окончательно, может в итоге оказаться весьма забавной шуткой судьбы. В конце концов, ты должна уметь защититься... Возможно, в конце всей этой истории мне понадобится твоя помощь. Когда мы его найдем...

Он сказал это, отбросил покрывало и сел на кровати. Провел с силой руками по волосам, словно приводя в порядок мысли.

– Меня ждут дела, извини.

Я не ответила; взгляд помимо воли словно приклеился к молодому и гармоничному телу *без возраста*. Тогда, вечером, было темно... И я не разглядела, да и – Боже мой – в мыслях не было ничего подобного! Эрик, Эрик... Что ты скрываешь? И кто все это проделал с тобой?..

Спина инквизитора выглядела так, словно на ней устраивали жаровню и катали угольки. Ожоги чудесным образом зажили, а вот рубцы – остались. Белые, корявые, сливающиеся в единое целое, как будто к коже налипли тысячи мелких белых червячков.

Эрик перехватил мой взгляд, усмехнулся.

– Прости, забыл предупредить вчера. Должно быть, не очень приятное зрелище?

– Н-нет... я...

– Вот именно поэтому я и хочу наконец поквитаться с давним врагом. Как думаешь, у меня есть право его убить?

Инга

Головные боли так и не прекратились, только усилившись. Когда закончились спасительные таблетки анальгина, она пошла в аптеку – да, ту самую, где встретила незнакомую ведьму – и накупила обезболивающих лекарств столько, что ими можно было обеспечить госпиталь. Вернувшись домой, Инга спешно проглотила целую жменю белых, желтоватых, алых пилюль. Проклятая мигрень возвращалась, а вместе с ней и кошмары.

Снова грязные, не струганные доски на полу. Рассеянный луч света, с трудом пробивающийся сквозь заколоченное досками окно. И – она, Инга, в джинсах и махровом халате, взгляд застыл, на лице – гримаса ужаса и удивления одновременно. Мол, как же так, со мной – и *такое* ?

Рядом со своей неподвижной рукой Инга видела чью-то тень. Но, как назло, не могла даже предположить, кто будет находиться рядом в момент ее смерти. Если, конечно, этому суждено случиться...

«*Когда* этому суждено случиться», – поправила себя Инга.

Дело не в том, что смерть рано или поздно явится. Дело в том, что Дар у Инги был особенный, он был даром Предвидения, и в этом-то и заключалась злая ирония судьбы и подлая ловушка. Те, кто провидят собственную судьбу, изменить ее уже не могут.

...Мигрень отступила под напором проглоченных таблеток, и ведьма осторожно приоткрыла глаза. Потом, спохватившись, полезла в сумку за мобильником, рассеянно подсчитала количество своих звонков Андрею. Двадцать пять. И ни на один из них он не соизволил ответить. С того самого дня, как по городу волной прошелся шепоток о состоявшейся казни одной ведьмы.

– Черт бы тебя побрал, – в сердцах процедила Инга. Она и сама толком не знала, о ком говорила: то ли о вконец сбрендившем ведьмаке, то ли о Лерке, которая умудрилась *так* растревожить его старую и полную мрачных секретов душу.

Она поднялась, подхватила сумку – из вишневой замши, с вышивкой и бахромой – и снова отправилась на прогулку. Теперь уже не в аптеку, а к хандрящему Андрею.

По дороге, старательно перешагивая через подсыхающие лужи, Инга все еще пыталась проанализировать собственные видения, а заодно и то, как они могли быть связаны с жизнью и смертью Валерии Ведовой.

Что и говорить, Лерку было жаль. Пропала девчонка ни за грош, и кто ж знал, что на ее след нападет инквизиция? С другой стороны, чужая душа – потемки, а сама Инга придерживалась золотого правила «доверяй, но проверяй». Если чтецы инквизиции решили, что это Лерка угробила семерых мужиков, то... Ну, в конце концов, а вдруг Лерка вовсе не была белой и пушистой?

С третьей стороны... Инга твердо знала, что ее смерть как-то связана с Леркой. Самое яркое видение посетило ее как раз в тот миг, когда Андрей вскрывал дверь в квартиру Ведовой, которая в то время валялась без чувств на балконе. И головные боли напару с неприятными глюками о собственной гибели преследовали Ингу начиная с того момента, как у Лерки прорезался Дар (будь он неладен). Но если Ведова представляла собой опасность для Инги *живой*, то, кажется, пора бы мигреням и прекратиться?

Инга зябко запахнула высокий воротник пальто, походя прокляла какого-то толкнувшего ее нахала, пятнадцать минут потолкалась в автобусе – и оказалась в десяти метрах от многоэтажки, где проживал Андрей.

На всякий случай ведьма еще раз набрала его номер, не дождалась ответа и двинулась в сторону подъезда. Мысленно Инга проклинала тот час, когда Андрею приспичило помочь бедной Лерочке. Если бы он не увидел бы ее тогда... Ну, наверное, все сложилось бы по-иному.

– Андрэ?

Она не поверила собственным глазам.

Да, ведьмак был хотя бы жив. Но выглядел так, словно вот уже который день призывал

на свою голову смерть, а она не желала откликаться на зов.

Глаза потемнели, как море во время грозы, веки покраснели и опухли. Черты лица неприятно заострились, недельная щетина торчала колючками, взлохмаченные волосы молили хотя бы о расческе, не говоря уже о воде и шампуне.

Инга передернула плечами. Вот чего-чего, а этого она никогда не понимала и не одобряла. За собой все-таки надо следить, а то так недолго и до состояния бомжа в похмелье докатиться.

– Что тебе? – прохрипел Андрей, угрожающе нависая над ней.

Из одежды на нем были только засаленная майка и драные джинсы, в которых ни один уважающий себя человек из дому не выйдет.

– Э-э-э... Можно я войду? Я звонила тебе раз тридцать, ты не отвечаешь. Ну, я все-таки беспокоюсь о тебе, старый друг.

Андрей молча шагнул в сторону, пропуская Ингу внутрь. Затем быстро выглянул за дверь и с грохотом ее захлопнул.

Инга безмолвно разулась, искала глазами тапочки, но, так и не обнаружив их, прошлепала в зал.

– Андрэ, – ведьма укоризненно покачала головой, – что ты с собой делаешь?

И едва уклонилась от кулака, врезавшегося в стену рядом с ее головой.

– Перестань меня так называть! – гаркнул Андрей, – говори, чего пришла, и...

– И катись? – она холодно усмехнулась, глядя в потемневшие глаза сумасшедшего, – нет уж, мой дорогой. Из нас двоих хотя бы мне следует сохранять способность здраво мыслить. Как я погляжу, для тебя это уже осталось за гранью возможного.

– Оставь. Меня. В покое.

Он медленно дошел до дивана и рухнул на измятое покрывало. Звякнув, упала и покатилась пустая бутылка из-под дорогого виски.

Инга брезгливо переступила через втоптаный в ковер кусок колбасы, подошла и села рядом. Затем обняла Андрея за шею, прикинула лбом к горячей и колючей щеке, вслушиваясь в его неровное дыхание.

– Что ты с собой делаешь, дурачок? Ты с ума сойдешь. Я и подумать не могла, что Лерка для тебя так много значит.

– Это я... виноват... – судорожно выдохнул он, – Инг, иди домой. Мне надо побыть одному.

– Ну конечно, – ведьма отстранилась, – и вечером твой хладный труп найдут под балконом, да? Нет, так дело не пойдет.

– Ты не понимаешь, – прошептал Андрей, – еще несколько дней, и я сойду с ума. Я постоянно ощущаю... ее *живой* ! Понимаешь? Но это же... это бред...

Инга крепко зажмурилась, и еще сильнее прижалась лбом к пылающей лихорадкой щеке. Выдохнула обреченно:

– Не вини себя. Но, знаешь ли... у меня тоже странное чувство, что Лера все еще жива. Вопрос только в том, кому был нужен весь этот спектакль. И зачем.

– Она не могла убить тех мужчин. Она почти все время была со мной...

– Понимаю. Но чтецы...

– А разве они не ошибаются?

Инга хмыкнула.

– Чтецы никогда не ошибаются. Особенно когда речь идет о семи одинаковых следах!

– Кто-то ее подставил, – пробормотал Андрей, – или же... или я уже ничего не понимаю. Лерка жива, как думаешь?

Инга пожала плечами и отстранилась.

– Приходи в чувство, Андрэ. Тебе ведь известно, *как* мы можем это проверить?

Он вздрогнул всем телом. И с опаской взглянул на Ингу.

– Да-да, ты все правильно понял, дорогой мой. Самый верный способ проверить – это порыться в заброшенных могилах. Там, куда наша драгоценная инквизиция прячет тела.

– Они могли устроить видимость аварии, – задумчиво возразил Андрей.

– Но пока что не устроили. Я тут поспрашивала у людей – для всех Лерка просто исчезла. И родители ее хранят молчаливое спокойствие. Тебе не кажется это слегка подозрительным?

Андрей застонал, сел на диване и обхватил руками голову.

– Я дурак. Изводил себя вместо того, чтобы взять и просто проверить...

– В твоём случае это простительно, – заметила Инга, – иди, прими душ, что ли. Несет от тебя, уж извини...

Когда они добрались до старого городского кладбища, начало смеркаться. Им уже очень давно не пользовались, земли не осталось. А город разросся за последние сто лет, охватил кладбище кольцом серых стен. Только маленькая церковь работала, да сторож, бывало, прохаживался мимо полуразрушенных склепов – хотя что там сторожить-то, в самом деле?

Андрей сосредоточенно припарковался у покосившейся сторожки.

– Выходи, прибыли.

– Хорошо, – Инга тревожно вглядывалась в застывшее лицо друга, – только давай тихо, спокойно, без глупостей.

– Угу. Без глупостей.

Она хотела предупредить, чтобы Андрей не вздумал опробовать на несчастном стороже что-нибудь из арсенала боевой магии, но передумала. Сам ведь не дурак. Впрочем, потерянная любовь из обычного человека дурака и делает.

Ведьмак постучался в окно. В ответ раздалось дребезжащее – «Иду, иду» – обшарпанная дверь со скрипом выпустила из прокисшего тепла сторожки деда.

Дальше... не произошло ровным счетом ничего. Андрей просто несколько минут пристально вглядывался в близорукие глаза сторожа, затем изменился в лице и, круто развернувшись на каблуках, пошел прочь. Не к машине, а к боковой калитке, что вела на кладбище.

– Андрэ! – ведьма бросилась за ним, мигом забыв про деда.

Который, непонимающе поморгав, развернулся и побрел обратно, пить кипяток с сахаром.

– Старик видел их, – прорычал Андрей в ответ на ее немой вопрос, – совсем недавно. Потом ходил, проверял... В одном месте копали. Привезли тело, уехали пустые.

Инга поймала его пальцы и крепко сжала. Руки в Андрея оказались просто ледяными наощупь.

– Что ты хочешь сейчас?

И услышала едва различимый шепот:

– Я хочу увидеть ее... только увидеть.

Острая, едва переносимая боль хлестнула Ингу. Это был всего лишь отголосок того, что испытывал Андрей.

...Растревоженную могилу нашли быстро. Наверное, Андрей попросту смог прочесть дорогу к ней в мыслях сторожа – Инга не стала уточнять. Ведьмак опустился на колени перед свежим холмиком, застыл на мгновение, резко развел в стороны руки... И жирный чернозем хлынул прочь, смываемый волшбой, обнажая чьи-то старые белые кости. В сыром воздухе начали тихо потрескивать электрические разряды.

– Черт, – в сердцах сказала Инга.

Ей и в голову никогда не приходило, что Андрей способен на *такое*. Только подумать, а что еще может скрывать этот ведьмак? Ну, исключая ту особенность своего организма, о которой Инга уже знала? Она поежилась. Сто двадцать лет – не шутка, и кто знает, кто знает... А вдруг она, Инга, сама ввязалась в чересчур опасную игру?

«Ну конечно!» – она в сердцах обругала себя идиоткой, – «конечно, в опасную. Судя по моему радужному будущему!»

В потемках лицо Андрея стало похожим на расплывчатое блеклое пятно. Но – он

улыбался.

– Ее здесь нет, – прошептал он, – здесь вообще никого нет. Они кого-то клали сюда, но... Я не чувствую, чтобы это был человек!

Инга промолчала. Проклятые игры инквизиции! Судя по всему, Валерия Ведова все еще была жива. А это означало, что видения самой Инги грозили стать действительностью.

Ведьмовская практика

Рассвет нового дня застал меня в нежно-лиловой спальне инквизитора. С вечера я пыталась лечь у себя, вежливо пожелала Эрику спокойной ночи – и удалилась. Где-то с час ворочалась без сна, с головой прячась под одеяло и вздрагивая от малейшего шороха. Стоило закрыть глаза, как – привет! – перед мысленным взором вспучивалось охряное нечто, сердце подскакивало, как крышка на кипящем чайнике, а тело вновь и вновь погружалось в ледяную полынью кошмара, животного и необоримого.

Потом я сдалась. И, как была, в пижаме с утятами, босиком пошлепала к Эрику. Он мог думать все, что заблагорассудится, делать все, что пожелает, но только – «только не оставляй меня одну». Глупые страхи, которые никак не прогнать усилием воли, и столь же глупый вопрос, который так и остался без ответа. Как я дальше-то буду?

Чувствуя, как горят щеки, я постучала костяшками о дверной косяк. Мгновение тишины – и в коридор вышел Эрик, в зеленой футболке и старых-престарых джинсах. Андрей... Мой Андрей тоже любил зеленый цвет. Правда, не ярко-травяной, а оттенок серебристой ели, который удивительно гармонировал с его глазами.

– Извини, – буркнула я, будучи не в силах смотреть ему в лицо, – можно я... к тебе?

Он ничего не сказал, только бровь приподнял, а затем молча развернулся и пошел внутрь, оставив дверь приоткрытой.

Светился монитор, рядом с клавиатурой белела фарфоровая чашечка. Пахло кофе. Эрик нацепил на нос очки, кивнул мне:

– Ложись и спи.

А затем сел в кресло и уткнулся в монитор, как будто меня рядом и не было.

– Что ты делаешь? – робко поинтересовалась я и тут же мысленно отругала себя за глупость. Ну какое тебе, собственно, дело до того, чем занят этот человек?

– Много дел накопилось, – в голосе Эрика прозвучала усталость, – спи. Я буду здесь.

В спальне витали ароматы кофе, мяты и роз. Не переставая, клацали нажимаемые Эриком клавиши. Я опустила тяжелую голову на подушку, укрылась одеялом, долго-долго всматривалась в око монитора – и как-то незаметно провалилась в сон. Без сновидений.

А на рассвете меня разбудило все то же бодрое пощелкивание клавиш. Судя по всему, Эрик и не ложился.

– Что, проснулась? – он даже не обернулся, но голос звучал куда бодрее, чем накануне, – давай, поднимайся-умывайся-одевайся. Можешь считать, что это первое утро новой жизни. Я начну твоё образование в области ведовства.

Вот так. Эрик сказал – значит, так тому и быть. Но как же... С еще не сформировавшимся Даром? Ведь Андрей говорил...

И я несмело высказала свои сомнения вслух. Эрик презрительно фыркнул.

– Лера, не стоит воспринимать всерьез сказанное твоими «вольными» друзьями. Поверь, у меня накопился значительный опыт по образованию законопослушных новичков... И, в конце концов, тебе стоит изложить основные принципы ведовства, всех слонов, на которых покоится твердь земная...

– Твердь? – я моргнула.

– Ну, это я образно выразился. На самом деле тебе бы знать, что к чему – и вовсе необязательно ждать, пока окончательно оформится знак ведьмы.

– Э-э?

– Вот видишь, – он крутнулся в кресле, снял очки, покачал головой. После бессонной

ночи Эрик имел взъерошенный вид трудяги-программиста; джинсы и мятая футболка дополняли образ. – Андрей многое от тебя утаил, да? А, может, и сам не знал. Ну что такое ведьмак ста двадцати лет? Если, конечно, он ничего не скрывает...

– А как же поиски убийцы?

– Три дня ничего не решат, Лера. В конце концов, тебе следует уметь защитить себя... Твоя задача – дожить до вашей, гхм, *заключительной* встречи.

* * *

И пошло-поехало. Но куда же без теории? И, в конце концов, как же без истории?!!

Эрик, как поживший немало колдун, начал с последней. Само собой, с истории инквизиции, а излагал он ее с «изнанки», с ведовской точки зрения. Я такого и в страшном сне представить не могла.

Как там... в библии? Вначале было слово?.. Впрочем, неважно.

Для истории инквизиции вначале было предательство.

Нет, конечно же, вовсе не предательство положило начало всему роду ведьм и колдунов – до сего прискорбного инцидента жили они себе поживали и бед почти не знали. Лечили больных, общались с призраками, пользовались услугами мелких демонов... Кстати, по словам Эрика, за много тысяч лет так никто и не определился толком с всем их разнообразием: периодически рождался на свет тот или иной «ученый муж своей эпохи», который придумывал новую классификацию демонических существ. Для древних ассирийцев демоны были богами, а в средневековой Европе демонами стали падшие ангелы, и даже было рассчитано их точное количество – естественно, не соответствующее действительности.

Сам Эрик, отрешившись от классификации Альфонса де Спины, туманно называл демонов «сущностями». Мол, находятся они рядом с нами, стоит только позвать. Но, естественно, далеко не у каждого хватает храбрости и возможностей Дара это сделать.

Ну вот. Жили не тужили, наиболее сильные и одаренные колдуны присматривали за новичками и бесталанными, и была у круга могущественных тайна. Всего одна, но какая! Под страхом смерти запрещалось говорить о том, что любая ведьма, любой колдун могут купить у костлявой старушечки с кривой молодость и годы жизни, пожертвовав жизнь чужую. Ведь сказано: побеждай жертвуя. А потом нашелся среди старших один субъект, который проболтался – намеренно ли, случайно ли – уже не узнать. Несложно предположить, *что* началось после того, как тайна выпорхнула из сундучка и пошла гулять по умам колдунов зари средневековья и заката Великой Римской империи.

Годы шли, незаметно слипаясь в века. Ведьмы направо и налево побеждали собственную старость, дегустировали младенцев, отправляли на тот свет крестьянок, крали жизнь у могущественных сеньоров и их вассалов. И однажды чаша терпения старших переполнилась.

Вот тогда и явилась миру забавная организация, название которой в переводе значит «расследование». Для простых смертных, разумеется, искали еретиков, сговор с дьяволом, в которого, кстати, ни один образованный колдун не верил, ибо все зло – от самих людей. А на самом деле вошедшие в инквизицию могущественные ведьмы и колдуны занимались отловом зарвавшихся собратьев, возжелавших вечной жизни и наплевавших на жизни обыкновенных смертных. Делалось все, конечно, грубо и театрально. Но ведь то было средневековье! Кстати, на восток инквизиция не добралась тогда. Почему? Да потому что там были свои «старшие», которые превосходно управлялись с мелкими ведьмочками и ведьмаками.

... – А потом, в тысяча четыреста восемьдесят четвертом, был создан «Молот ведьм», – слова Эрика падали что камни, – и это стало... вторым великим предательством. Книга была написана двумя доминиканцами, двумя молодыми еще колдунами, хоть они и были вынуждены притворяться мужами зрелыми. Но любопытная вышла история! Они

замышляли сокрыть в тексте ментальную формулу, проще говоря, заклинание, которое бы посвящало отобранную «Молотом» жизнь преступника авторам. Костяк книги был написан неким Крамером, а завершил текст некто Шпренгер, профессор кельнского университета. И, завершая, Шпренгер кое-что изменил...

Пальцы Эрика беспокойно забегали по деревянному подлокотнику кресла. Он нервно сдернул очки и принялся салфеткой протирать линзы.

– И что же... изменилось?

– Да так, мелочь. Шпренгер дополнил текст «Молота ведьм» так, что под обвинение в колдовстве мог попасть любой, совершенно невиновный человек. Изначально предполагалось, что книга поспособствует наказанию алчущих долгой и противоестественной жизни. А получилось так, что наказаны оказались все.

...Позже инквизиция осудила сочинение двух доминиканцев, но господа лорды, маркизы, герцоги вошли во вкус. «Молот ведьм» определился на службу светским властям – и мясорубка заработала.

– А что случилось с авторами? – не вытерпела я, – неужели старшие не узнали об их преступлении? Или... то было простое мошенничество?!!

– Узнали, – на губах Эрика блуждала безмятежная улыбка сумасшедшего, – еще как узнали. Но ничего не смогли изменить. Наказали незадачливых доминиканцев и все. К тому же, Лера, кроме «вольных», «законников» и тех, кто за ними присматривает (то есть инквизиции), существует у нас еще одна загадочная организация. Некий Орден Справедливости, Order of Justice. Никто толком не знает, где его искать, но, смею тебя заверить, Орден сам находит тех, кого сочтет нужным. Тех, кого по мнению их верховного судии следует наказывать.

...Отпылали костры инквизиции. Сожжено было много виновных и невиновных, и горел бы огонь еще долго – но люди как будто начали просыпаться от долгого сна. Само слово «ведьма» уходило в прошлое, стало фантазией. Наступало время великих открытий, новых технологий. И даже небо покорилося человеку.

– Вот примерно так оно и было, – задумчиво пробормотал Эрик, глядя в пространство перед собой. Хотя... наверное, нет. Его взгляд был устремлен в прошлое, туда, где остались ошибки и сожаления, утраты и горечь поражений.

– Сколько тебе лет, Эрик?

Бледная щека нервно дернулась. Он в упор взглянул на меня, зло и недоверчиво. А затем, быстро взяв себя в руки, усмехнулся.

– Я уже не считаю, Лера. Да и какая разница? Пусть я буду чуть старше твоего принца на белом коне, Андрея.

Но в голосе Эрика скользнула червячком ложь. Может быть, даже ложь во спасение? И он просто не хотел меня пугать?

– Мм... А ты... знал лично этого... Альфонса де Спину?

– Нет, к сожалению, – Эрик улыбнулся, – не довелось. А жаль, ей-Богу. Мы бы нашли, о чем поговорить, и я бы непременно оспорил его мнение о полтергейстах.

– А двух доминиканцев?

– Лера, – он укоризненно покачал головой, – все это завуалированное желание узнать мой возраст. Между прочим, такие вопросы неприлично задавать...

– Женщинам, – и я одарила его самой чарующей улыбкой, на какую только была способна, – это у женщин спрашивать неприлично.

Эрик поднялся с кресла, прошелся по библиотеке. Сухощавый и подтянутый интеллект, его ни за что не представить с топором или разводным ключом в руках. Зеленая футболка и джинсы уступили место черным брюкам и такой же водолазке. Элегантный, породистый, но... все равно смертельно опасный. Странно, конечно, думать так о человеке, с которым провела две ночи – но я ничего не могла с собой сделать. С одной стороны, Эрик позволял чувствовать себя защищенной. Рядом с ним... я могла быть уверена, что в ближайшие... ну, скажем, десять часов со мной не приключится ничего плохого. И в то

же время, стоило ему посмотреть на меня, по коже начинали бегать мурашки, а в памяти всплывал ненароком подслушанный разговор с Джейн. Да я же, черт возьми, попросту боялась Эрика – и не хотела в этом признаваться.

– Я знал их, – сказал он. Черный силуэт на фоне окна. Одиноким ворон. – Порядочные были... сволочи.

Мама дорогая! Так, значит, Эрику вот уже шестое столетие идет? А может быть, и больше?

Во рту у меня собиралась горечь. Пятьсот лет – это не шутки. Даже сто лет – это уже запредельно много для нас, возвращенных среди выхлопов, гари, генно-модифицированных продуктов и сидячего образа жизни. Сколько же чужих жизней он прикарманил, этот непонятный субъект с ежевичными глазами и недоброй кривоватой улыбкой?..

Наверное, мысли мои отразились на лице, потому что Эрик нервно передернул плечами и сказал:

– Ну, вот. Слышу звон да не знаю где он. Лерусь, очнись, пожалуйста. Господа доминиканцы не дожили до двадцать первого века каких-нибудь десять лет.

– Правда?

– А к чему мне лгать? Ну же, прекрати трястись. Хочешь, иди позвони родителям, а потом продолжим занятия.

* * *

...Продолжение оказалось странным.

Эрик выложил на стол несколько листов бумаги и занялся рисованием. На белом прямоугольнике появилась фигурка бегущего человечка: ножки-палочки, ручки с непомерно большими растопыренными пятернями, голова, похожая на кочан капусты, овальный животик. Вокруг человечка Эрик старательно изобразил два замкнутых контура, один в другом, а рядом с шеей добавил жирную черную точку.

– Наверняка тебе ничего подобного не рисовали, так?

Я неуверенно почесала затылок. Эрик усмехнулся и принялся пояснять:

– Внешний контур называется ментальным полем, внутренний, соответственно ментальным телом. Точка рядом с шеей – знак ведьмы, самое важное, кстати, для чтецов. По знаку ведьмы тот, кто умеет его читать, может заранее определить, на что способна данная ведьмовская особь. Но у тебя знак этот очень мутный, и потому сложно определить, каким он будет.

У меня появилось желание ощупать себя, найти зловещую ведьмовскую печать и, сорвав ее, зашвырнуть куда подальше. С глаз долой, из сердца вон.

– Ты... видишь его? Знак?

– Вижу, – инквизитор криво усмехнулся, – и поле твое ментальное вижу. Довольно красивое, если приглядеться. Темно-фиолетовое с белыми прожилками.

– И что, ты всех людей видишь в таких коконах?

– Это зависит от того, как смотреть, – Эрик быстро заморгал, еще раз глянул на меня, – ну вот, теперь никакого кокона.

– А я... смогу это видеть?

– Скорее всего нет, – он пожал плечами и откинулся на массивную спинку стула, – у тебя, как мне кажется, будет совсем иной, *особенный* дар. Не спрашивай какой, он сам вылезет... Как зуб у младенца. Вполне возможно, что он уже проявился совершенно случайно однажды, а может, и не было такого. Никто ничего толком сказать не может.

– Угу. Понятно.

Я покрутила на полированной столешнице рисунок. Чертовщина, иначе и не назовешь.

– Общий вид ментального поля может изменяться с течением времени, – продолжил инквизитор, – как и ведьмовский знак. Существование первого – все равно что отпечатки пальцев, второе – наглядное отражение твоих способностей. Для нас есть старинная

классификация знаков, корнями уходящая во времена падения Великой Римской Империи. Светлое и Темное начала, Целитель и Убийца. Что еще более любопытно, падение от целителя до палача всегда возможно, подъем – никогда... Не каждый умеет читать ментальное поле и ведьмовские знаки, помни об этом. Также никто не знает, что происходит с ментальным полем при переселении ментальных тел. Результат может быть самым неожиданным... А если научишься управлять своим ментальным полем, то научишься перемещать предметы, – прошептал Эрик, – иногда бывает полезным.

– Господи, да как я могу управлять тем, чего не чувствую?!!

– А попробовать хочешь? – он мурлыкал, словно кот на солнцепеке, и я заподозрила неладное.

– Ну-у... не знаю... а что я для этого должна сделать?

– Для начала – спуститься со мной в подвал.

...Наверное, Эрику удавалось мной манипулировать. А как еще иначе объяснить, что я безропотно пошла вслед за ним? А пока мы шагали сквозь светлые коридоры, где струящиеся портьеры напоминали одежды эльфиек, он спокойно пояснял:

– Первый раз, когда у тебя получится *направленно* использовать свое ментальное поле, ты вряд ли разберешься что к чему. Но здесь главное – прочувствовать этот момент. Ощущения отпечатываются в памяти, и, вызвав их повторно, ты получишь в распоряжение собственное поле. Понятно?

– Угу, – я кивала и, честно говоря, мало что понимала.

– Если вдруг... – он приостановился, взял меня за руку, – впрочем, неважно. Постарайся просто запомнить ощущения. Предмет, который тебе придется двигать, должен приблизиться к твоему полю – или наоборот, поле приблизится к нему. А потом делай, что захочется, договорились?

– Угу, – я вздохнула и уставилась на потемневшую от времени и сырости деревянную дверь, – это что, там?

– Да, пришли.

Он несколько минут провозился со связкой ключей, выбирая нужный экземпляр. Замок скрипнул протестующее, в двери что-то металлически щелкнуло – словно мы вскрывали сейф или банковское хранилище. В лицо повеяло холодом и пылью; судя по всему, помещение не отапливалось – да и, Господи, что за глупости? Кто топит в подвалах?

Эрик нащупал выключатель, и тусклый свет единственной голой лампочки осветил полупустое помещение. Какие-то старые ящики в углу, в которых на продажу возят овощи, мятые грязные газеты. У одной стены, с крошечный вентиляционным оконцем, выставка садового инвентаря.

– Проходи, – руки Эрика мирно легли мне на талию, легонько подтолкнули вперед.

Хм. Это уже было подозрительным. Что он задумал?

Естественно, я не успела даже спросить об этом. Мгновенный разворот, толчок в грудь – и я оказалась прижатой к металлическому листу. Щелк-Щелк! И на запястьях, закинутых за голову, сомкнулись наручники.

– Что ты делаешь? – я изумленно глянула в лицо инквизитору. Увидела собственное отражение, жалкое и искривленное, в двух черных зеркалах.

Клац! И в следующее мгновение то, что я поначалу приняла за лист железа, резко приняло горизонтальное положение. Я оказалась прикованной к столу.

– Эрик?!!

Он молча пожал плечами и, не глядя в мою сторону, шагнул в угол. Защелкали скрытые переключатели, что-то зажужжало сверху...

– Эрик!!!

Извернувшись, я попыталась пнуть его ногой.

– Ну ты и сволочь... Отпусти меня! Что тебе еще... от меня нужно?

И тут он улыбнулся – но так, что у меня кровь похолодела в жилах. Боже мой, да это же самый настоящий маньяк и садист! И в его лице я умудрилась разглядеть спасителя?!!

– В средние века, – ласково сказал инквизитор, поглаживая меня пальцем по щеке (я тут же попыталась цапнуть его за руку, но не получилось, только зубами клацнула), – так вот, в средние века практиковали весьма любопытный способ казни. Приговоренного укладывали под специальный механизм... Как тебя, Лера... Который, в общем, представлял собой маятник. Остро отточенное лезвие, которое опускалось и опускалось, раскачиваясь, пока не перерезало слабую человеческую плоть.

– Скотина! – еще одна попытка пнуть Эрика, – а я-то тебе поверила! Я думала... что ты меня будешь учить!

Он не ответил. Пожал плечами.

– Я оставляю ключи от наручников, Валерия. Вот здесь. – он аккуратно положи их где-то рядом с порогом, – и я буду ждать тебя наверху. Надеюсь, что твое ментальное поле не подведет.

– Сукин сын! Да будь ты проклят!!!

Но мои вопли утонули в пустоте и тишине. Эрик ушел.

Черт, черт! Я все еще не могла поверить. Зачем он это сделал? Хотел напугать – что ж, поздравляю. Удалось. Но что дальше?

Одного взгляда наверх с лихвой хватало, чтобы сойти с ума. Там, в тусклом свете сорокаваттной лампочки, поигрывал бликами остро заточенный полумесяц. И он... начинал раскачиваться из стороны в сторону.

– Отпусти!!! – взвизгнула я, – Эрик, отпусти! Что я тебе сделала? Почему?!! Эри-и-и-ик!..

Никто не ответил. И не пришел. А маятник раскачивался все сильнее и сильнее, и чем больше становилась амплитуда, тем быстрее разматывался стальной тросик.

Я застонала и закрыла глаза. Я не могла соскользнуть со стола, на котором оказалась, руки были прикованы так, что и подвинуться влево-вправо не получалось.

– Сволочь, какая же ты сволочь, – пробормотала я.

Теперь уже безумно захотелось плакать... Но толку в слезах? Палача не разжалобить, да и не услышит он моих стенаний. Небось, уже вернулся в кабинет, или прошел в библиотеку. Какая же я дура, что поверила ему...

Поморгав, чтобы согнать непрошенные слезы, я посмотрела на стальной полумесяц. Он раскачивался из стороны в сторону, с тихим свистом рассекая воздух. Вот, значит, как мне суждено умереть? И к чему были красивые слова о том, как мы найдем настоящего убийцу? К чему было похищение моего безвольного тела из застенков инквизиции? Зачем?

На миг все же закралась надежда, что Эрик где-нибудь рядом – наблюдает, чтобы в самый последний миг остановить маятник.

– Эрик, пожалуйста, – я шмыгнула носом, – пожалуйста, не надо. Мне страшно... Ну будь ты человеком, отпусти...

Ответа не было. Следовательно, я осталась один на один со своей смертью.

* * *

О чем нужно думать в последние минуты жизни?

Сталь блестела в полуметре от моей шеи. Тик-так. Тик-так. Все ниже и ниже.

Тогда, после пыток, и в камере, я думала о родителях и Таньке – о том, как им будет горько и больно потерять меня. Сейчас, лежа на холодном железном листе, я все пыталась осознать всю глубину предательства, весь кошмар обмана.

Почему. Он. Так. Поступил. В конце концов, он мог убить меня раньше. Он мог попросту не спасать, не увозить из карцера, не подсовывать вместо меня очаровательного суккуба. Все, что он говорил мне, оказалось миражом, сотканным из паутины лжи... Почему, Эрик?

Но мозаика все равно упорно не желала складываться в цельную картину. Если я была для Эрика единственной нитью, ведущей к убийце – то зачем меня убивать? И, тем не менее,

вот оно, блестит, и раскачивается все ниже, ниже... Тридцать сантиметров.

Разве что... я стала ему не нужна?

Я позвала. В последний раз. А потом решила, что буду молчать – пусть даже треклятый маятник перепиливает мою шею.

И все же, почему, почему?!!

Не поймешь сумасшедших. Никогда! Разве что только собственная «крыша» съедет, и тогда откроется чудный мир безумной логики, и шагнешь через порог, чтобы жить и мыслить по другим правилам...

Двадцать сантиметров. Не точно, на вскидку – расстояние до смерти в ладонь.

Я крепко зажмурилась, в глазах мельтешило от блеска стали. Но с закрытыми глазами стало еще хуже – отчего-то я представила себе Эрика, сидящего в кресле с книгой. Ненавижу... Ненавижу!!!

И вдруг... на самом краю зрения появилось что-то странное. Нежно-сиреневое, испещренное ослепительно-белыми жилками. Неужели... вот так и выглядело мое ментальное поле? Будь он неладен, Эрик, мог бы и разъяснить получше!

Я зашипела как разозлившаяся кошка. Сволочь последняя, тоже мне, педагог нашелся! И что прикажете мне делать с этой фиолетовой шторкой? Дуть на нее, что ли?..

Комната дрогнула, словно в агонии. А я... я не могла понять, что со мной творится. Все вокруг меня вдруг стало... как будто частью самой меня. Стол, наручники, ящики, комканые газеты. Небывалое, фантастическое продолжение моего тела. И маятник, летающий туда-сюда в жалких сантиметрах от моего горла.

Тому, что произошло, не было – да и не могло быть объяснения.

Просто я ощутила и пыль на плохо оструганных досках, и тепло собственной кожи на стали наручников, и холод каменного пола на проволочном колечке от ключей. А помимо всего прочего – дуновение ветерка на лезвии маятника.

Новые, ни с чем не сравнимые чувства. Они ворвались в меня, не спрашивая позволения, закружились темным вихрем, смывая все прежнее понимание мироустройства, укрывая забвением все известные законы физики, заставляя истерично хохотать, биться головой о металл.

Что было дальше – плохо помню.

Знаю только, что лезвие-полумесяц ощущало тепло моих же ладоней и мой гнев, а наручники, щелкнув, осыпались на пол стальной стружкой. И я бежала, бежала как в тумане, а в голове больно пульсировала только одна мысль – сдохни, сдохни...

Наверное, меня вела ненависть. А может быть и страх, глубоко пустивший корни в моей душе.

Я раздернула в стороны призрачные черные портьеры, остановилась, чтобы перевести дух – а заодно и насладиться зрелищем перепуганного врага.

Эрик, стоящий у окна, резко обернулся. У него в руках было два бокала, полных янтарного шампанского. Сквозь хрусталь я ощутила тепло его рук, точно так же, как будто они прикасались ко мне. И я с упоением раздавила бокалы, осколки так и брызнули. На пол упало несколько капель крови из порезанных ладоней, но, но... Ни тени страха на сухом, породистом лице врага.

– Остановись, Лера.

– Ненавижу! – прошипела я, – что ты со мной сделал, а?!! Зачем? За что?..

На мгновение мне показалось, что я чувствую самого Эрика продолжением себя – но только на мгновение. Через секунду он превратился в стальной клинок, вспарывающий меня саму. И вновь я увидела собственное отражение в его глазах – растрепанное, взлохмаченное *нечто*, мало похожее на Леру Ведову. Поломанная механическая кукла, беспрестанно трясущая головой. Так вот чем я стала... Не-человеком. Злость внезапно схлынула, оставляя после себя выжженную пустошь, где уже никогда не вырастет лес. Ноги подогнулись, я упала на колени – ах, какая досада! Перед врагом на колени... Но разве это враг? Или отныне только враги окружают меня?

Слезы так и брызнули. Потекли по щекам, гася догорающее пламя бешенства. Я рыдала, а перед глазами вспыхивали, одно за другим, видения недалекого прошлого. Андрей, призрак на балконе. Инквизиция, Михаил, никелированный шприц в руках палача. Эрик, демон, маятник. Почему все это произошло со мной? Неужели... тот, кто все-таки выше нас, не мог оставить меня *просто человеком* ?

А потом я поняла, что меня куда-то несут на руках.

Да, Лера. Ты больше не человек. Хорошо, что теперь ты это окончательно поняла. Ты – ведьма. И больше никогда не будешь той Валерией Ведовой, что проводила дни в офисе за рисованием логотипов и календариков. Но разве... после того, как ты одним движением воли раздавила стальные наручники... и после того, как стальной полумесяц маятника рассыпался черной трухой... разве тебе не понравилось то дикое ощущение торжества – над сброшенными оковами, над собой, над всем миром? Разве не ощутила ты странного, противоестественно удовольствия, вспарывая хрустальными бокалами руки инквизитора?

Меня затрясло. Наверное, вот оно, настоящее сумасшествие – когда в голове безнаказанно вертятся мысли подобные моим.

Потом мне на лицо полилась теплая вода, она смыла слезы, прояснила мысли... И я, наконец-то, обнаружила себя сидящей в душевой кабинке, в одежде, которая промокла насквозь. Эрик с каменным лицом осторожно гладил меня по волосам, и под ноги мне стекала розовая вода.

О, Господи.

Я окончательно пришла в себя и с ужасом взглянула в непроницаемые глаза инквизитора. Еще раз посмотрела себе под ноги. Откуда кровь-то? Ах, да. Совершенно вылетело из головы, *что* я умудрилась сделать. Разумеется, воспользовавшись Даром ведьмы.

– П-прости, – зубы выстукивали барабанную дробь, – я... не поняла... что... случилось...

Эрик отстранился, оглядел меня с видом ученого-энтомолога, изучающего редкий экземпляр тропической бабочки.

– Теперь ты себя лучше чувствуешь?

Сколько холода в голосе. Даже... презрения, от которого хочется зарыться под землю с головой.

– Да... да! Эрик, пожалуйста.

– Я повел себя глупо, – процедил он, – не нужно было тебя так пугать. Сильные эмоции – страх, злость – ускоряют инициализацию. В этот раз ты сделала хороший шаг вперед, смогла воспользоваться собственным ментальным полем. Знак ведьмы, правда, еще не открылся окончательно... но больше я так рисковать не буду. Все-таки я не хочу тебя свести с ума, до того, как мы найдем убийцу.

– Ты... следил за маятником? – прошептала я, пряча лицо в ладонях.

– Ну разумеется следил. Все! Хорош купаться. Вытирайся.

Он швырнул мне большое махровое полотенце и вышел, от души хлопнув дверью. А я еще долго сидела под теплыми, упругими струями – не хотелось ни шевелиться, ни думать. На краю кабинки остался кровавый след, и я, холодея, представила – каково это, ходить с засевшими в ладонях кусками хрусталя.

Лерка, Лерка. Тяжело учиться ходить по облакам. Так и хочется вернуться на твердую, надежную землю – но нет дороги назад. Остается скрипеть зубами, делать ошибку за ошибкой – но привыкать.

...Когда я, задрапировавшись в махровую простыню, выбралась из ванной, Эрика поблизости не оказалось. Я прошлепала в свою спальню, быстро оделась – и ведь, как странно, даже руки не дрожали! – а затем бросилась разыскивать хозяина дома.

За окнами пылал закат, на востоке небо обложили тяжелые, темные тучи. Ветер гнал пыль и мелкий мусор, гнул молоденькие деревца в саду – все это я увидела, пробегая по коридору, где окна выходили во внутренний двор.

Эрика я нашла в библиотеке, сидящим в кресле и водрузившим ноги на письменный стол, прямо поверх папок с документами. А под столом катались две пустые бутылки из-под вина, Эрик же приканчивал третью, даже не снисходя до бокала. Обе ладони были неумело забинтованы, на белой марле проступили бурые пятна.

Я потопталась на пороге. Инквизитор сделал вид, что меня не заметил. Тогда я постучалась в дверь.

– Можно я войду?

– Уходи, – таким был ответ.

– Эрик... Не нужно так. Я виновата, прости. Но и ты... тоже...

И я едва успела пригнуться, потому что недопитая бутылка с грохотом разбилась о дверной косяк. Там, где за мгновение до этого находилась моя голова. На меня словно кровью брызнуло, и по библиотеке поплыл сладковатый запах дорогого спиртного.

Еще через мгновение Эрик оказался рядом со мной, с побелевшим от ярости лицом.

– Убирайся! – прошипел он, – убирайся, пока я не сделал с тобой чего-нибудь такого, о чем буду жалеть... Еще никто... никому вот такое... – он потряс у меня перед носом перебинтованными пальцами, – не сходило с рук, понятно? Так что – валяй, с глаз моих долой!

Теперь уже ноги сами вынесли меня из библиотеки. Черт. Еще ни разу я не видела Эрика в таком вот состоянии. Что делать-то?

* * *

...Но, как обычно, за меня опять все решили.

Эрик явился ко мне в спальню на следующее утро, с абсолютно зажившими ладонями, строгий и сосредоточенный – выражение его лица совершенно не вязалось с бестолковым коричневым свитером с пчелками и мохнатыми домашними тапочками.

– У нас еще есть день, – деловито сказал он, – сегодня я попробую научить тебя обороняться от вызванных демонов... Это необходимо. Так будет больше шансов, что ты доживешь до встречи с нашим общим другом. После этого мы приступим к поискам истинного виновника всех твоих бед.

Я недоуменно взирала на него из-под одеяла. Хорошенькие перепады настроения у вас, господин инквизитор. Вчера был готов мне в глотку вцепиться, а сегодня – сама любезность. И взгляд невинно-трогательный, ну прямо младенец!

– Я буду ждать в столовой, – он еще раз окинул меня взглядом, скривился отчего-то и вышел.

Ох, беда мне с этим Эриком... Не поймешь, чего ожидать от него в следующую секунду. И, что казалось мне совершенно немыслимым – он ни единым словом не напоминал мне о том, что между нами что-то было. Так, как будто я ему была совершенно безразлична... Да, впрочем, наверное это именно так и есть. Успокоил перепуганную девочку и довольно. Хотя так будет лучше – для меня, для Андрея... Если нам еще суждено встретиться...

Вздохнув, я выбралась из постели, рысью пробежалась до ванной и обратно. Теперь – одеться. Из привезенной моей одежды остался целым только черный свитер с воротником под горло, расшитый стеклярусом, и старенькие джинсы. Небогатый гардероб, но что поделаешь: на мою одежду покусился демон, еще одна смена оказалась залитой вином. Хм. А если попросить Эрика пробежаться по магазинам? Я отмела эту идею, как глупейшую из всех возможных. Во-первых, до моего оправдания в глазах инквизиции личность моя обрела статус «пропавшей без вести». Если меня – упаси Боже! – встретят приятельницы или, что еще хуже, коллеги, то вся конспирация, как говорится, коту под хвост. А во-вторых, не нужно забывать о том, что по городу колесят инквизиторы... Для которых неудалая ведьма Ведова тоже... как бы это сказать помягче... не совсем живая.

Вздохнув еще раз, я переместилась к зеркалу. Расчесала волосы, по привычке, на

прямой пробор, чуть похлопала себя по щекам, чтобы придать им свежий и румяный вид. Глянула на себя повнимательнее – и отшатнулась. Не было больше прежней Леры с мягким, добрым лицом, большими задумчивыми глазами, за которые мамуля называла меня теленочком. Из зеркальных глубин с вызовом взирала мало знакомая молодая женщина. И вроде бы лицо осталось прежним, но появилось в чертах некая твердость, в зеленоватых глазах зажегся дикий огонь. Мне бы развевающиеся черные одежды, ритуальный кинжал – и можно смело проситься на картину Бориса Вальехо в качестве жрицы темного храма...

Я внимательнейшим образом оглядывала себя, и не могла понять, нравлюсь ли я себе новая, или нет. Потом тихо отворилась дверь, и за моим плечом материализовался силуэт инквизитора.

– Пойдем.

– Я... меняюсь?

– Все меняются, – он пожал плечами, – но общественное мнение таково, что ведьмы красивее обычных женщин.

И усмехнулся, ловко намотав на палец мой локон.

– Ты можешь... отвезти меня к родителям? Незаметно, чтобы никто не видел? – я умоляюще посмотрела в зеркало.

– Могу, – Эрик кивнул, – если ты хочешь. Но сперва тебя ждут демоны.

* * *

На сей раз обошлось без походов в подвал. Мы перебрались в роскошную гостиную, оформленную в викторианском стиле, с которым Эрика наверняка связывали приятные воспоминания. Он молча указал мне на кресло, сам подошел к большому окну, обрамленному нежно-голубыми портьерами. Вообще, как я уже заметила, Эрик любил беседовать, стоя у окна: на самом деле очень удобно – когда в разговоре возникает заминка или нужно кое-что обдумать, начинаешь пристально разглядывать какую-нибудь мелочь по ту сторону стекла. Главное, прodelывать это с видом серьезным, и тогда у собеседника никогда не возникнет сомнений в том, что – да, снаружи случилось нечто важное, прервавшее беседу...

Эрик оторвался от созерцания восходящего солнца, повернулся как будто неохотно.

– Сегодня все будет просто. Я бы предложил попробовать изгнать демона вот так: ты смотришь на него, осознаешь то, что ему не место в этом мире и говоришь... Ну, что-нибудь вроде «убирайся, тебя – нет».

– Это что, заклинание такое? – мне показалось, что Эрик шутит.

– Вроде того. Стандартная формула, – он улыбнулся, – мне все время кажется, что я уже видел такой же знак ведьмы, как у тебя. Редкая штучка, хотя все еще может поменяться.

И снова недомолвки, туманные намеки... Ну почему, почему он никогда не говорит как есть, в лоб?

– Чем это я такая особенная?

У Эрика нервно дернулся уголок рта. Он сложил руки на груди, строго посмотрел на меня.

– У тебя достаточно сильный Дар. Вчера... да, вчера я знал, что ты хочешь меня убить. Молчи, не перебивай... Раздавленные бокалы – это же мелочь по сравнению с тем, что бы ты со мной сделала, если бы могла, верно?! Но, мои глубочайшие извинения... пока что я тебе не по зубам. Да еще твой знак ведьмы сейчас очень напоминает мне знак одного колдуна, ныне покойного. Демоны от него шарахались как от чумного, ему даже ничего и делать не надо было. Отблеск знака – и враг удирает, сверкая пятками. Если, конечно, так можно сказать о демоне, переваливающем через границу своего мира.

Я наивно захлопала ресницами.

Ну, да. Конечно, Эрик оказался прав. То сумасшествие, в которое мне довелось окунуться, было настолько сильным, а ненависть полыхала так ярко, что... Но ведь не убила,

и Бог знает, хорошо это или плохо.

– А как звали того колдуна?

– Себастьян, – Эрик улыбнулся, – Себастьян Михаэлис. Хотя я уверен, что имя это тебе ни о чем не говорит.

Разумеется, он был прав. Но я решила на всякий случай запомнить и поискать сведения об этом... Себастьяне на просторах Интернета.

– Ну вот, вступление закончено, – Эрик хитро подмигнул, вынул из кармана мелок и шагнул на середину комнаты, – теперь дело за малым.

Я с интересом наблюдала, как он начертил круг, на дорожном темно-синем ковролине.

– На всякий случай, – пояснил он, поймав мой удивленный взгляд, – вдруг вместо милого инкуба кто другой пожалует.

– Он не сможет выйти из круга?

– Вызванный – нет. Посланный кем-то другим – запросто, – Эрик выпрямился, подбросил и поймал мелок. – Ну что, ты готова?

Я нутром чувствовала, что меня поджидает очередной подвох. Глянула на Эрика – тот стоял над кругом, напустив на себя вид безгрешного младенца, и взирал на меня с ангельской улыбкой.

– Ты готова? – повторил инквизитор, – если да, то приступим.

В его руках чудесным образом возник ланцет – что-то новенькое... И, не успев я и глазом моргнуть, как Эрик полоснул себя по запястью. Все еще улыбаясь. Резким движением стряхивая темные капли внутрь круга.

Но – вот ведь странно! – вместо того, чтобы упасть на синий ковролин и тем самым его окончательно испортить, гранатовые бусины исчезли, так и не долетев до пола. Как будто кто-то ждал их, подставив раскрытый рот – и тотчас же проглотил.

Я несколько мгновений взирала на замершего инквизитора, перевела взгляд на пространство над кругом... Мне вдруг показалось, что воздух на уровне груди Эрика *загустел*.

Это сложно передать обычными словами, это кажется невозможным – но материя внутри круга в самом деле становилась плотнее, собиралась в клубок, словно запертый в колбе пар. А потом резко окрасилась в ядовито-охряной цвет, который... черт возьми, который был мне слишком хорошо знаком.

– Эрик, – просипела я внезапно севшим голосом, – что... ты вызвал?

Но он не удостоил меня ответом, предлагая решать самой. Отвесил шутливый поклон в мою сторону и неторопливо отошел к окну – мол, что хочешь, Лера, то и делай. А ноги вмиг стали ватными, непослушными, к горлу подкатила тошнота. Последний, полный панического ужаса взгляд в сторону Эрика; он кивнул мне и скупно улыбнулся.

– Ты же говорил – будет инкуб!

– Ну говорил. А получилось вот что. Сам пришел...

Между тем охряное облако, повиснув над полом, стремительно росло в размерах, заполняя круг. Господи, да разве такое бывает? Клубящийся цветной пар, в самом сердце которого постоянно что-то меняется, от которого несет жженой серой, и которое...

Жрать. Жрать. Жрать.

Я вздрогнула. Да, ошибки быть не могло – я слышала... нет, скорее чувствовала вечный голод существа, вырванного из чужого мира в наш.

Жрать. Кровь. Жизнь.

Круг все еще сдерживал его, но надолго ли? А во рту стало солоно, я и не заметила как прокусила губу.

– Не бойся, – доносился издали ободряющий голос Эрика, – сейчас, когда открыт зазор между мирами, тебе довольно отказаться признать его существование...

Да-а. Легко сказать – отказаться признать! Как я могу отрицать то, что ежесекундно менялось, плыло, парило и испытывало мучительный вековой голод?

Ну, хорошо, хорошо. Допустим, я смогу убедить себя в том, что окончательно

сбрендил, и мне все это мерещится. А вдруг да не поможет?

Кро-о-о-ови. Жрать. Мяса.

Я зажмурилась, забубнила себе под нос – тебя нет, тебя нет, нет, нет.

Два туманных щупальца протянулись было ко мне, но их тут же по границе круга отсекло невидимой гильотиной.

Ты... имеешь власть над нами?

Недоумение. Страх вперемешку с дикой, первобытной яростью.

Господи, да откуда мне знать – имею или не имею власть? Кто бы мне самой объяснил!

И вдруг ожила боль под сердцем. Та самая, что поселилась во мне после неудавшегося приворота – а по словам Эрика, после того, как мое ментальное поле скопировал маньяк-убийца, колдун вне закона. Словно кто-то дернул колючую проволоку, пропущенную сквозь ребра.

Качнулась гостиная в викторианском стиле, накренился и поехал куда-то вбок тяжеленный книжный шкаф с резными ручками... Я падала. Падала бесконечно долго, и не могла вздохнуть; наверное такую же боль испытывают те, кого режут живьем...

А потом все прекратилось.

Меня держал на руках Эрик. По его напряженному лицу сполохами мелькали гнев, презрение, ненависть. И – страх. Страх за мою жизнь, за мое будущее, которое могло быть и безоблачным, а могло и вовсе опрокинуться в черную яму смерти. Как все-таки странно: иногда Эрику не нужно было ничего говорить, а я все равно знала, что у него на сердце. И отчего бы? Родственная душа, затерявшаяся среди миллиардов равнодушных пустышек? Вряд ли... Скорее, это мое перерождение обострило чувства до предела, так, что я слышала переживания старого колдуна. Ну, вроде как один хищник чувствует другого...

Ни о чем не спрашивая, Эрик прижал меня к себе и легонько, словно маленькую, чмокнул в лоб.

– Поехали к твоим родителям, – глухо сказал он, – и тебе, и мне нужно отдохнуть.

Я с опаской вздохнула – но боль моя вновь затаилась, спряталась, поджидая удобного момента.

– Де...мон... Эрик, как же... демон...

– Он уже удрал, – серьезно сказал инквизитор, – я позволил ему отправиться восвояси.

– Прости, – я виновато глядела в пол, – я не смогла себя пересилить.

– Ты здесь не при чем. Похоже, наш общий друг интересуется твоим самочувствием...

Джейн

Путь от Лондона до особняка «Белая роза» занял не больше двух часов. Вот она, старая добрая Англия: стоит исчезнуть за горизонтом мегаполису, как попадаешь в прошлый век. Единственное, пожалуй, что остается от века двадцать первого – это дорога. Зеркально-гладкая, похожая на ленту серого атласа. Вокруг пустоши сменяются лесом, мелькают аккуратные домики, то из красного кирпича, то белые. И перед каждым непременно садик, старательно возделываемый, идеальные лужайки, кустики правильной геометрической формы. А над всем этим стynet тусклое небо. Солнечные дни здесь редкие и желанные гости.

Но весна есть весна: едва завидев белые стены особняка, Джейн с удовлетворением отметила, как он преобразился за время ее отсутствия. Нет, стены остались такими же. И крыша. И окна. Но еще в конце февраля «Белая роза» казалась самым унылым местом на земле – туман, дождь, черные ветви старых вязов. Теперь проснулись от зимнего сна деревья, закутались в легкие вуали свежей зелени; на клумбах расцветали гиацинты, нежно-голубые и розовые, а следом упорно вылезали из земли острые носики голландских тюльпанов.

«Как здесь хорошо», – подумала Джейн, вдыхая полной грудью, – «пора бы уже остепениться и помнить, где твой дом...»

– Ваш багаж, мисс.

Она улыбнулась таксисту, молодому пареньку в темно-синей униформе, и тот зарделся от смущения. Откуда ему знать, что молодая красивая женщина улыбается ему не как мужчине, а как воспоминанию о самой себе лет этак... ну, немало тому назад?

Джейн расплатилась, не забыв про чаевые. Паренек, принимая деньги, совсем осмелел и даже задержал руку Джейн в своей.

«А что, не закрутить ли роман... с таксистом?»

Ведьма усмехнулась, опустила глаза. Нет, наверное, не стоит. Скорее, не следует забывать о том, кто она такая и сколько ей лет... прежде чем бросаться с головой в авантюру с молоденьким мальчиком... От которого даже пахло свежей зеленью и весной.

– Спасибо еще раз, – Джейн высвободила руку, – не буду вас задерживать.

И, подобрав чемодан, пошла к ажурным створкам ворот, на каждой из которых присутствовала филигранная роза.

Особняк пустовал в отсутствие Джейн. В обязанности наемной прислуги входила уборка два раза в неделю, да во флигеле жила экономка, старушка мисс Вудвилль. С ней в свое время вышла занятная история: мисс Вудвилль объявила себя едва ли не претенденткой на престол Великобритании, одинокую старушеницу быстренько упрятали в клинику для душевнобольных. И сидеть бы ей там до самой смерти, если бы не Джейн. Она забрала одинокую женщину к себе и возложила на нее обязанности экономки. По большому счету Джейн было наплевать на то, что мисс Вудвилль считали сумасшедшей. Хозяйство она вела прекрасно, ну а то, что по-прежнему считала себя потомком королей, совершенно не мешало ей оставаться премилой старушкой.

«Тем более, что никто не знает, сколько внебрачных Вудвиллей рассеялось по Англии», – решила для себя Джейн.

Она позвонила, с наслаждением вдавливая бордовую кнопку звонка. Через несколько минут хлопнула дверь флигеля, и по вымощенной булыжникам дорожке к воротам зашпешила упомянутая мисс Вудвилль, в традиционно черном платье и пунцовой шали. Оказывается, даже старушка изменилась к весне, покрасив совершенно седые волосы в сочный оттенок свеклы.

– Ах, моя дорогая мисс Файерхилл! – с придыханием воскликнула она, торопясь к воротам, – я уж вас и не ждала! Как хорошо, что вы вернулись! Смотрите, ваши любимые гиацинты!

Старушка завозилась с замком, затем потянула ворота на себя, пропуская Джейн.

– Не знаю, надолго ли я здесь задержусь, – пробормотала ведьма, приюхиваясь к необычайно свежему аромату духов экономки. Это было что-то новенькое. Обычно мисс Вудвилль предпочитала консервативные запахи, несущие в себе дух викторианской эпохи.

– Мистер Галлоу сделал мне предложение, – заговорщицким шепотом сообщила мисс Вудвилль.

– А, понятно, – кивнула Джейн.

Мистер Галлоу был садовником и вообще мастером на все руки.

– Но я еще не дала окончательного ответа, – смущенно добавила старушка, – пойдемте же, милочка! Все убрано, все готово к вашему приезду. А я сейчас сделаю чай.

Джейн улыбнулась. Ее любимая «Белая роза» встречала ее как блудную дочь, одаривая радостью и мимолетным ощущением покоя.

Мисс Вудвилль не обманула: в особняке царил исключительный порядок. Ни пылинки, ни соринки. Все было подготовлено к внезапному приезду хозяйки. Даже натоплено было в самый раз: не жарко и не холодно. Джейн бросила у входа чемодан, сняла сапоги и босиком поднялась по широкой деревянной лестнице в кабинет.

Она раздернула тяжелые шторы, потрогала высокую стопку писем на столе. Нет, все-таки правильно, что она набралась смелости и уехала из России! Здесь, в Англии, ее истинный дом – невзирая на то, что за свою долгую жизнь Джейн исколесила пол-мира, переезжая с места на место, то трагически погибая, то возрождаясь в образе собственной

наследницы...

Рассеянно просматривая письма, Джейн наткнулась на одно, в бледно-розовом конверте – от графа Харвестера.

«Дорогая мисс Файерхилл! Не смея надоедать вам, прошу разрешения навестить вас в Белой розе...»

Джейн пожалала плечами. Станный субъект, зачем писать письмо на бумаге, вкладывать его в красивый конверт и отправлять по почте? Ведь можно и позвонить... Возможно, сэр Харвестер попросту старомоден, хоть и не стар. Джейн вспомнила, как познакомилась с ним на одном очень светском приеме, и как он ни на шаг от нее не отходил – породистый брюнет лет сорока, овдовевший и воспитывающий двух дочек.

«Ему просто стало скучно, вот он и решил меня навестить», – подумала ведьма, откладывая письмо.

По лестнице застучали каблуки мисс Вудвилль.

– А вот и чай, моя дорогая!

На письменный стол тяжело стал овальный поднос с чайничком, сахарницей, расписанной амурами, и чашкой.

– Не знаю, какой вы чай пьете в чужой земле, – бойко протараторила экономка, – но здесь, моя милая, вы будете пить только самый лучший чай!

– Я знаю, – Джейн улыбнулась, – вы хорошая женщина, мисс Вудвилль. Бог вас отблагодарит за все.

«И *та, другая* ... она тоже хороший человек... Но, по-видимому, обречена», – мелькнула горькая, словно глоток хинина, мысль.

– Спасибо вам, мисс Вудвилль. Я бы хотела побыть одна, мне столько писем нужно разобрать.

В светло-голубых глазах старушки мелькнуло понимание.

– Все-все, удаляюсь. Но если что нужно, вы знаете, где звонок.

Джейн осталась одна.

Она устроилась в кресле – даже плед оказался на месте, там, где его и оставили перед отъездом. Взяла чай и принялась его медленно пить, прикрыв глаза и стараясь не думать ни о чем плохом. Она, Джейн Файерхилл, всего лишь вернулась домой, в поместье «Белая роза». Здесь все такое родное, все располагает к тому, чтобы просто быть счастливой... И даже такая мелочь, как грядущий визит графа, не портит настроение, а наоборот, настраивает на романтический лад.

Повинуясь внезапному импульсу, Джейн отставила чашку, выудила визитку графа. Почему бы и нет, в конце концов?..

И она решила передать мисс Вудвилль, чтобы та, в свою очередь, позвонила секретарю графа и сказала, что мисс Файерхилл готова принять мистера Харвестера сегодня же, разумеется, если граф не имеет более срочных дел.

– Почему бы и нет? – почти промурлыкала Джейн.

Весна. И ей, черт возьми, нужно отвлечься от печальных мыслей.

Вертя визитку, ведьма выскользнула из кабинета в полутемный коридор и поспешила к мисс Вудвилль. Конечно, можно и позвонить, но так приятно пройти по дому, за которым успело истоскаться сердце!

Джейн дошла до лестницы, все еще улыбаясь.

Но улыбка вмиг сползла с губ – как только ведьма почувствовала присутствие в доме еще кого-то. Чужака.

– Это еще что такое, – пробормотала Джейн.

Она не боялась незваных гостей. И гости наверняка были осведомлены о том, что справиться с мисс Файерхилл будет ох как непросто. Но тогда...

«Какого черта ему здесь нужно?!»

Джейн вздохнула. Собралась. Покой... развеялся как дым, осталось только сожаление о том, что идиллия воссоединения с домом так быстро закончилась. И, господи, пусть они

только пальцем тронут старушку Вудвилль! В крови закипало бешенство.

Она сунула визитку графа в карман джинсов и неслышно понеслась по ковровой дорожке туда, где, судя по всему, находился чужак. Это... было в спальне. В спальне! Да как они посмели?!!

У двери Джейн приостановилась. Наверняка тот, кто проник в ее дом, теперь стоит и поджидает... Мол, сейчас эта рыжая ведьма распахнет дверь, переступит порог, и вот тогда, тогда...

«Ну, мой сахарный, сейчас ты у меня попляшешь», – зло подумала Джейн.

Она не стала входить в комнату. Она всего лишь прикрыла глаза, дала себе возможность прочувствовать, где стоит неожиданный визитер, и – ударила.

Всем своим Даром. Все равно что плашмя мечом приложила, чтобы не убить, но дать почувствовать всю силу.

За дверью кто-то захрипел, раздался гулкий звук упавшего тела.

– Что, получил? – буркнула Джейн, а потом ударом ноги распахнула дверь, и точно таким же метким ударом пнула в живот незнакомца, скорчившегося на полу.

– А-а-аргх, – невнятно крикнул он, вскидывая руки.

– Я вас не ждала, мистер, – холодно обронила Джейн.

Она наклонилась, схватила мужчину за ворот куртки и как следует трянула. Льдинками блеснули его глаза, замутненные страхом и болью. Уж кто-то, а Джейн знала, что ее удары весьма и весьма болезненны для любого ведьмака.

– А сейчас ты сдохнешь, – прошипела она в побелевшее лицо.

– П-п-п... я... пос...

– Что? – Джейн подозрительно вгляделась в гостя.

Кажется, он ей хочет что-то сказать? Ну-ну...

– Не надо, – прохрипел мужчина, – пожалуйста... посланца не казнят за дурные вести.

Джейн отшвырнула его в сердцах, не слыша, как он стукнулся о пол затылком. И, стараясь не выдать волнения, спросила:

– Какого черта ты сюда влез? Как вы вообще смеее приходить в мой дом, как в свой? В следующий раз я и разговаривать не стану, понятно? С ходу разнесу в клочья!

Ох. А в голосе уже звенели слезы. Самые обычные девичьи слезы...

Гонец медленно поднимался.

На вид ему было лет тридцать, не больше. Истинный англичанин, рыжий и голубоглазый. Высокий, плечистый.

«Ну да, *они* всегда берут на службу тех, кто хорош собой», – отстраненно подумалось Джейн, – «Господи, ну почему он явился сегодня? Тогда, когда я почти была счастлива?!!»

– Выкладывай, зачем пришел, – глухо сказала Джейн, отворачиваясь.

– Наставник приказал передать, что время подходит к концу, Джейн, – тихо сообщил парень, – время, о котором ты просила и которое было оплачено жертвой.

– Я всего лишь выполняю условия сделки.

– Наставник все помнит. Но отпущенное время подходит к концу, – упрямо повторил гонец, – прости, если я тебя огорчил. Либо ты вносишь новый «залог», либо...

Джейн резко обернулась, высокомерно вздернула подбородок. Нет, она никогда не покажет, как больно бывает ведьме!

– Передай *ему*, – голос прозвучал сухо и надтреснуто, – что я обо всем помню и сделаю все то, что должна. К тому же, мне до сих пор неясно, почему я должна наказать только одного, но не другого. Где в этом случае справедливость? В чем предназначение Ордена?

Воцарилось молчание. Мужчина тихо приблизился к Джейн, наклонился к ее уху – она стояла неподвижно, словно окаменела.

– Если тебя это так беспокоит, – прошептал гонец, – *другой* тоже будет наказан, но он будет следующим. Таков порядок и таково решение Наставника.

Джейн прикрыла глаза. Во рту стало горько и сухо.

– Убирайся, – прошептала ведьма, – будьте вы прокляты. Уходи, пока я не убила тебя. Ты ведь знаешь, что мне это не составит труда?

...Она вернулась в кабинет. Вместо того, чтобы пойти к мисс Вудвилль и попросить позвонить графу.

Зло, истинное зло вновь нашло ее, даже среди тишины вересковых пустошей. Зло вновь замыкалось в кольцо, и не было сил ни разорвать его, ни покориться – потому что в случае Джейн покориться означало лишить себя самой жизни.

«Где же выход, где?» – она все еще катала в пальцах визитку, – «что же мне делать? Как раз и навсегда покончить с тем, чем я стала?!!»

И Джейн прорыдала до заката, зарывшись лицом в шерстяной лоскутный плед. Она плакала до тех пор, пока не услышала ровного гула мотора за окном. Ведьма только глянула на ворота – и ахнула. По дорожке уже бежал никто иной, как граф Харвестер, а за ним семенила мисс Вудвилль, что-то невнятно выкрикивая.

– Черт, – только и сказала Джейн. Иных слов у нее не осталось.

Кое-как умывшись, она поспешила навстречу, успела спуститься в холл – граф распахнул входную дверь и застыл изваянием, глядя на нее.

– Мисс Файерхилл, – он заговорил так, словно каждое слово не желало вылезать из горла, – мне казалось... господи, какие глупости... но мне показалось, что вы хотели меня видеть...

– Я собиралась вам позвонить, граф, – выдохнула Джейн.

В сумерках холла этот взволнованный, словно школьник, сорокалетний мужчина внезапно показался ей красивым.

– Возможно, это судьба? – он покачал головой, – я не знаю, как все это объяснить... Мне все казалось, что я поднимаю трубку, слышу ваш голос, мисс... В общем, все это чепуха...

Граф быстро пересек холл и остановился в двух шагах от Джейн, а затем вдруг опустился на одно колено.

– Мисс Файерхилл, надеюсь вы простите мою наглость... Я прошу вашей руки, здесь и сейчас.

Потолок холла, перетянутый дубовыми балками, опасно накренился.

– Мисс Файерхилл... что с вами? Почему вы плачете?

Джейн... Она ведь никогда не желала... не смела желать ничего подобного. Да и не имела права хотеть такого поворота событий. Что она могла сказать этому благородному человеку?

«Но ведь... скоро все закончится, не так ли?» – пропищал в сознании тоненький голосок, – «ты ведь знаешь, об этом, Дженнет, знаешь...»

– Я... – она впервые посмотрела в глаза графу. Они были светлыми. Такими же, как глаза гонца, растревожившего душу. И в них не было ничего тайного, ни грязи, ни смертей, которые бы этот человек мог скрывать.

«Бедный», – подумала Джейн.

Она положила руку на голову коленопреклоненного мужчины, пальцы запутались в жестких черных волосах. А вслух, поспешно проглотив застрявший в горле едкий комок, ведьма произнесла:

– Я согласна, мистер Харвестер. Я согласна стать вашей женой и воспитывать ваших детей.

Про себя Джейн подумала, что большую глупость совершила только раз в жизни – когда наглоталась яда. Но если яд принес ей смерть, то глупость номер два должна была дать последний глоток жизни.

Прогулка в тумане

И все-таки человек – самое странное существо из всех ныне живущих. Накануне я

мечтала о том, чтобы оставить замок Синей бороды хотя бы на время. Меня начали раздражать лоск и роскошь инквизиторского жилища, стройные ряды тарелочек в шкафу, ни одной, даже самой маленькой вещицы, которая была бы не на месте. Жизнь там непонятным образом ассоциировалась с жизнью в саркофаге: ничего не меняется, убирать нечего... и сорить тоже, кстати, некому. Мне хотелось глотнуть свежего воздуха, вернуться в город, побродить по кривым и грязным переулкам – там, где уже зацвели черешни. А еще я думала о том, что хорошо бы вернуться *домой*, поваляться на диване перед телевизором, выстроить в мойке пирамиду из немытых чашек. С точки зрения Эрика это был бы хаос, иными словами – бардак, но... в нем была жизнь, незамысловатая и одновременно сложная, мой след в этом мире, доказательство того, что я живая, что я не превратилась в призрак бестелесный, способный только пугать новорожденных ведьм.

Но – стоило кованым воротам особняка захлопнуться за спиной, как вернулся страх. Передо мной расстилалась степь, зеленая и шелковая, вдали вырисовывались саманные домики с белеными стенами и крышами из серого шифера, еще дальше – на фоне бледно-голубого неба вставала малахитовая гряда лесополосы. Ветер, свежий, напившийся травяного сока, взъерошил волосы, погладил по щекам... Иди, Лерка, иди. Так далеко, как только сможешь... А я все оглядывалась на покинутую клетку, на толстые темно-красные стены, на решетки, на двери – такие надежные, крепкие...

Все кончилось тем, что Эрику надоело ждать. Он взял меня за руку и потянул к тихо урчащему «Туарегу», черному, тонированному и похожему на гигантского жука.

Я послушно залезла на переднее сиденье, пристегнулась.

– Вот, надень, – Эрик сунул мне темные очки и широкий черный шарф.

Теперь я точно стала похожа на секретного агента. По крайней мере во всех виденных мною фильмах отчаянные дамы именно так и маскировались: на голову косынку, на глаза очки. Очень эффектно – а насколько эффективно, о том шедевры кино помалкивали.

И мы поехали.

Поплыли мимо поля, где зеленели колкие усики озимой пшеницы, неспешно крались навстречу саманные домики, а по левую руку нас торжественно встречало стадо коров – рыжие, черные, белые буренки, ощипывающие свежую траву.

– Не понимаю, чего ты боишься, – нервные руки Эрика подрагивали на руле.

– Откуда ты знаешь?..

– Могла бы и не спрашивать, – он усмехнулся.

Я смутилась, к щекам моментально прилила кровь. Ну вот, сижу и краснею как первоклассница.

– Там... где-то там – убийца.

Быстрый, но выразительный взгляд в мою сторону.

– Лера, не беспокойся. На сей раз мы его найдем и убьем первыми.

– А еще там инквизиция, – буркнула я, и тут же спохватилась, – я не тебя имела в виду.

– То, что случилось, больше не повторится, – в ежевичных глазах полыхнула ярость.

– Да, я понимаю, понимаю...

Господи, как было бы хорошо, умей человек стирать собственную память! Как мел со школьной доски, взял тряпку – и нет ни серого карцера, ни Михаила, ни больничной кушетки...

Эрик ударил по тормозам столь внезапно, что я чуть не клюнула носом приборную панель.

– Что такое?

Джип стоял на обочине, мимо пронеслась красная легковушка.

– Ничего, – он мягко взял мое лицо в ладони, заглянул в глаза, – послушай, Лера, внимательно послушай. Ты всегда вела себя очень мужественно. Даже *там*. Мне никогда бы не удалось повторить то, что сделала ты. Так не позволяй призракам прошлого овладеть твоим настоящим! Да, знаю, это нелегко. Но если хочешь, думай о мести – ведь когда-нибудь это станет возможным. Не теперь – так через десять лет. Если только тебе от этого станет

легче...

Я слушала мягкую, шелестящую речь – в которой нет-нет, да проскальзывал непонятный акцент. Руки, пальцы, касающиеся моего лица, были теплыми и жесткими; я невольно прижалась щекой к ладони Эрика – внезапно захотелось закрыть глаза, ни о чем не думать... просто... быть рядом с ним...

– А тебе стало легче? – он вздрогнул и убрал руки. Положил их на руль и уставился на логотип Фольксвагена.

– Наверное. Я ведь знаю, что когда-нибудь мы поквитаемся за все, что произошло. А ты мне поможешь...

«Будешь приманкой, Лера», – закончила я про себя.

Все. Волшебство нескольких мгновений исчезло – остался сухой, нервный профиль инквизитора. Побеждай жертвуя, так, кажется, это звучит?..

– Поехали, – устало сказал Эрик, – сейчас мне не хочется будить воспоминания.

Замелькали одноэтажные дома, заборы, пышные розарии, беседки, оплетенные виноградом. Мы въезжали в город, о чем известили пыльные перекрестки, светофоры, грохочущие грузовики и сотни разноцветных легковушек – словно пестрые бусы протянулись по дороге.

– Эрик, – спросила я, – почему ты поселился именно здесь? В такой-то глуши?

– Мне было удобно сюда переехать, Лера. Здесь никто меня не знал. Здесь царил... столь любимый тобой бардак, когда вроде бы все друг друга знают, а на самом деле никто не знает никого. И потом, я не люблю больших городов. Когда я родился, жизнь была тише, как-то спокойнее... Хотя и смерть всегда была рядом. Войны, чумовое поветрие, проказа. Любой пьяный сеньор мог тебя разрубить пополам – и никто ему и слова бы не сказал...

– Ты когда-нибудь расскажешь о себе?

Он покосился на меня. Лоб пересекала глубокая складка, губы сжались в тонкую нитку.

– Не думаю. Ведь тайна, которую знают хотя бы двое, может очень быстро стать достоянием любопытствующей толпы... О, вот мы и на месте!

Действительно, я как-то не заметила. «Туарег», мягко урча, вползал во двор пятиэтажки, где проживали мои родители и младшая сестра Танюха.

* * *

...– Я, пожалуй, пойду, – Эрик напряженно уставился на вполне безобидную дверь, обитую узкими деревянными планками, – не хочу вам мешать.

Я протестующе замотала головой.

– Ты не будешь мешать. И потом, кто лучше тебя сможет объяснить моим родителям, что, собственно, со мной происходит?

– Ну, ты... сама расскажешь что-нибудь, – он нерешительно переступил с ноги на ногу, а мне вдруг показалось, что Эрик попросту боится.

Боится оказаться в незнакомой для себя обстановке. Страшится того, что называют семьей... Неужели у него никогда ее не было?

– Ты будешь моим менеджером, – ляпнула я первое, что пришло на ум, и эта глупость заставила инквизитора улыбнуться. Несмело, застенчиво... Господи, я еще никогда не видела его таким – ну все равно, что мальчишка. Или – незадачливый жених, которого насильно ведут делать предложение руки и сердца.

– У секретных агентов не бывает менеджеров, – проворчал он. Чуть более смело.

А затем кивнул на дверь:

– Тогда звони. Я побуду немного, потом съезжу по делам – а ты, пожалуйста, никуда без меня. Договорились?

– Конечно.

Я вдавила коричневую шишечку звонка. За дверью раздалось звонкое «ку-ку», послышались быстрые шаги. И вот – распахивается дверь, на пороге – Танюха. Первым делом

она верещит – «Вареник, ты?» – и бросается мне на шею. Еще через мгновение, внезапно от меня отлипнув, она окидывает Эрика нахальным взглядом студентки-второкурсницы и выдыхает:

– Вау!

– Танька! – шикаю я и ущипываю ее за костлявый бок, – прекрати немедленно, это мой начальник. Мамуль дома?

– А-а-а, – Танюха продолжает рассматривать Эрика словно экспонат с выставки «мужской гламур», – дома, дома. И мамуль, и папуль... Проходите, что ли...

Эрик исторг вздох мученика и осторожно переступил порожек. Я, все еще пытаюсь вырваться из объятий любящей сестры, последовала за ним.

...Откровенно говоря, я боялась. Чего? И сама не знаю толком. Наверное, легкого презрения в черных глазах Эрика, который привык жить не в домах, а все равно что в ларцах с сокровищами. А может быть того, что драгоценные мои мамуль и папуль набросятся на него с неприличными вопросами вроде – «ах, Эрик, а вы знаете, как Лерочка отменно готовит? Это нынче так редко встретишь, современные девушки совсем отбились от рук!». Или, например – «А скажите, Эрик, вы женаты?». А еще – и это уж точно! – мне совсем не хотелось, чтобы Эрику строила глазки Танька, которая в отличие от меня уродилась эффектной брюнеткой с ногами от ушей.

Но по крайней мере в начале семейных посиделок не произошло ничего страшного.

Потревоженные Танькиными воплями, в залитую светом прихожую выкатились почтенные родители. Мама в пушистом розовом халате и с бигудями на крашенной шевелюре, папа – в растянутых «трениках» и футболке. Едва завидев меня, мамуль тут же схватилась за сердце и была уведена на кухню Танькой (в скором времени оттуда потянуло запахом корвалола), а папа, как и подобает главе семьи, бросился пожимать руку Эрику и приглашать нас в зал – мол, вы проходите, а я похлопочу с чаем.

Затем папа все-таки убежал звенеть чашками на кухне, а мы – на несколько минут – остались одни.

Взгляд Эрика блуждал по комнате: сервант еще советских времен, маленький цветной телевизор, два кресла, столик и диван. В распахнутую форточку врывался шаловливый весенний ветер и раздувал парусом гардины, а заодно нес чуть заметный запах дыма – где-то неподалеку палили костер.

– Что? – не выдержала я.

Эрик вздрогнул, словно очнулся ото сна, непонимающе взглянул на меня.

– Что – что?

– Тебе здесь не нравится? – прошептала я. На самом деле, скажи он «не нравится», глаза бы выцарапала. За мои любимые обои в желто-зеленую полоску, за мохнатую игрушечную пчелку, угнездившуюся на спинке дивана...

– Откуда такие выводы? – инквизитор улыбнулся, – здесь очень мило. В прошлый раз мне пришлось стоять в пороге... И в прошлый раз я сильно рисковал быть избитым твоим почтенным родителем.

– Папой, что ли?

И я представила себе папу – кругленького, с внушительных размеров пузцом, подпрыгивающего и размахивающего кулаками под носом у старого колдуна. Только этого мне не хватало!

– Ну, он был не в восторге, когда к нему домой явился субъект вроде меня и заявил, что в ближайшее время они тебя не увидят, – спокойно пояснил Эрик.

– Не сердись на них, – я коснулась его ладони и с удивлением заметила, что руки-то у Эрика дрожат, – они же мои родители.

– Я понимаю...

И в эту минуту в зал ворвалось торнадо, состоящее из мамы, папы и Танюхи.

– Что же вы не садитесь? Будьте любезны, присаживайтесь!

– Лерочка, ты так похорошела! Новая работа тебе идет на пользу!

– Какой чай будете? Черный, зеленый? Может, просто кофе?

– Лерочка, а что же ты не представишь нам своего... мм... начальника?

Мамуль успела преобразиться: сменила халат на коричневое платье, сняла бигуди, а на шею повесила длинные бусы из яшмы. Танька – ну, она никогда себе не изменяла. Сестра моя обожала готику во всех ее проявлениях, а потому вырядилась в очень узкие черные брюки, угольную блузку с пышными кружевными манжетами и оч-чень глубоким декольте. А длинные ногти были ярко-алыми, ну ни дать ни взять – вампир, только что разделавший очередную жертву. Один папа остался прежним, разве что нервничал: крышка заварного чайника так и позвякивала, до тех пор, пока его не определили на стол.

–Ээээ... Папа, мама. Это Эрик, мой начальник, – промычала я.

Мама водрузила на стол блюдо с бутербродами.

– Очень приятно. Людмила Петровна, Владимир Игоревич. А это – Танечка, наша младшенькая, – мамуль бросила на меня исполненный надежды взгляд, – может быть, и ей какая-нибудь работа подыщется?

Ну да, да... Знала бы моя дорогая мамочка, чем я занимаюсь, а главное – какую цену плачу за бытие ведьмой!

Эрика, однако, это не смутило. Он пожал плечами, окинул Таньку заинтересованным взглядом и промурлыкал – может быть, может быть...

Потом мамуль по привычке зашебетала:

– А что, Лерочка... да-да, разливайте чай, что ж вы сидите... расскажешь нам что-нибудь? А то Володя мне так и доложил – мол, нашу Лерку будут считать убитой, но на самом деле она жива, и у нее очень, очень секретная работа. Надеюсь, с криминалом это никак не связано?

Эрик преспокойно попивал чай. Зеленый, с жасмином. И на лице его было написано исключительное удовольствие от происходящего.

– Лер, что молчишь? – пискнула Танюха, – или рассказывать ничего нельзя?

– Спросите у Эрика, – я вцепилась зубами в овсяное печенье.

– Эрик? – тут уж папуля начал хмуриться, – а вы что-нибудь расскажете? Вы поймите, Лерка она такая... наивная, что ли. Двадцать пять уже, а вечно в какую-нибудь историю влипнет... Я уж думал, в секту какую попала...

– Папа! – возмутилась я. О возрасте, в конце концов, мог бы и помолчать.

– Это секретные исследования паранормальных явлений, – неожиданно вымолвил Эрик, – государственная программа. Надеюсь, что сказанное мной останется в пределах этой комнаты.

– Ух ты! – восхитилась Танька, – а я вот как раз... А вы, вы сам... специалист по этим паранормальным явлениям? Ну, призраки там, вампиры всякие?

– Угу. – Эрик царственно кивнул, – именно. Призраки и вампиры, их ведь пруд пруди вокруг, но не все замечают. А что у вас, мадемуазель, вопрос возник?

– Эмम्म... как-нибудь потом, при случае, – и Танька глазами показала на папу. Ну не при родителях же, в самом деле, обсуждать ТАКИЕ дела!

– Как скажете, – невозмутимо ответил инквизитор. Затем поставил на стол пустую чашку, – к сожалению, должен вас покинуть. Лера, я заеду за тобой через два часа.

Я чуть не завопила – как, ты меня бросаешь? Обрекаешь на допрос в цепких объятиях мамуль и сестрички?

Но Эрик одарил меня воистину ангельской улыбкой и безмятежным взглядом, раскланялся и удалился. Как истинный джентльмен, на прощание приложившись к розовой ручке Людмилы Петровны и бледной лапке Танюхи.

И когда входная дверь закрылась за ним, я вновь ощутила себя в руках самой что ни на есть инквизиции. В добрых, нежных и любящих руках.

* * *

– Вареник, это че, правда? – следовательно номер один обрабатывала ногти пилочкой, – я в первый раз слышу, чтобы вот так исследовали паранормальные явления!

– И где ты познакомилась с этим очаровательным мужчиной? – добавила следовательно номер два.

Папа недовольно кашлянул.

– А что, что я такого сказала? – возмутилась мамуль, – ты сам-то вспомни, когда последний раз мне ручку целовал!

– Ну Вареничек, ну расскажи, – Танька подсела ко мне на диван, – ну что, жалко, что ль? Может, и я себе такого же шикарного мужика поймаю.

– Таня, прекрати паясничать! – вскипел папочка, – а ты, Валерия, рассказывай. Он правду сказал? Или это ваш гуру, или новый мессия?

– Да правду, правду! – я принялась отчаянно мять в руках салфетку, но глаза не опускала, – я с ним познакомилась в офисе, он заказывал Цапле рекламу. Ну, и он мне предложил хорошую работу, но ее содержание не подлежит огласке. Мы много ездим по старинным домам в пригороде, Эрик кое-что замеряет... У него в багажнике приборов куча, я таких раньше никогда и не видела... Ну и все.

– А живешь ты где? – с видом сыщика поинтересовалась Танька. Ох, ну и стерва у меня сестрица!

– В коттедже, в пригороде, – я солгала, нахально глядя ей в глаза, – там живет еще пять человек, таких как я.

– О, Господи, – папа торопливо налил себе самую большую чашку чая, – а ты-то, ты сама... что делаешь?

Пришлось фантазировать. Чтобы не краснеть, вообразить себя принимающей участие в кинопробах.

– Ну, до сих пор я читала документацию на приборы... Да, вот на те, что фиксируют паранормальные волны. Ну, па, я знаю что ты в это не веришь – а между прочим, зарплата у меня теперь аховская.

Это был последний аргумент в споре. Размер зарплаты. В конце концов, пусть мои любимые, мои дорогие будут уверены в том, что жизнь у меня складывается просто прекрасно.

– И какая же?

– Две тысячи, – я торжествующе улыбнулась, – долларов, конечно же.

Мамуль ахнула. Папочка поперхнулся чаем. А Танька... Ох, похоже, Танька не верила в эту придуманную мною историю.

– Зарплата, конечно, недурственная, – медленно сказал папа, – жаль, что нормальной работы с таким окладом не найдешь.

– В нашем городе – это уж точно, – поддакнула я.

Еще один осторожный взгляд на Таньку... Не-а. Она уже не верила ни единому слову, но старательно делала вид, что восхищается старшей сестрой и ее превосходной зарплатой.

– Ну, хорошо, – сказала мама, поправляя на шее бусы, – а какие у тебя, Лерочка, отношения с начальством?

– Прекрасные, – и я захлопала ресницами, – рабочие отношения. Я – сотрудник, он – начальник.

– Лерусечка, – в голосе мамочки появились вкрадчивые интонации опытного иезуита, – а ты ничего... от нас не скрываешь?

– Мам, ну что ты, в самом деле, – вступилась за меня Танька, – Вареник у нас взрослая и самостоятельная женщина. Даже если отношения с начальником и выходят за рамки... гхм... рабочих!

Мамуль ахнула. Папа насупил брови и осуждающе покачал головой.

– Да нет у нас ничего, – сердито буркнула я, – нету. Вы что, не видите, что я ему не пара?

– Это-то мы видим, – проворковала Танька, – но кто знает, кто знает?

Я вскипела. Ну стоило ли, преодолевая многочисленные опасности, так стремиться домой? И ради чего? Только ради того, чтобы попасть на очередной допрос?!!

– Ну, все. С меня хватит...

– Как скажешь, лапуля, – мама легко чмокнула меня в макушку, – мы тебе верим. Ты просто пойми, что мы тебя любим и о тебе беспокоимся. Вот и все. А так – не переживай ни за что. За квартиркой присмотрим...

– А может, и я там поживу, – встряла Танюха, – было бы с кем...

– Татьяна! – гаркнула папа, – пока учишься, будешь жить с родителями!

Я осторожно покосилась на настенные часы. Хорошие такие часы, коричневый домик, в котором жила очень старая и оттого немая кукушка. Ее сперва хотели починить, но мамуль воспротивилась первой, заявив, что с этим «ку-ку» скоро станет нервноболевой. До возвращения Эрика оставался час. Ну, ничего. Я мужественно выдержу еще парочку-тройку допросов, и потом, потом... Мы уедем. Чтобы когда-нибудь вернуться.

– Пойдем в мою комнату, пошепчемся, – Танька подмигнула, выразительно приподняла гладкую черную бровь. А родителям загадочно улыбнулась.

– Нам посекретничать надо. Не возражаете?

Никто не возражал. В основном потому, что выведенная Танюхой информация должна была стать достоянием общественности.

* * *

...Когда мы были маленькими, эта комната безраздельно принадлежала нам. Там стоял диван, на котором спала «взрослая» я, и детская кроватка, где счастливо посапывала Танька.

Потом, когда мы стали подрастать, нам купили двухъярусную кровать – и немало крови было пролито в боях за верхний этаж. Но зато какой из этой кровати получался звездолет! Я была штурманом, мудрым штурманом вроде менвита Кау-Рука, а Танька неизменно изображала смелого и мудрого вождя арзаков, Ильсора.

Еще позже наш бороздящий чужие галактики звездолет был подарен родственникам, а в комнату въехали два скромных диванчика, и так продолжалось ровно до тех пор, пока я не покинула этот эдемский сад детства. Сперва к любимому, с которым разошлась после первой совместной поклейки обоев, а затем в съемную квартиру. Танька осталась единоличным владельцем комнаты – но владельцем милостивым. Время от времени я ночевала здесь, и тогда мы проверяли друг другу самые страшные тайны. Например, о том, что одноклассница Лидка встречается сразу с двумя, а сокурсник Сашка... вообще встречается... с мальчиками.

– Ну, рассказывай, – Танька, сверкая накрашенными глазницами, уселась на свой диван, в то время как я присела на бывший свой.

– Я вроде все уже...

– Ой, ну вот не надо, – она хмыкнула, – кому ты лапшу на уши вешаешь? Я ж тебя насквозь вижу... Да и этот твой, начальник... Он же тебя буквально раздевает взглядом!

– Что, правда, что ли? – смущенно пробормотала я. Уж чего-чего, а этого я за Эриком не замечала. Мне все казалось, что порой смотрит он на меня злобно и раздраженно, как будто я заноза в пятке. Но если... если это так, как видит моя сестрица? Только этого мне не хватало. И как же, как же... Андрей? Мой Андрей, которого я, как мне казалось, успела полюбить по-настоящему! Да, сейчас нас разделяет пропасть, но что такое ущелье, когда сердцам было так хорошо друг подле друга?

– Правда-правда, – прошептала Танька, – не бойсь, никому не расскажу. Только сразу признавайся, где такие роскошные мужики водятся...

– Мала еще, – недовольно буркнула я, судорожно сочиняя новую историю. Ту, которую была бы рада услышать Танюха.

– Вареник, лучше сама признавайся. И что он в тебе нашел-то?

Пришлось повторить слова Бриджит Джонс.

– Я – богиня секса.

– Что-то не замечала раньше, – Танька принялась разглядывать свои идеальные ногти, – ты скорее синий чулок, скрюченный и в перспективе ослепший от работы за компьютером.

Хм. Любопытно, так обо мне все мои знакомые думают или только родная сестра?

– Ну, хорошо, – я сдалась, – только смотри... никому!

– Если – кому, то отдам тебе свои духи, – поклялась Танька.

И тогда...

Я была в ударе.

История эта сама всплыла радужным пузырем, обрела твердость, яркий цвет, запах... естественно, клубничный запах. Со сливками. То, о чем мечтает каждая студентка-второкурсница.

На самом-то деле... Я встретила Эрика в офисе, где он носился с очередным заказом. Но Цапли не оказалось на месте, и мне самой пришлось побеседовать с клиентом. Обсудить дизайн календарей и записных книжек, после чего мы продолжили в кафе, а вечером и вовсе в его двухэтажной вилле, с шампанским, омарами и горячим шоколадом. Последний, между прочим, был эротично размазан по филейным частям моего тела, а затем с аппетитом съеден.

– А потом у нас была безумная ночь, – вещала я вдохновенно, – на шелковых простынях, с холодным шампанским, с клубникой...

– Ух! – прониклась Танька, зеленея от зависти.

– И утром... утром мы пили кофе, а потом купались в бассейне. Ну и все такое... представь себе, он меня... ну все равно, что похитил! Это так здорово!

Вот это и была та история, в которую Танька вполне могла поверить – и она действительно поверила, выпрашивая подробности.

– Одного только не понимаю, ну что он в тебе нашел, – наконец сказала она задумчиво, – на фотомоделю ты не тянешь. На гламурную диву – тоже.

Я пожалала плечами.

– Эрику уже не интересны фотомодели. Ему, понимаешь ли, хочется душевного и, заметь, умного разговора. Он сам сказал, что лошади с подиума выходят из моды...

– Что, так и сказал? – ужаснулась Танька.

– Да, так и сказал, – мрачно подтвердила я, после чего в комнате повисло молчание.

Сестричка моя напряженно обдумывала сомнительное и висящее на волоске будущее фотомоделей, а я – наконец-то! – с облегчением вздохнула.

– Ладно, Вареничек, никому не скажу.

Я потрепала ее по плечу, встала и потянулась.

По привычке прошла по старенькому коврику, заглянула на книжные полки. Ого, да моя сестричка всерьез увлеклась чтением! На меня строго глядели: «Граф Дракула», «Омен», «Интервью с вампиром», «Повесть о похитителе тел»... Ну и ну!

Я провела пальцами по переплетам, вытащила крайнюю книжечку. «Молот ведьм». И тут же заскребло под ложечкой, и стало тревожно, как будто... Я приблизилась к чему-то страшному, неизведанному.

– Тань, а что это?

– Что? – она подскочила, распрямляясь как пружинка, – а-а-а, это... Ну, мне один паренек дает почитать. Он повернутый на всем этом. Но – симпатичный.

Молот ведьм.

В висках заухала кровь, руки задрожали. Книга, написанная двумя колдунами-доминиканцами... книга, обеспечившая им долгую, очень долгую жизнь... Ментальный код, предназначенный... Господи, да что же это за наваждение?! И я снова вдруг увидела себя в полутьме, склоняющейся над старинным фолиантом, со страниц которого стекало кровавое свечение. Но то ведь была другая книга?..

Я торопливо раскрыла «Молот ведьм» на первой странице. Там издатели решили преподнести публике копию самой первой обложки книги – и я, как и раньше, прочла по складам: *Malleus Maleficarum*.

– Лерка, Лерка! – Таня жестоко трясла меня за плечи, – что с тобой? Вареничек, приди

в себя! Может, водички?

...Но почему эта книга хранилась в доме Эрика?!! Зачем? И какой смысл простому, хоть и старому колдуну, держать при себе этот средневековый кошмар?

Ответ на этот вопрос был только один. Я перечла имена авторов... Но кто же из них?.. Эрик. Генри, как называла его Джейн. Генрих... Генрих Крамер. И второй, Яков Шпренгер. *Jacob.*

Пораженная жуткой и внезапной догадкой, я опустилась на диван. Книга вывалилась из рук, стукнулась корешком о пол. Господи, как же так? Как такое вообще возможно?

Хотя... А почему ты, Лерочка, так удивлена? Что тебя напугало? Истинный возраст Эрика? Или то, что именно он был одним из авторов этого оружия массового поражения?!! Или... ну, признайся себе. Лерочка... ты боишься того, *что* господин Крамер может сотворить с тобой?.. После того, как прикарманил не одну тысячу жизней?

Я медленно наклонилась, потянулась за книгой. Но в тот миг, когда наконец взяла ее за корешок, мои пальцы накрыла чужая ладонь, теплая и жесткая.

– Что случилось? – поинтересовался Эрик, – Лера, нам пора ехать.

Наверное, он все прочитал в моих глазах, в то мгновение, когда взгляды наши встретились, а мое сердце зашло в безудержной пляске смерти. И он, колдун, переживший шесть столетий, все понял – усмехнулся, повертел в руках книжку и аккуратно поставил ее на полку.

– Забавно как, да? Столько лет прошло, а все еще бестселлер. Постарались доминиканцы в свое время, от души писали... Поехали. Нам и вправду пора.

... Я шла за ним на ватных ногах. И не знала – что делать, как себя вести. Кого он мог искать, Генрих Крамер? Кому мстить? Конечно же, соавтору. Господину Шпренгеру, профессору теософии кельнского университета. Якову.

– Куда мы сейчас поедем? – сипло поинтересовалась я, усаживаясь в машину.

– В ресторан, – буднично отозвался Эрик... Генрих... – пообедаем. А потом двинемся на природу. Нам ведь есть о чем поболтать, верно?

В ежевичных глазах я не видела ничего, кроме ярости. Но не той, что пылает пожаром, сжигая хозяина дотла, нет. Ярость Эрика... была подобна яду. Мягкому, тягучему, этакая отравленная карамель. Проглатываешь ее – и наступает ад, и молишь о смерти, но она не торопится. Потому что так решил приславший ее.

* * *

Как я выдержала трехчасовую пытку в самом дорогом ресторане города, куда пускали далеко не всех желающих? Сама не знаю. Кусок не шел в горло, а Эрик все смотрел, смотрел на меня, и сам почти ничего не ел – только потягивал гранатовый сок со льдом. Картинка получалась зловещей: бледный субъект в черном, лакомящийся сомнительным на вид напитком густого красного цвета.

А потом, когда небо подернулось вечерней дымкой, он повез меня на пруд. Тот самый, куда мы ездили с Андреем в первую ночь нашей недолгой любви. Но если Андрей предпочитал самую дикую и заброшенную сторону пруда, то Эрику явно нравились старые, подгнившие причалы, уходящие почти до середины водоема, бросающие зыбкие тени на колышущееся зеркало.

Пахло свежестью, тиной и мокрой землей. Незабываемый и неповторимый аромат пруда в небогатом ожерелье парка, где степенно, рядами стоят акации и тополя.

Темные доски заскрипели под ногами Эрика, он обернулся и протянул руку.

– Идем.

Строгий, как будто набросок углем, состоящий из одних только прямых. Черное пальто, черный свитер с высоки воротником – ни проблеска. И странная, блуждающая на губах улыбка, напоминающая о том, что невменяемых не судят.

Утопить меня решил, не иначе. И, наверное, стоило бежать, звать на помощь – но вместо этого я послушно шагнула на причал, вложила свою руку в жесткие пальцы инквизитора и пошла по гнилым дощечкам.

Над прудом собирались сумерки. Со стороны парка потянулась невесомая туманная шаль, осела на воде, зацепилась за сухие стебли камыша. Звуки вязли в этом разбавленном молоке, голоса нескольких подростков, гуляющих по противоположному берегу, все удалялись и удалялись, пока не затихли окончательно.

Эрик остановился на краю причала, спокойно посмотрел на меня и поинтересовался:

– Тебе здесь нравится?

Я неопределенно пожала плечами. В голове сумбурно прыгали мысли о том, что – вот он, колдун, обрекший сотни и сотни ни в чем не повинных людей на страшную смерть. И я... рядом с ним. И никто не знает, что будет дальше... Резкий рывок, хруст шейных позвонков – и меня принимает холодная вода, увлекая в темноту, навеки, навсегда. Или... Я все-таки еще нужна ему? Приманка для господина Шпренгера, червяк на крючке, которого рыбка почти проглотила? Наверное, если мне суждено пережить этот вечер, то только в качестве полезной приманки. Ведь не может же задеть шестисотлетнего Генриха то, что одну-единственную ночь мы были вместе?

– А я люблю это место, – тихо сказал Эрик, – когда собирается туман, то кажется, что во всем мире больше никого нет. Долгие годы жизни утомляют.

У меня на языке так и вертелось – особенно *твои* долгие годы, Генрих, купленные у смерти в обмен на сотни и сотни чужих жизней. Но я просто ничего не ответила, а колдун, как мне показалось, тихонько вздохнул.

– Мне понравилась твоя семья. Там, где я родился, к детям относились по-иному... Совсем по-иному. Много детей никому не было нужно, а они рождались и рождались, большей частью не доживали и до года, ангелочки, которым открылись небеса. А те, кто дотягивал до совершеннолетия, зачастую завидовали покойным братьям и сестрам.

– Где ты родился, Эрик? – тускло спросила я, – может, скажешь наконец правду?

– Разве я лгал тебе раньше? – он усмехнулся, развернул меня к себе спиной и подвел к самому краю причала.

А я вспомнила – в который раз – слова Джейн. О том, что моя кровь навсегда останется на его руках. Генри, Генрих... Его ладони на моей талии казались чересчур горячими для человеческих, запах одеколона отдавал полынью.

– Не знаю. Я уже ничего не знаю. Единственное, о чем прошу – не причиняй им вред. Не стоит их втягивать в твою игру... Генрих...

Он вздрогнул – и это было единственным доказательством моей правоты.

– Лерочка, ты заговариваешься. Я – Эрик. И в документах можно прочитать это же самое имя.

И все-таки... я должна была посмотреть ему в глаза. Пусть я увижу там свой смертный приговор, но я должна...

– Не шевелись, – Эрик усмехнулся, – еще свалишься ненароком...

Его пальцы скользнули по голове, откидывая в сторону волосы, задержались на ямке под затылком. Эрик коснулся губами шеи, затем еще и еще...

– Не надо, – я не выдержала и всхлипнула, – зачем я тебе? Почему ты... учишь меня? Тратишь на меня время?

– Потому что ты должна дожить до последнего сражения, – таким был ответ.

– Ты все эти столетия ищешь Якова?

– Не понимаю, о чем это ты.

Он резко развернул меня к себе. Блестящие ежевичные глаза, словно два зеркала, в которых можно увидеть все, кроме правды.

– Это лишь твои догадки, – промурлыкал инквизитор с улыбкой, – только догадки, которые я не буду подтверждать, ясно? Довольствуйся тем, что есть... Иногда это полезно.

Мы стояли на самом краю причала. Вокруг плавал густой туман, в душу заглядывали

сиреневые сумерки. Нас разделяла только одежда, и от этой мысли я сжалась в комок, разглядывая темные доски под ногами.

– Лера, – позвал он, – что с тобой?

– Я боюсь. Тебя. Того, что не было сказано, но оказалось правдой.

– Но откуда тебе знать, где правда, а где ложь? – в голосе инквизитора появились вкрадчивые нотки, – посмотри на меня, прошу. Разве я чудовище?

И он поцеловал меня. Поцеловал бы... Я отшатнулась, едва не оступилась, чудом удержавшись на причале – а когда снова взглянула в лицо Эрика, то поняла, что – все. Черты древнего колдуна обрели твердость гранита.

– Может быть, ты так сильно любишь *его* ? – одними губами прошептал Эрик, – твоего светлого принца, который оказался не способен даже выучить тебя как следует?!!

– Не знаю, – ох, если бы я могла пятиться! Но за спиной была вода, темная, холодная апрельская вода...

– Смотри, – он быстро нырнул в карман и достал... мой старый мобильник, который я считала бесследно утерянным.

– Я забрал его в хранилище инквизиции, – с горькой усмешкой пояснил Эрик, – как видишь, ради тебя я пошел на небольшое должностное преступление. А теперь, моя милая, смотри. Кто тебе звонил, когда ты пропала бесследно?

Он открыл журнал входящих звонков, и я прочла: мама, мама, Танька, папа. Все. Имя «Андрей» в списке не значилось.

– Видишь, он ни разу тебе даже не позвонил, – прошипел Эрик.

– Возможно, у него на то были причины.

– Причины? Помилуйте, какие? Всепобеждающий страх перед инквизицией?!!

Эрик спокойно вложил мобильник мне в руку, а сам повернулся и быстро зашагал прочь. Обронил на ходу:

– Завтра в полдень ты ему позвонишь и назначишь встречу.

– Нет.

– И тебя не волнует то, что Андрей мог оказаться убийцей?

– Он не убийца, – упорно пробубнила я, – он не...

И вдруг словно оказалась зажатой в стальных тисках. Эрик с недоброй улыбкой рассматривал меня, как будто видел впервые, а я... вспомнила...

В спальне витали ароматы кофе, мяты и роз. Не переставая, клацали нажимаемые Эриком клавиши. Я опустила тяжелую голову на подушку, укрылась одеялом, долго-долго всматривалась в око монитора – и как-то незаметно провалилась в сон. Без сновидений.

Тогда был покой – мягкий, ласковый. Покой, в котором хотелось пребывать если не всегда, то хотя бы как можно дольше. А теперь?..

– Ты позвонишь ему, – он встряхнул меня как куклу, – назначишь встречу. Пораскинь мозгами, Валерия. Если я тот, кем тебе кажусь... То будет лучше меня слушаться, не так ли?

* * *

...Когда я добралась до твердой земли, Эрик возился с костром и даже не глянул в мою сторону. Что ж, это даже хорошо. Наверное, лучше не тревожить лишний раз мятущуюся душу инквизитора – я уселась на большой камень, торчащий из земли и одетый в моховый кафтан.

На небе проклюнулись первые звезды, еще бледные и далекие, и сквозь весеннюю синеву неба проглядывала убывающая луна. Мы с Андреем были здесь совсем недавно, а сколько всего произошло, изменилось...

Я с тоской уставилась на мобильник. Андрей, Андрей... Ты ни разу не попытался со мной связаться. Счел меня мертвой? Вряд ли. Ты приходил ко мне тогда... Хотя это могли быть и сны. Или тебя удержал банальный страх быть схваченным?

Мне захотелось поплакать, забраться под одеяло с коробкой шоколадных конфет и

чашкой мороженого. Любовь, какая бы яркая она не была, скоротечна. Как вся наша жизнь, как радость, как счастье, как радуга в капле росы. И от тоски по этой погибшей любви сердце разрывалось и плакало кровавыми слезами.

Где-то вдалеке урчал мотор, Эрик сидел на земле, обхватив руками колени и глядя на пляшущие языки пламени. Быть может, ему грезились пылающие костры средневековья? Кто знает...

А тот, второй... Как могло случиться, что из всей толпы он подцепил на крючок именно меня, ведьму, застрявшую в процессе инициализации?.. И, наконец, если он старый и могущественный, к чему было подставлять меня, копируя ментальное поле? Или боялся бросить вызов самым старым из известных ныне магов? Не поймешь их, никогда и ни за что.

На ясном небе сверкнула, падая, звезда. Чья-то оборвавшаяся жизнь, чьи-то наспех загаданные желания и – «есть только миг, ослепительный миг». На сердце у меня лежала тяжеленная плита, под сердцем ужом свернулась печаль. Чем закончатся мои злоключения?.. И смогу ли я жить дальше так, как жила до своей инициализации, будь она трижды неладна?

Из тяжких раздумий меня вырвало зловещее рычание мотора. Эрик тоже подобрался, словно черная пантера перед прыжком, быстро оглянулся на меня, сделал знак – мол, сиди где сидишь.

По дороге на берег пруда выехала элегантная темно-синяя «мазда», остановилась метрах в десяти от сложенного Эриком костра – а я поняла, что пикник наш подходит к завершению. Ничего странного; в конце концов, не одному Эрику может нравиться берег, истыканный причалами словно булавками.

Бесшумно открылась водительская дверь, инквизитор поднялся на ноги, выпрямился. Черт! Разве он кого-то ждал? Почему он размашисто шагает к машине?

А потом небо с золотым шитьем звезд, темная вода, подгнившие костыли причалов дрогнули, опасно накренились. Тело мое вновь стало тюком шерсти, непомерно тяжелым и непослушным. Под ребрами кольнуло – просыпалась моя загостившаяся подруга-боль...

Из «мазды» ловко вылез Михаил, мельком глянул на меня, и заторопился к Эрику, протягивая руку.

– Вот ты где! Я так и думал... Прохлаждаешься?

Эрик буркнул что-то неразборчивое в ответ, Михаил только махнул рукой.

Господи... Руки, перекладывающие документы из папки в папку. Вы все равно подпишете, Валерия, вопрос в том, *как* ...

– Убийство, Эрик. И снова – тот же ментальный след. Ну, ведьмы Ведовой. Если бы Игорь не засвидетельствовал наступившую смерть... после того, как ей ввели препарат, то я бы подумал...

И вдруг, словно опомнившись, Михаил воззрился на меня.

– Эрик? Эт-то еще что... такое?!!

Я смотрела на инквизитора, почти двойника Пирса Броснана, и не могла отвести взгляда. Его красивые, сильные руки, перебирающие документы... Снова попасть туда? Ну уж нет. Лучше... Лучше вода, темная и холодная. Жизнь пришла из воды на сушу, жизнь в нее и уйдет. Именно так...

– А то сам не видишь, – донесся до моего слуха бесцветный голос Эрика, – ничто человеческое мне не чуждо. Поезжай в управление, я буду чуть позже.

Я покосилась на заманчиво блестящее зеркало пруда.

Ничего не произошло: Михаил не обвинил Эрика в сокрытии преступницы, не бросился на меня с наручниками. Только заморгал часто-часто, встряхнул головой, пытаясь высвободиться от невидимых шелковых нитей, провел рукой по лицу...

– Как скажешь. Я буду тебя ждать. Дело-то серьезное. А главное – непонятное. Если Ведова мертва... действительно мертва, то кто и как мог снова использовать ее ментальное поле?.. Даже не представляю себе.

Не дожидаясь ответов на свои вопросы, Михаил уселся в «мазду», взревел мотор – и машина летучей мышью умчалась в темноту.

Эрик проводил его взглядом, затем обернулся ко мне.

– Поехали. Нам тоже пора.

Я кое-как поднялась, хотя ноги отказывались служить.

– Что... что ты сделал? – мой голос прозвучал хрипло и беспомощно. А перед глазами все мельтешили руки Михаила, перекладывающие бумаги.

Эрик нервно передернул плечами и скривился, как будто разжевал лимон.

– Какая разница? Главное, что Миша убедился в моей порочности и скверной компании.

– Он... правда поверил?

– Конечно. Поехали, завтра тяжелый день.

...По пути к джипу я оскользнулась на мокрой траве. Эрик успел подхватить меня за локоть, но как только я обрела равновесие, сразу же отпустил – да с таким выражением лица, как будто подержал в руке жабу. Еще бы ладонь платочком вытер.

– Завтра утром, – хрипло сказал он, положив руки на руль, – я сообщу, что надо сказать Андрею. Молчи и не перечь мне. Ты ведь умная девочка, должна понимать, что одна-единственная лишняя жизнь для меня ничего не значит?

...Облака, по которым я училась ходить, превратились в вязкое болото, зыбучие пески. Они затягивали меня, медленно, беспощадно, гася надежду так же, как болотная жижа гасит упавший в трясины фонарь.

Ведь дело было в том, что Эрик уходил, оставив меня у родителей. И – бах! – очередное убийство. А если Эрик один из немногих, кто умеет копировать ментальное поле и подделывать ментальный след...

Я проглотила вязкую слюну. Покосилась на инквизитора – он с каменным лицом вел машину и даже не смотрел в мою сторону.

Эрик

Вся беда была в том, что – Эрик в этом окончательно убедился – Джейн помимо сделки номер один заключила еще и сделку номер два. С домом. Стоило рыжей ведьме уехать в свою обожаемую Англию, как в жилище Эрика воцарились грусть, молчание и пустота. Снаружи, за стенами, звенела весна – а здесь, под толстой скорлупой стен, воцарилась поздняя осень, преддверие зимы.

Глупо, конечно. Но так всегда и бывает, когда двое долго-долго живут вместе, тихо ненавидя друг друга, а потом один закатывает финальный скандал, разворачивается и уходит. Остается тенью печаль и пустое место, никем не занятое.

Нет, конечно же, в доме пребывала молоденькая ведьма с красивым именем Валерия. Но она не могла вытеснить или заменить Джейн. И Эрик поймал себя на том, что начал скучать за рыжей бестией.

Разумеется, думал он не только о своей лже-служанке. Он размышлял о враге. Предвкушал тот момент, когда разнесет его в клочья – накопленных за долгие годы сил хватило бы с лихвой. Враг притаился где-то рядом, очень близко... Знать бы еще, кто он!

Для того, чтобы найти врага, и нужна была Валерия, которая невольно стала превосходным орудием для достижения цели, этакой тропинкой к заветному кладу.

Здесь все идеально слажено: есть цель, есть средство. Есть, в конце концов, цена, которую придется заплатить. Принцип высшего ведовства в чистом виде: чем больше готов отдать, тем больше получишь взамен. А за возможность отомстить Эрик был готов отдать ну о-очень много. Всего себя, и даже больше.

Он оперся лбом о сцепленные пальцы рук и задумался. Как странно – его первое, истинное «я» непрестанно думало о предстоящем сражении. А новое «я», носимая годами маска по имени Эрик, отчаянно цеплялось за образ Леры Ведовой, которая, в общем-то, не значила ровным счетом ничего. Не должна была значить.

Эрик хмыкнул. Что такое, господин инквизитор? Ваша совесть изволила проснуться?

Или то, что испытываешь в одну-единственную безумную ночь, переворачивает все с ног на голову? Ведь было уже подобное, один раз – но было. И не принесло ничего, кроме неизбежного горя... Может быть, и хорошо, что на сей раз все идет, как идет?

«Вопрос в том, как далеко ты готов пойти, охотясь за старым другом», – кажется, так говорила Джейн. А что будет после того, как он все-таки убьет врага?.. Дальше все произойдет быстро, он даже не успеет ничего почувствовать. Но... Лера?..

Эрик усилием воли разогнал мятущиеся мысли, и в голове мигом воцарились покой и порядок. Самое главное, это ни секунды не сомневаться в собственной правоте и не думать о последствиях. А для этого всего лишь надо было вспомнить, как ему пришлось ехать и осматривать все семь растерзанных тел. Час назад это были обыкновенные люди, и в считанные мгновения превратились в кровавое месиво – только потому, что так пожелал господин Шпренгер. Семеро. Хочешь прожить следующий век счастливо и безбедно? Добавь одну жертву для нового века. Вот что все это значило на самом деле. Сто лет назад, в Сибири, точно также были убиты шестеро, но след Якова затерялся. Теперь же рядом оказалась Валерия.

...Он как будто очнулся. Медленно обвел взглядом спальню: часы показывали два часа ночи, за окном чернело беззвездное небо. Да и в комнате было темно, лишь индикатор на мониторе помигивал желтым глазком да светильник на тумбочке у кровати давал слабый, рассеянный свет. Наверное, самое время лечь спать, но Эрик помнил, что на шелковых подушках он встретит запах Валерии, и это, как ни странно, пугало – словно тень неизбежности и напоминание о том, насколько хрупка и мимолетна человеческая жизнь.

Внезапно звякнул телефон, в трубке шипело и пощелкивало, а затем раздался голос Джейн.

– Привет, – сказала она, – как ты там?

Эрик не испытал ни радости, ни грусти оттого, что она вспомнила и позвонила.

– Привет. Что-то не спится.

– Совесть замучила? – на том конце провода раздался короткий смешок, – попомни мои слова, Эрик. Поможешь *ей* – поможешь прежде всего себе.

– Да откуда тебе знать? – он было возмутился, но осекся.

Джейн, с ее треклятой проницательностью, как всегда была права. Ведь все дело в том, какую цену готов платить за окончательную победу.

– А я замуж выхожу, – вдруг сказала ведьма, и Эрику показалось, что в ее голосе звякнули непрошенные слезы.

– Поздравляю, – механически ответил он, – я даже не буду спрашивать, кто твой избранник. Это *твоя* жизнь.

– Спасибо.

Она помолчала, затем спросила:

– Ты в самом деле рад за меня?

– Я буду рад, если ты проживешь хотя бы одну нормальную жизнь, – отрубил он и, не удержавшись, положил трубку.

Видите ли, она замуж собралась!

«А тебе-то какое дело?» – ухмыльнулась совесть, – «Джейн совершенно свободна, а после того, как выполнит все условия самой главной своей сделки, станет еще и счастлива».

«Но я-то счастлив не буду», – воспротивился Эрик, – «разве я не заслуживаю хотя бы капли радости?»

«А ты не только счастлив не будешь, тебя *вообще* не будет», – холодно заключило его первое «я», – «и вообще, хорош сопли размазывать. Думай о том, что должен сделать».

Он раздраженно прошелся по комнате, потом, не раздеваясь, лег.

Подушки по-прежнему пахли Валерией, и перед мысленным взором, как назло, стоял ее образ. Как в тот миг, когда она доверчиво заглядывала ему в глаза, словно ища ответа на так и не заданный вопрос... Когда она прижалась к нему всем телом, до смерти напуганная демоном. Чистая и честная душа, легкая добыча для такого падальщика, как он.

Эрик выругался и стиснул зубы. Только сентиментальных раздумий не хватало! Инквизитор поднялся, пошарил в тумбочке, нашел снотворное и проглотил пару пилюль, запивая холодной водой.

Помогло. Не прошло и получаса, как Эрик уже проваливался в мутный, аляповато-красочный сон. Ему привиделась свадьба Джейн, как будто он сам вел ее к алтарю, к терпеливо поджидающему священнику. Только вот Джейн была не в белом платье, а в кричаще-алом, и жениха не оказалось на положенном месте.

Джейн откинула вуаль, и почему-то вместо Джейн оказалась Лера. Бледная, как мел, и изо рта тоненькая кровавая струйка тянется.

– Ну вот и конец, – тихо проговорила ведьма, – ты же сам того хотел?

Эрик непонимающе уставился на Леру.

– Что ты здесь делаешь? Это не твое место! Здесь... Джейн, это все твои шуточки?

– Очень даже мое место, – ехидно возразила девчонка, – ты сам виноват.

– Помоги ей, и поможешь себе, – вмешался священник с молодым, незапоминающимся лицом. А потом почему-то начал читать отходную молитву на латыни. Лера изменилась, кожа ссохлась, опадая струпьями, обнажая высохшие, будто желатиновые мышцы и кости черепа. Метаморфоза свершилась в считанные мгновения.

– Где мое кольцо? – прошипел скелет в алом платье, – где мое кольцо, Генрих?!!

...Он проснулся с воплем.

За окном светало. По-прежнему помигивал желтый глазок индикатора. Подушка пахла Лерой – запах словно усилился чудесным образом, стал раздражающе навязчивым. Эрик со стоном вцепился в волосы, с силой провел костяшками пальцев по голове. Помоги ей... Будь проклята Джейн. И откуда она все знает? Словно насквозь видит, любое сомнение подмечает!

А еще – кольцо. Кольцо... для Валерии Ведовой. Которое он должен был сделать, заказать в магазине и наложить соответствующую ментальную формулу.

– Не думаю, что оно в чем-то поможет, – буркнул Эрик, – не думаю.

«А вдруг?» – совесть презрительно хмыкнула и отвернулась, – «ты даже не хочешь попробовать».

Ночь незваных гостей

...Преодолевать свой страх – сложно.

После того, как мы угрюмо разбрелись по разным спальням, я точно знала, что уже не засну. Окно было приоткрыто, и там, где лунный свет играл стрекозиными крыльями занавесей, я видела мужской силуэт. Один и тот же, склоняющийся над разложенными по столу бумагами. Тут бы смалодушничать, сбежать в спальню Эрика, забраться под тяжелое покрывало, но... Я не могла. Там, рядом с ним, исчез бы аристократический профиль Михаила, но потянулась бы страшная, нескончаемая вереница других, отживших свое столетия назад. И это было бы не менее жутко. Я ведь не страус, не могу спрятать голову в песок, чтобы ничего вокруг себя не видеть. Невозможно просто так забыть, что Эрик оказался совсем не Эриком!

Пусть он не сделал мне ничего плохого – пока не сделал, ты ведь не можешь быть уверенной в чистоте его помыслов? – но находиться рядом с ним... Все равно что пребывать рядом с серийным убийцей-психопатом. Обаятельным, что уж тут скрывать – но все-таки убийцей. Да-да, кто знает, что за мысли крутятся в голове древнего колдуна?..

Я отвернулась от окна. Стало чуть легче, правда теперь в поле зрения попала никелированная спица, поддерживающая пестрый абажур ночной лампы. Спица... Игла...

Теперь – зажмуриться, уткнуться носом в подушку. И постараться думать о чем-нибудь приятном. Вспомнить что-нибудь яркое, радостное. Я согрелась под одеялом, немного успокоилась. Как там у нас было-то?

Я, Танька. На двухъярусной кровати. Мудрый штурман и предводитель рабов, внезапно

оказавшиеся на покинутом звездолете. И вот уже тают, как сахар в кипятке, дешевые обои, вокруг – черная бездна с россыпями чужих миров, а мы вцепились в бортики кровати, бестолково крутим головами...

– Варений-ик, – пищит младшая Танька, – а где мама?

У меня по спине медленно стекают ледяные капли. Зубы постукивают что испанские кастаньеты, пальцы побелели... А то – выпустишь деревянный бортик, и унесет звездный ветер вдаль. Но я старшая, а потому должна успокоить пятилетнюю Таньку. Хотя, конечно же, *раньше* мы так не летали.

– Вот вернемся на Землю, и будет тебе мама, – дрожащим голосом изрекаю я.

– А куда мы летим?

– В космос, куда же еще...

Яркие пятна галактик вертятся как стеклышки в калейдоскопе, а затем вдруг одна из них быстро приближается, обволакивает синеватым туманом, и я... Остаюсь одна. Посреди выгоревшего поля, под ногами – черным-черно, а если присмотреться, то можно увидеть обугленных жуков.

– Танька! – я оглядываюсь, но за спиной все тот же туман, а впереди – гарь, насколько хватает взгляда.

– Варений-и-ик! Леркаа-а-а-а! – доносится издалека, так, будто сестра убежала вперед.

– Стой, где стоишь! – по праву старшей приказываю я, – сейчас... я тебя найду, и мы вернемся домой!

Отбрасывая руками воздух, обретший плотность заливного, я начинаю медленно продвигаться на голос. Все быстрее и быстрее, но нет конца черному полю, невиданных размеров пожарище сливается в бесконечную реку под ногами, а я все бегу, бегу... И вдруг останавливаюсь. Рядом с высоким темноволосым мужчиной, который стоит, повернувшись ко мне спиной.

– Дяденька, а вы моей сестры не видели?

– Нет. – приятный баритон, – тебе здесь тоже не место, убирайся! Вон!!!

Мужчина резко оборачивается, хватает меня за руку. Яркая вспышка – и я лечу, лечу...

Просыпаюсь с воплем, сажусь на постели – ну хоть бы отдышаться. Так и знала, что приснится какая-нибудь дрянь! Лучше бы и не ложиться... А тот... тип, который меня все-таки хватил за предплечье – тьфу, Господи, словно медуза прикоснулась... Но ведь не это страшно, да? Ужасно то, что у мужика того, из кошмара... Нет лица. Расплывчатое пятно, смесь красок, словно только что нарисованный маслом образ старательно потеряли пальцем. Уф-ф-ф.

Я тихо выругалась. Наверное, настал именно тот миг, когда можно смалодушничать, поскрестись в дверь к Эрику. Н-да. К серийному убийце, который наверняка готовит очередную жертву... Есть над чем поразмыслить, верно?

А еще... я вдруг почувствовала, что в голове моей появились странные воспоминания о том, чего со мной никогда не приключалось. Книги, очень старые книги, люди в долгополых серых одеяниях, странный мужчина в алом. Заклинания, кокон души моей, сила... Это еще что за новости?!!

Я застонала, сжала виски что есть силы. А потом вдруг поняла, что у меня гости. Вернее – гостя. Карие глаза, бледная кожа, темные локоны, убранные под ажурный гребень, платье с глубоким декольте.

– Малика?..

– Доброй ночи, госпожа, – она усмехнулась краешком губ, – рада видеть тебя среди живых.

* * *

Раньше я думала, что призраки не меняются – на самом деле все оказалось не так.

Грубая рубаха уступила место парче, венецианским кружевам и жемчужному шитью. Тонкие запястья украшали ажурные браслеты, крупные розовые жемчужины в переплетении золотых стеблей. Черепаховый гребень, инкрустированный перламутром, мог бы сделать честь любой коллекции драгоценностей эпохи итальянского возрождения, а две тяжелых грушевидных жемчужины застыли каплями в маленьких ушках Малики.

– Что тебе нужно? – получилось очень невоспитанно и хрипло, но угрызений совести по этому поводу я не ощутила. Ни капельки. Слова Эрика о том, что сия обворожительная дама закусывала человечинкой, крепко засели в памяти. Как следы от кроссовок в застывающем бетоне.

Малика одарила меня чарующей улыбкой – зубки у нее были что жемчужинки, белые, мелкие и... мне показалось, что острые. По коже скользнул неприятный холодок, а синхронно с ним гаденькая мыслишка – не пора ли звать Эрика? В конце концов, это у него свои счеты с Маликой, а я тут вообще не при чем...

– Я хочу тебя предупредить, – мягко прошелестел призрак, – беги от него. Как только сможешь!

После этих слов у меня появилось стойкое ощущение де жа вю. А что, вдруг призраки совершенно неразумны и просто-напросто повторяют ту единственную мысль, с которой покинули сей бранный мир?

– Эммм... Спасибо за совет, – я бросила взгляд на дверь. Может, все-таки поспешить к Эрику?

– Ну так беги, беги! – Малика даже подпрыгнула от нетерпения, и многочисленные ее пышные юбки зашуршали, – беги из логова зверя!

Но я – я уже была не той доверчивой Лерочкой, которая перепугалась до полусмерти при виде искалеченной спины Малики.

– Я уже один раз сбежала. И что в результате? Чуть не погибла.

– И ты полагаешь, что *он* тебе поможет? – привидение скривилось, – да ты же пешка, твоя жизнь и без того ничего не стоит. Особенно для *него*.

Я зевнула. Да, все это мы уже где-то слышали. А призраки... Вероятно, им просто уготована такая участь – надоедать всем и каждому бестолковыми воплями и звоном цепей.

Хм. Любопытно, чем же Эрик так досадил этой милой барышне, что она его продолжает ненавидеть и после смерти? Нет, конечно же, казнь – дело серьезное. Может быть, даже повод для посмертной ненависти?

Тут я подумала еще минутку и пришла к выводу, что как раз об этом и стоит расспросить Малику. Пусть расскажет побольше об Эрике, а то ведь я здесь как слепой котенок, в то время как за моей спиной плетутся интриги.

– Послушай, – я кое-как изобразила дружелюбную улыбку, – а Расскажи мне... про него? За что ты его так ненавидишь?

– *Его*? – и Малика вдруг начала... расцветать. Появился нежный румянец на щеках, грудь, сдавленная корсетом, начала вздыматься часто-часто, – как я могу ненавидеть *учителя*? Я его люблю! За то, что он разорвал мои оковы, за то, что показал истинную свободу и истинную власть. Господи, кто я была? Всего лишь воровка, умеющая вскрыть любой замок! А он даровал мне силу, и власть...

Я замотала головой.

– Погоди, погоди! Ты о ком? Я же спросила про Эрика... Вернее, про Генриха...

Малика, словно очнувшись, уставилась на меня – и ее сочная красота начала стремительно гаснуть, словно в фонаре с цветными стеклами прикрутили фитиль.

– Я не знаю, кто такой Генрих, – сокрушенно призналась она, – я не...

– Хорошо, тогда... Расскажи про Генри. От кого я должна бежать?

Наверное, сознание Малики путалось. Скорее всего, призрак когда-то живой девушки перемешал все воспоминания, и теперь наугад тянул их – то одну карту из колоды, то другую. Иначе – откуда бы взяться речам «про любимого учителя»?

– Генри, – вымолвила она, – Генри...

И как-то странно глянула на меня – я была готова поклясться, что в темных глазах призрака заблестели слезы.

– Я его любила... когда-то. И я спасла ему жизнь, так пожелал его *добрый ангел*. А потом... он предал меня... и...

В тот же миг взметнулись вверх кружевные юбки, и Малика навалилась на меня, вжимая в постель. Призраки, будь они неладны! Да мне и в страшном сне не могло привидеться, что суставы затрещат под весом – и кого?!! – привидения!!!

– Он тебя тоже предаст! – прошипела Малика мне в лицо, – предаст и бросит, когда ты станешь не нужна! И тогда мой учитель... он все равно одержит верх!

Я почувствовала на шее холодные пальцы. Черт. Только и осталось как быть задушенной призраком ведьмы! И, Боже, как трудно сохранять хотя бы остатки хладнокровия, задать последний вопрос...

– Где сейчас твой учитель?!! Где он?

– Я не выдам того, кто открыл мне истину! – Малика вдруг издевательски захохотала.

Раз – и она порскнула куда-то в сторону, словно крыса от огня. Я так и осталась лежать на постели, растирая шею.

Черт, поганю-то как, а? Точно, останутся синяки. Что я Эрику скажу?

Я потянулась за часами, которые оставляла на тумбочке: светящиеся в темноте стрелочки показывали два часа ночи. До рассвета еще было ох как далеко... А интуиция безжалостно подсказывала мне, что развлечения только начинаются.

* * *

...И я решила не спать. Чтобы не слипались так отчаянно глаза, перебралась из постели в жесткое кресло, села, выпрямившись.

Через приоткрытое окно в комнату лилась ночная прохлада середины апреля, прихотливое переплетение запахов травы, земли и воспоминаний о солнце. Малика ушла и, судя по всему, возвращаться не собиралась; пугающий профиль Михаила тоже временно исчез, а Эрик наверняка просматривал сон десятый об аутодафе – ну, или что там может сниться инквизитору?.. Я почувствовала себя почти как дома. Положила руки на подлокотники – так приятно ощутить под пальцами теплое полированное дерево. Глянула на часы – пол-третьего. Но на дворе апрель, и до рассвета еще далеко. Есть время и подумать, и потренироваться, особенно если впереди меня подстерегали тысячи опасностей: я могла быть съеденной демоном, меня мог убить колдун по имени Яков, а Генрих, то есть Эрик, вполне был способен возложить меня на алтарь собственной ненависти...

Я взгрустнула. Затем, чтобы отвлечься, решила потренировать свое загадочное ментальное поле – ну, мало ли что? Вдруг да пригодится в скором времени? Один раз *это* у меня уже было. Да-да, там, на железном столе. Остро наточенный полумесяц очень мило разлетелся в крошево, а потом... ох, это дивное ощущение осколков хрусталя, врезающихся в мягкую, податливую плоть... Я с ужасом поняла, что плотоядно облизываюсь, затрясла головой. Ха-ха, Лерочка. Сумасшествие близко, как никогда?..

У стены напротив окна стояла высокая этажерка, такая же хрупкая и белая, как сахарный замок на свадебном торте. Лунный свет, запутавшись в тонких занавесях, выхватывал из густого мрака спальни часть полок, уставленных совершенно бесполезными на мой взгляд вещами. И чего там только не было! Хрустальные шары, большие и маленькие, малахитовые пасхальные яйца в подставках, караван слоников из флюорита, несколько «денежных» деревьев со стволиками из золотистой проволоки и самоцветами вместо листьев... Я выбралась из кресла, придирчиво осмотрела все эти бесполезные богатства и выбрала один из шаров. В конце концов, если бы он разделил судьбу моих стеклянных стопок, Эрик вряд ли заметил бы пропажу, при таком-то изобилии.

Хрустальный шар – на стол. Он тут же попытался самовольно скатиться на ковер, и затем был предусмотрительно помещен в гнездышко из моей водолазки. Я – обратно в

кресло, расслабленные руки на подлокотники, ноги на пуфик. Последний взгляд на часы... Ага, четыре. Утро близится, но сколько еще можно успеть!

И я приступила воспитанию собственного ментального поля.

Но как повторить то, что произошло в подвале?.. Здесь ведь все спокойно, ничто и никто не пытается перерезать мне горло...

Память, память моя. Своенравная темная лошадка, которая взбрыкивает тогда, когда не нужно – и хранит презрительное молчание, когда я хочу вспомнить, почувствовать. Что же тебе нужно, а?

Я уставилась на шар, словно припудренный инеем. Следующий шаг – хотя бы мельком – увидеть собственное ментальное поле. У меня оно сиреневое, с белоснежными прожилками и немного напоминает неограниченный аметист. Но как обычным зрением разглядеть то, что существует исключительно в неведомых астральных измерениях?!!

Стискиваю кулаки. Вспомнить бы. Вновь почувствовать то, что было – и хорошенько запомнить ощущения. Неумолимо опускающийся маятник, бессильная ярость, горечь, обида. Змеиное гнездо, исходящее ядом, и яд этот отравляет меня, изменяя, делая истинной ведьмой. Побеждай жертву. *Vince sacrificans*.

... А потом память заговорила. И я вновь ощутила себя распластанной на столе, одинокой и погибающей. Перед глазами словно отдернули сиреневую завесу, спальня содрогнулась, и... вот оно!

Я торжествующе улыбнулась хрустальному шару, который чувствовала частью себя самой. Это к моим холодным и полированным бокам льнул лунный свет, мягко прижимался рукав трикотажной водолазки, а когда-то... Раньше, еще раньше... Ко мне прикасались другие руки, женские, мягкие. Руки истинной аристократки, не привыкшей к какой бы то ни было работе.

Заморгав, я отогнала видение чужих рук. Мне, черт возьми, наплевать, кто тут был раньше. Мне всего-то нужно... поднять хрустальный шар.

Трикотажное гнездо уходит вниз, плавно, мягко. И какая-то крошечная, но все-таки часть меня медленно, очень медленно приподнимается, отрываясь от опоры.

Теперь – чуть левее. Проплыть над полом, сделать круг и вернуться на место. Давным-давно... приятные, ласкающие прикосновения. Ладони, пропахшие фиалковыми лепестками, лавандой, жареными кофейными зернами...

Но самое главное – в тех руках была любовь, вечная, неземная. Ах, Генрих, Генрих, почему стал таким, почему так изменился?

Я взвыла. Водоворот давних, чужих мыслей затягивал, и картины прошлого замелькали перед глазами, смазываясь в расплывчатое, грязно-желтое пятно. Кринолины, ярко-рыжая крошка Елизавета, низложенная королева Анна Болейн на коленях перед плахой... Господи, да я же знала их всех, знала поименно – и у меня не возникло и тени сомнения, что бледная, изможденная женщина может быть кем-то другим, кроме провинившейся жены короля Генриха! Ловушка?!! Но кому могло понадобиться... да еще в доме Эрика?..

Хрустальный шар давным-давно исчез, я видела только чужую изящную руку, с бледно-розовой раскрытой ладонью.

– Держись, я тебе помогу! Держись! – звякнул колокольчиком знакомый уже голос... И меня вышвырнуло обратно в спальню. Шар покатился по ковру, я вскинулась в кресле.

На моей кровати, поджав ноги, сидел призрак Джейн, умницы Джейн, которая должна была быть в Англии.

– О, Боже, – сдавленно пискнула я, – так, значит, Эрик тебя все-таки убил?!!

* * *

На Джейн была черная шелковая блузка с кружевными вставками, классические светло-серые брюки. Легкие рыжие волосы в недавнем прошлом подверглись завивке и мокрыми кудрями ниспадали на плечи. А в ясных зеленых глазах мерцала светлая грусть –

не иначе, как о потерянной жизни...

– Джейн, – умоляюще позвала я, – не молчи, пожалуйста. Когда он тебя убил? И где искать твое тело?

Тонкая коричневая бровь недоуменно приподнялась.

– Какое еще тело?

Я смутилась. Конечно, призраку позволительно продолжать считать себя живым, и стоит ли разрушать иллюзию? Но, если взглянуть на проблему с другой стороны, тело должно быть подобающим образом быть предано земле. А, может, Джейн никак не обретет покой оттого, что зарыта где-нибудь под грушей или лежит на дне пруда с камнем на шее?!!

– Джейн, милая, – голос от волнения сделался хриплым, – скажи пожалуйста, где твое тело? Как Эрик отделался от тебя?

А сама подумала, что наверняка этот дьявол во плоти нанял английского киллера, и тот пустил беззащитной женщине пулю в лоб.

Джейн пожала плечами и строго отчитала меня:

– Лера, не путай божий дар с яичницей. Ты сейчас разговариваешь не с призраком, а с моим ментальным телом, к которому достучалась через след ментального поля на хрустальном шаре. Такое случается, но редко. А твой формирующийся Дар будет преподносить еще и не такие сюрпризы.

– Так ты... жива?

– Живее не бывает, – сухо заверила Джейн, – зачем ты меня позвала?

Я вздохнула. Ну надо же так опростоволоситься! Наверняка эта дева Альбиона и так не слишком обо мне высокого мнения – а после такого конфуза и вовсе будет меня за дуру провинциальную держать. К тому же... Батюшки! Если Анна Болейн в моих видениях – часть воспоминаний самой Джейн... То, выходит, я имею дело с еще одной пятисот... или шестисотлетней дамой?!!

– Итак, Валерия Ведова, – ведьма-долгожительница окинула меня снисходительным взглядом, сцепила тонкие пальцы в замок, – Что тебе от меня нужно? Нет, я конечно понимаю, что все происходящее есть чистой воды случайность. Но, может быть, ты хочешь о чем-нибудь у меня спросить? Раз уж я все равно здесь?

...Эрик говорил, что, проходя инициализацию, люди меняются. Уж не знаю, какой была Джейн до того, как осознала себя *кем-то большим, чем просто человек* – но ведьмой она стала просто великолепной, на вид – помесь истинной английской леди и дикой кошки. Даже в роли служанки Эрика она смотрелась весьма и весьма экстравагантно, а уж теперь, в дорогой одежде, с изящными кольцами на холеных пальчиках... И глаза, эти изумрудные глаза, искусно подведенные карандашиком цвета старой бронзы – в них было слишком просто утонуть, забыть себя, добровольно расстаться с собственной волей. Передо мной сидела истинная ведьма, древняя и чрезвычайно могущественная. «Его добрый ангел». Джейн? Что ж, все может быть...

Я откашлялась, собираясь с мыслями. И спросила о том, в чем на самом деле была уверена:

– Джейн, скажи мне правду. Знаешь ли, надоело быть пешкой и разменной монетой... Я просто хочу знать, что происходит на самом деле...

– И? – улыбка тронула бледно-розовые губы.

– Настоящее имя Эрика, Джейн. Это ведь Генрих Крамер, да? И все эти столетия он охотится за человеком по имени Яков Шпренгер?

Кошка потянулась и промурлыкала:

– Ты чрезвычайно догадливая маленькая ведьма. Конечно, лучше бы тебе не знать об этом, но раз уж сама догадалась, я не буду отрицать.

– А я? Какая роль здесь отведена мне? Наживка?

– Разумеется, – легкое пожатие плечами, – Яков никогда не любил привлекать внимание общественности к своей скромной особе... теперь, когда нынешнее поколение колдунов считает себя самыми могущественными и совершенно разуверились в

существовании древних. Вот поэтому и подставил тебя. Так уж получилось... Может быть, встретил случайно и подумал – ага, вот юная ведьма, никому не станет хуже, если ее отправим на тот свет. И он... все это время где-то рядом, но мы не знаем, где.

– И единственный шанс его поймать – это подвергнуть определенному испытанию тех, кто... мм... вступал со мной в контакт?

– Примерно так, – Джейн сменила позу, оперлась на подушку. При этом, само собой, последняя даже не примялась. Все-таки ментальное тело... – конечно, такой подход ни в коем случае не гарантирует поимки Якова, и он не единственно возможный, но это шанс. Есть некоторые заклинания, против которых сможет выстоять только колдун такого уровня, как господин Шпренгер. Это и будет испытанием...

От этих откровения мне сделалось как-то не по себе.

Это что ж получается, если испытуемый невиновен... то есть не является Яковом Шпренгером... значит, он погибнет?

– Не волнуйся, – Джейн оборвала мои панические размышления, – Якову тоже не поздоровится. Он в бегах, скрывается уже много лет и – между прочим – еще Древними приговорен к смертной казни. К тому же я не думаю, что Эрик настолько безумен, что начнет косить всех подозреваемых направо и налево...

Но в ее последних словах я услышала изрядную долю сомнений. И значило это... Что Андрею грозила нешуточная опасность. Черт... И я должна была спокойно смотреть на все это, безвольно плывя по течению?!!

Танька бы непременно сказала – эх, Вареник-вареник. Висишь себе на вилке и спокойно ждешь развязки...

Я прямо взглянула в изумрудные глаза английской ведьмы.

– Что будет со мной? Потом, когда Эрик... когда Генрих найдет своего бывшего приятеля?

Джейн одарила меня ангельской улыбкой, но взгляд опустила, принявшись рассматривать собственные кольца.

– С тобой ничего не случится, – как бы неохотно прозвучал ее голос, – не бойся. Эрик никогда не решится тобой пожертвовать.

– А как же принцип высшего ведовства? – не отставала я.

– Здесь он не подействует... принцип этот, – с внезапной и непонятной злобой буркнула Джейн, – только не с тобой, только не теперь. Но если ты... если ты посмеешь причинить вред Эрику... Я придушу тебя собственными руками.

Опешив, я даже не нашлась, что и сказать. Здравствуй! И чем заслужила? Ведь ничего плохого не сделала... А Джейн тем временем начала бледнеть, растворяясь в полумраке спальни. На мгновение мне показалось, что я ощущаю тонкий аромат ее духов – очень консервативный, классический аромат, где сплелись ветра Англии, цветущий вереск...

И я начала падать, вниз головой, в цветную круговерть обрывков чужих воспоминаний.

* * *

Часовня Виндзорского замка. Сквозь стрельчатые окна падают на пол снопы золотого света. Кружатся, танцуют пылинки, потревоженные незваными гостями, пахнет ладаном и немножко медом. Ах, эти сладкие, детские сны, чистые воспоминания о временах невинности, когда суровый Виндзор был лучшим местом в Англии, а новая юбка из хрустящей парчи – самой главной мечтой. Но все утрачено: отчий дом, имя, которым нарекла матушка. Нет больше Марии Йоркской, надежды царственных родителей, зеленоглазой хохотушки с россыпью золотистых веснушек... Есть Дженнет-без-семьи, обладающая Даром, удел которой – дорога и карающий меч. Нет больше нежной Марии, она уснула и была похоронена – есть Джейн, похищенная из усыпальницы, перевезенная к тем, кто воистину близок и угоден Богу... Тем, кому дана власть вершить истинное правосудия на земле, не дожидаясь Страшного Суда.

И не беда, что отчаянно хочется плакать, притаившись в нише, подглядывать за матерью и сестрами. Ей лучше уехать из Виндзора, чтобы не возвращаться уже никогда. Тогда... быть может *тогда* раны затянутся, и Мария наконец отправится в бесконечное путешествие?..

Она стояла, преклонив колено, и ярко-рыжие пряди падали на массивную крестовину меча. Она видела потертые башмаки и край черной сутаны, принадлежащие Наставнику – истинного имени этого человека не знал никто.

– Я клянусь... быть достойным орудием возмездия. Я клянусь, что разыщу и накажу его. Я не сойду со следа, пока буду жива.

Слова падали сухими горошинами на мраморные плиты пола, и в тот миг Джейн была готова умолять, упрашивать – отпустите меня. Куда угодно, только прочь из Виндзора! Здесь все напоминает о той, о Марии, она упокоилась с миром, но продолжает терзать Джейн каждую минуту пребывания среди этих благословенных стен.

– Иди, дочь моя, – голос Наставника был сухим и шелестящим как сброшенная змеиная кожа, – иди и принеси мне его голову. И храни сей меч карающий до тех пор, пока не окрасится его благородное лезвие кровью врага нашего.

...Дальше – запах конского пота. Вересковые пустоши, толпы нищих бродяг и прокаженных, грязь, дожди, потливая горячка свирепствует. Кто вы, благородный рыцарь? Нет, этого вполне достаточно, чтобы пересечь пролив... Франция, эпидемия холеры, горы разлагающихся трупов, воронье. Рейн – величественный, могучий, а с берегов тянется шлейф едва переносимого зловония: город Базель недалеко, а вместе с ним – враг, страшный, напившийся крови словно пивка. Меч в ременной петле теплеет, чуя скорую битву, в висках туго стучит кровь – а Дар, невеселый Дар Палача свивается стальной пружиной, готовясь к исходу.

...Он резко оборачивается. Скрюченный, полубезумный старик, глаза водянистые, борода клокочьями... Где же украденные жизни? И ничего, ровным счетом ничего не успевает сделать враг: меч в руке поет, сплетаясь с Даром и обретая силу Длани Господней, голова подлетает вверх, словно тряпичный мяч, в стену бьет тугой фонтан крови из разрубленных артерий и... Все. Конец.

... Джейн, бедная Джейн. Могла ли думать, могла ли провидеть Мария, что ей предстоит *такое* ?

Она огляделась – словно пелена спала с глаз. Победа далась чересчур легко, кто бы мог подумать, что могущественный колдун не сможет противостоять рыжей девчонке?! Впрочем, Дар Палача – уникален, никто не сможет сопротивляться долго. Но на сей раз все произошло слишком быстро, слишком просто.

Джейн, волоча по полу ставший неподъемным меч, подошла к обезглавленному телу. Коричневые пальцы на руке с длинными желтыми ногтями подрагивали, все еще пытались ухватиться за ускользающую жизнь. И вдруг сквозь складки старческой кожи проступило иное – гладкое, светло-серое...

– Это не он, – выдохнула Джейн, – это всего лишь демон!!!

Ее захлестнула ярость, доселе неизведанная.

Разлетелся в щепки дубовый стол, вспыхнула и сгорела потрепанная книга. Демон, демон, демон!.. Враг оказался хитер, а она, молодая дурочка, недооценила, думала, что Наставник все предусмотрел...

– Что же теперь делать? – Джейн в растерянности огляделась.

И ответ пришел сам собой: искать. До тех пор, пока не отыщешь, пусть даже и пролетят годы... Палач стал на след.

* * *

Я потеряла слезящиеся глаза. За окном, в ватных шариках облаков, плавало алое яблочко солнца. Там была весна и жизнь – а здесь... Тишина и тайны, запутавшиеся в

вековой паутине. Малика, Джейн, добрый ангел, Палач... Я понятия не имела, кто есть кто и при чем здесь, собственно, господ Крамер и Шпренгер. Но, верно, есть вопросы, на которые нам никогда не найти ответов – будь то сотворение вселенной или Мария-Джейн, плачущая в часовне Виндзорского замка.

Джейн

– Это самое прекрасное место на Земле из всех, где мне доводилось бывать! – она запрокинула голову, сквозь ресницы глядя на проплывающие мимо кроны гигантских вязов.

– Ты делаешь его еще прекраснее, – сказал он и смутился, – прости, я веду себя как мальчишка.

– А разве это плохо? Быть как мальчишка? Куда лучше до старости оставаться подростком, чем раньше времени превратиться в старика!

– Дженни, ты меня пугаешь. Нет, женщина не должна произносить столь умных фраз, иначе это уже не женщина, а ученый книжный червь, поглотивший сотни и сотни томов...

Они поглядели друг на друга и одновременно рассмеялись. Джейн прищипорила вороную кобылу, подарок сэра Артура Харвестера, и вихрем помчалась по дороге. Артур что-то прокричал вслед, но она не слышала. Мелькали темные стволы, каждый в три обхвата, изумрудные острова шелковой травки, солнечные пятна, смешавшиеся с голубым небесным соком...

Это было просто здорово, что она согласилась на предложение Артура приехать и немного погостить в его поместье! Здесь было так легко, так светло и радостно, что куда-то сгинули все страхи и сомнения – «В конце концов, я тоже могу побыть счастливой. Хотя бы немного», – решила Джейн.

Даже дочери Артура приняли ее благосклонно. Старшей, Лиз, было двенадцать, младшей, Энни, – десять. Они все прекрасно поняли, эти мудрые, слишком рано повзрослевшие девочки, приняли как должное то, что их отец собирается привести в дом другую женщину, не-маму. Джейн чувствовала, что они не злятся и не ревнуют. Возможно, просто устали от одиночества и истосковались по ласке и теплу.

Джейн резко натянула поводья, отчего разгоряченная кобыла взвилась на дыбы. Позади раздался испуганный крик Артура, но – ведьма и не таких усмиряла! Она прижала ладонь к взмыленной шее лошади, посылая короткий мысленный приказ, и та, тихо заржав, тут же стала как вкопанная.

– Джейн! Дженнет! Все в порядке? – сэр Артур стремительно спешил, бросил поводья и бегом устремился к своей невесте, – я прикажу привести тебе другую лошадь. Даже представить не мог, что эта заартачится, прости.

Она снова рассмеялась, беззаботно жмурясь в ласковых лучах солнца.

– Не думаю, Артур, не думаю. Будь уверен, я управлюсь с любой лошастью из твоей конюшни.

И Джейн легко спрыгнула на землю, и тут же была подхвачена на руки.

– Ты мое сокровище, – пробормотал Артур, – отныне и на века.

Он осторожно поставил ее на ноги, извлек из прически неведомо как попавший туда молодой клейкий листок.

– Джейн, можно я спрошу кое-о-чем?

Ведьма смотрела в его серые глаза и, словно зачарованная, не могла оторваться. Там были свет и любовь, каких она никогда не видела в других газах, похожих на спелую ежевику.

– Конечно, спрашивай, – она ласково погладила пальцами лацкан замшевого пиджака. От сэра Харвестера пахло фиалками и совсем немного табаком, сочетание, сводящее с ума.

Артур несколько мгновений пристально вглядывался в ее лицо, как будто сомневаясь, а стоит ли вообще поднимать тревоживший его вопрос. Затем нежно взял пальцы Джейн и приник к ним губами. Прошептал:

– Моя прекрасная принцесса. Я все еще не могу поверить своему счастью. Но скажи, Дженнет, почему ты дала мне согласие? Я намного старше тебя, у меня двое детей... Наверняка тебе и раньше делали предложение?

«Хороший вопросец», – ведьма, продолжая улыбаться, взяла жениха за руку и повела по дороге. Лошади остались пощипывать траву, но о них не нужно было беспокоиться: Артур просто позвонит конюшему и велит отвести этих великолепных арабских скакунов в конюшню.

Джейн покосилась на Артура: с виду спокойный, но бледный от тщательно скрываемого волнения. В густой шевелюре цвета воронова крыла поблескивает первая седина, а лицо молодое, совсем – как будто сэру Харвестеру только-только минуло тридцать.

– Все просто, – шепнула ведьма, – я люблю именно тебя, и никого другого.

Отчасти Джейн сказала правду: в те мгновения она всем сердцем была влюблена и в Артура, и солнечный свет, и в шорох зелени над головой.

Он остановился, словно налетел на прозрачную стену.

– Дженнет, – голос срывался, – моя дорогая, моя ненаглядная. Могу я?..

– Да, – выдохнула она в чужие, но мягкие и ласковые губы.

Наверное, это просто был день такой – день сумасшествия. Или сумасбродства.

Джейн с трудом понимала, как они добрались до особняка, как, словно заговорщики, пробрались внутрь через черный ход. И все оказалось просто и красиво: белоснежные простыни, запах фиалок и дорогих сигар, нежные и несмелые прикосновения мужчины, который – на самом-то деле – был достоин настоящей любви и настоящей смертной женщины. Но Джейн не желала ни думать об этом, ни казнить себя. Ей просто хотелось хотя бы на несколько часов стать счастливой.

– Это было неправильно, – заявил Артур, проваливаясь в дрему, – мы должны были сперва пожениться. Или хотя бы объявить о помолвке.

– Это все будет, – упрямо, как будто споря с собой, пробормотала Джейн, – не беспокойся ни о чем, дорогой.

...Она проснулась оттого, что замерзла. Артура не было рядом, он куда-то ушел, неосмотрительно откинув одеяло. И, судя по всему, отсутствовал уже немалое время.

Джейн вздохнула, посидела на краю постели, болтая ногами как девчонка. Затем встала и принялась быстро одеваться, по-прежнему не пуская в голову ни одной темной мысли.

Проходя по коридору, ведьма заглянула в кабинет сэра Харвестера – там было пусто.

– Где я могу найти сэра Артура? – спросила она у горничной, но вместо ответа получила недоумевающее пожатие плечами.

И тогда беспокойно тренькнул в душе колокольчик. Опасность, Джейн, опасность!

Закусив губу, она метнулась обратно в спальню. Ну конечно! Спросонья не заметила самого важного: на подушке Артура мирно лежал сложенный вчетверо лист бумаги. Джейн вздохнула с облегчением, развернула его.

«Поскольку твоя миссия по-прежнему не выполнена, и поскольку мы не имеем для тебя замены, мы взяли на себя смелость выбрать залог без твоего участия».

Буквы начали медленно расплываться, превращаясь в грязное, бурое пятно. И такое же бурое нечто разрасталось в душе ведьмы, медленно, мучительно-больно... До тех пор, пока не взорвалось.

Джейн бросилась вон из спальни, где она украла у судьбы кусочек счастья. Она знала, куда бежать, знала, где искать... Ведь за столько лет не изменилось ничего, ровным счетом ничего! Хотя, что уж там, раньше *они* себе такого не позволяли!

Ее первым «залогом», ценой жизни преступника, стал ничего не подозревающий подросток-бродяжка, коих было полно и в городах, и на дорогах. Ей не составило труда заманить, завлечь мальчишку обещанием хорошей еды, но тогда... тогда Джейн понятия не имела о том, *что* его ждет. А когда узнала и начала протестовать, то получила холодную отповедь самого Наставника.

«Ты ведь должна понимать, чем покупаешь отсрочку», – холодно изрек он, – «а эти

камни, Джейн, должны тебе напоминать о том, что время проходит слишком быстро».

Мальчик был заживо замурован в стене. Джейн частенько слышала по ночам его вопли и мольбы о пощаде, а потом – тихое, настойчивое царапанье, постепенно угасающее. За те несколько часов, которые она провела рядом со свежей кладкой, показались веками, а когда мальчик наконец затих, частичка Джейн умерла вместе с ним.

«Только не Артур, только не Артур!» – она стискивала кулаки, пока ей взнуздывали лошадь. Ведьме было тяжело дышать, хотелось разодрать ворот блузки. А страшный Дар горячо пульсировал под ребрами и просился наружу, чтобы поглотить первого, кто осмелится стать на пути.

Джейн взлетела в седло, прищипорила кобылу, и та стрелой понеслась по дороге. Благо, ехать было недалеко: в пяти милях от владений сэра Харвестера на лысом холме белели остатки часовни. Вот так вот: столетия промелькнули, а Джейн с точностью до камня могла указать место, где задохнулся бродяжка, жизнь которого так мало стоила.

...Она летела на кровавый закат, к черному контуру часовни. Развалины походили на силуэт сидящего дракона, и единственное, о чем Джейн молила Бога – это успеть. До того, как *они* все сделают.

Солнце садилось, закутываясь в лиловые тучи на западе и расцветивая перламутром белые камни. Ведьма соскочила на землю. Дальше... куда? Знать бы, где они прячутся. Интересно, и Наставник здесь? Или он чересчур занят, чтобы самому заняться выбором жертвы?..

Не раздумывая более ни минуты, Джейн бегом бросилась к ближайшему пролому в стене, забралась по обломкам камней и строительного раствора. Внутри еще было довольно светло, достаточно для того, чтобы узнать могилу того мальчишки, и достаточно, чтобы рассмотреть...

Джейн показалось, что еще немного – и она упадет в обморок. На очищенной от мусора площадке было установлено нечто, видом своим напоминающее саркофаг. О, Джейн слишком хорошо знала, что это такое! И шансы Артура зависели исключительно от того, насколько низко опустилась крышка, усаженная железными шипами. Застонав сквозь стиснутые зубы, она метнулась к саркофагу.

– Артур! Артур, ответь! Ты... живой?

Изнутри слышался шорох, словно кто-то двигался.

«Так, винты, смотри на винты», – она быстро нащупала резьбу и мысленно возблагодарила Господа. За то, что успела. За то, что крышка находилась в самой верхнем положении, а это значило, что Артур скорее всего жив. Почему молчит? Кляп во рту, чтобы не орал и не привлекал к развалинам излишнее внимание.

– Потерпи, пожалуйста, – выкрикнула Джейн, – я тебе помогу, я тебя достану отсюда!

И даже не удивилась, когда где-то за спиной раздался знакомый уже голос:

– Джейн, ты успела. Как и предполагал Наставник, ты явишься, чтобы...

Она быстро обернулась: рыжий посланец, облаченный в длинное коричневое одеяние, замер у колонны.

– Я здесь не для того, чтобы смотреть, как умрет еще один невинный – чеканя каждое слово, произнесла ведьма.

Мужчина в длинной рясе только руками развел:

– Наставник очень недоволен, Джейн. Что нам еще остается делать, коль скоро ты до сих пор не предоставила доказательства смерти человека *виновного* ?

Ведьма прикрыла глаза и попыталась «ощупать» старые развалины. Ее проклятый Дар мало подходил для подобных действий, но ей очень, очень хотелось узнать, один ли здесь этот рыжий наглец или явился с подмогой?

Ага, все-таки он был с напарником. Джейн не столько почувствовала его присутствие, сколько услышала тихие и торопливые шаги где-то наверху. Что ж, так даже лучше.

– Отпусти Артура. Немедленно, – приказала Джейн.

– Тебе ведь известно, что это невозможно, – рыжий ведьмак пожал плечами, – я

отвечаю за него своей жизнью.

– Тогда я лишу тебя этой жизни, – пожала плечами Джейн.

Она успела подумать о том, что весь свой век творит зло, и потому этот век можно считать совершенно бессмысленным. А потом ударила, просто и незамысловато, позволяя своему Дару выплеснуться наружу, охватить хрупкое тело мужчины и сжать.

Кто-то над головой сдавленно вскрикнул. Ах, да. Напарнику совсем не понравилось то, как брызнуло во все стороны кровавое крошево.

«И зачем мне нужен меч?» – отстраненно размышляла Джейн, – «наверное, это просто символ, знак карающей длани Господней...»

Как во сне она переступила через почерневшую вековую пыль, повернулась туда, где раздалось быстрое «топ-топ-топ».

– Иди и скажи Наставнику – гаркнула ведьма во всю силу легких, – что он получит доказательства в течение месяца! Я... я убью каждого, кто явится раньше этого срока!..

Потом Джейн очнулась. Вышла из транса, огляделась и... желудок вывернуло от увиденного.

«Ох, за что мне все это», – сознание мутилось. Хотелось лечь, заснуть и забыться. Проснуться вновь четырнадцатилетней девочкой, рядом с сестрой.

Скрипя зубами, Джейн принялась за винты. Господи, как все сложно и мерзко! На одной чаше весов – жизнь невинного, на другой – жизнь того, кого не убить просто так. Побеждай жертвуя. Проклятый принцип даже здесь работает. И не важно, чем и кем жертвуешь, всегда что-то приходится отдать за победу, ее всегда надо покупать...

Хрипя от напряжения, Джейн сперва сдвинула, а потом и сбросила крышку саркофага.

– Артур, Артур! – она всхлипнула, – хвала Господу, ты жив!

Он был связан по рукам и ногам, с кляпом во рту, но – цел и невредим.

Джейн упала на колени и, рыдая в полный голос, припала лбом к его лбу, с силой провела пальцами по землистому лицу, осторожно вынула моток тряпок изо рта.

– Артур, ну пожалуйста, ну скажи что-нибудь, – пробормотала она, – не молчи! Ты... узнаешь меня?

Ведьма обломала все ногти, пока развязала узлы на запястьях. По щекам текли слезы, Артур молчал, глядя куда-то в небо. Джейн с ужасом подумала о том, что – а вдруг он сошел с ума, не выдержав такого потрясения? Все может быть, все...

– Это же я, Джейн! – пискнула она, целуя неподвижные губы, – милый, все уже позади, клянусь!

В серых глазах сэра Харвестера плавала тоска. Он медленно и безмолвно сел, огляделся. Джейн почувствовала, как Артур вздрогнул, увидев останки собственного палача. Затем он медленно перевел взгляд на ведьму.

– Дженнет, моя бедняжка, – и обнял ее, прижимая к себе.

«Он даже не спрашивает, кто я», – ведьма припала к влажной от пота рубашке, – «как будто так и должно быть... как будто ему уже все равно!»

– Ты меня простишь, Артур?

– Мне нечего прощать моей будущей жене, – едва слышно выдохнул он, прижимая к себе Джейн.

В кармане задребезжал мобильник. Настойчиво, упрямо. Джейн достала его трясущимися руками, кое-как нажала на кнопку приема.

– Джейн, что происходит? – спросили на том конце по-итальянски, – что ты о себе возомнила? Или уже не помнишь, кому обязана своим существованием?

Она ответила, ровно и спокойно, как будто и не рыдала за минуту до этого.

– Лучше бы его и вовсе не было, такого существования. Но – я клянусь могилой моей матери, что в течение месяца ты получишь то, что хочешь.

– Я верю тебе, – помолчав, сказал ее собеседник, – мне будет довольно любого доказательства.

Любовь моя Андрей

...Завтрак по расписанию, в восемь-тридцать – и ни минутой позже. В доме Эрика нет места хаосу и столь милому мне «рабочему беспорядку», здесь царит истинный немецкий «орднунг».

Но ни разу я не видела здесь горничной, и ни разу не стала свидетелем уборки, производимой самим хозяином. Наверное, каждая мелочь в этом замке была тщательно заговорена и самостоятельно возвращалась на свое место, а те, кто посмел противиться воле колдуна, подвергались немедленному уничтожению.

Я хмыкнула. На часах малая стрелка подрагивала около восьмерки, минутная добралась до золоченой шестерки. Половина восьмого, бессонная ночь, синяки на шее, оставленные призраком и полный сумбур в голове. Обычно в таких ситуациях мне помогала чашка крепкого кофе и плитка молочного шоколада – но разве у Эрика выпросишь сладенького с утра пораньше? Господин инквизитор был твердо уверен в пользе пищи здоровой, вроде творога со сметаной, прозрачного супа с фрикадельками, отбивных, картофельного пюре, печеных младенцев... Куда ему понять мелкие слабости женского организма? Хотя насчет последнего я, конечно, загнула.

Половина восьмого, свистопляска мыслей в голове, тоска на сердце. Что мне делать, у кого спросить совета? Особенно теперь, когда жизнь Андрея в опасности?

Моя жизнь тоже в опасности, с этим ничего не поделаешь. Но Андрей-то, Андрей... Он ведь совершенно случайно вляпался в эту дурацкую историю с древними колдунами, ему и в страшных снах не могло привидеться того, что теперь известно мне...

Я со стоном вцепилась в голову. Черт! Мало было мне своих бед – а теперь еще плавают перед глазами цветные вспышки воспоминаний. То Джейн, преклонившая колена перед статуей Девы Марии, то светловолосый парнишка, Яков, мечтающий о беспредельном могуществе. Кокон души, заклинания...

Выругавшись – хорошо, что мамуля не слышала – я сунула ноги в тапки, на спинке стула нащупала махровый халат и, зевая до хруста в челюстях, побрела в ванную. Пожалуй, мне помог бы ледяной душ. Со студенческой скамьи хорошо известно, что тяжесть бессонной ночи смывается холодной водой...

Проходя мимо кухни, я услышала звон посуды – должно быть, господин инквизитор занимался изготовлением очередного полезного завтрака. Дверь осталась чуть приоткрытой, я заглянула в узкую щель... И что бы вы думали? Да, Эрик действительно был там, стоял, прислонившись к стене и сложив руки на груди. А вокруг порхали, позвякивая, миски, чашки, ложки. Что ж... Шесть столетий, наверное, достаточный срок чтобы научиться вот так управлять собственным ментальным полем. Я тихо отошла от двери, намереваясь добраться до ванной, но –

– Ле-ра! Я знаю, что ты там.

В то мгновение мне захотелось убежать, но выглядело бы это... кхм... несолидно, что ли – и я вернулась. Приоткрыла дверь, сунула в щель голову.

– Доброе утро, Эрик.

Как же он был похож на нахохлившегося ворона. Мрачный и одинокий – но по глазам все равно ничего не прочтешь.

Он махнул рукой, отгоняя со своего пути блестящие стальные мисочки с салатами (они послушно повисли в сторонке, в полуметре от столешницы), шагнул в мою сторону.

– Тебе нехорошо?

И сколько наигранной заботы в голосе! Жалел бы, так не играл мной как кошка мышью...

– Плохо спалось, – я скривилась, – опять Малика приходила.

Эрик остановился в полуметре от меня, смерил любопытствующим взглядом.

– А что это она, тебя задушить хотела?

– Угу, – я развела руками, – чокнутая. Все требует, чтобы я отсюда сбежала.

– Не слушай ее, – Эрик ухмыльнулся, провел пальцами по взъерошенным волосам, – вот ведь тварь. А ко мне ни разу так и не пришла.

Мы помолчали. Но тишины не было: звякала посуда, становясь по местам, каждое блюдо – на свою позицию.

– А еще я видела Джейн, – буркнула я, – вернее, ее воспоминания.

Улыбка застыла на губах Эрика. Чашки печально звякнули и приземлились на скатерть.

– Не лезь к Джейн, – раздраженно произнес инквизитор, – для тебя там нет ничего... интересного.

Он отвернулся, махнул рукой.

– Все, иди, иди. После завтрака займемся делами. Ты ведь... не забыла?

Как же... забудешь тут...

Я осторожно прикрыла за собой дверь, оставив Эрика наедине с кастрюлями. Тьма, что окутывала мое бедное сердце, продолжала сгущаться, желудок так и норовил свернуться восьмеркой, а в висках, вместе с ударами пульса, билось одно-единственное имя. Андрей.

Потом я долго-долго стояла под ледяными струями душа и пыталась привести мысли в порядок, пока не явился Эрик со словами «Лера, завтрак на столе». Я выключила воду, выбралась на шершавый кафель с рисунком из осьминогов. Полотенце соскользнуло с крючка, пришлось наклониться, чтобы поднять его... И тут в углу, между стеной и душевой кабинкой, что-то блеснуло.

Ай-ай, Эрик, какой ужас. Признаки беспорядка в твоём доме?

Встав на четвереньки, я с трудом дотянулась до заинтересовавшей меня вещицы, а когда извлекла ее на свет, то почему-то испытала легкий приступ ревности. Хотя – Господи! – откуда ей взяться? Ревновать шестисотлетнего человека по меньшей мере неразумно...

На ладони моей лежала изящная золотая сережка. Очень старая, таких сейчас не делают. Маленький зеленый камень, ограненный и заключенный в филигранную сеточку – интересно, кому она могла принадлежать?

...Ох. Конечно же, Джейн. Я понятия не имела, откуда появилась уверенность в том, что сережка была собственностью зеленоглазой ведьмы – но каждая клеточка моего тела шептала об этом.

...Джейн.

И – меня словно швырнуло в ревущий водопад чужой безысходной боли и непонимания.

Как же так, Генри? Как же так? Почему. Ты. Так. Изменился ?!!

Снова стук в дверь.

– Лера, ты хорошо себя чувствуешь?

– Да, – я сжала находку в кулаке, тряхнула головой, – сейчас выйду.

Как там сказала рыжая ведьма? Мой Дар преподнесет еще не такие сюрпризы. Что ж, посмотрим...

Я сунула сережку в карман халата, до лучших времен. Когда я останусь одна.

Эрик посмотрел на меня задумчиво, взял руку в свою, пощупал пульс.

– Ты плохо выглядишь. Ничего не болит?

Я промычала нечто неопределенное. Болеть-то не болело, даже под ребрами... словно пустота поселилась. Но вот моя реакция на прикосновение к чужим вещам?

– Твой знак меняется, – как бы между прочим заметил Эрик, – теперь он уже не похож на знак старины Себастьяна. Теперь это черт знает что...

* * *

И вот, я держу свой мобильник. Палец на кнопке с аккуратной зеленой трубкой. Одно нажатие – и нет пути назад, но как не хочется, и каким грязным кажется то, что должно,

неминуемо должно произойти...

– Звони, – Эрик требовательно заглянул в глаза, – назначь ему встречу в десять вечера, в старой водонапорной башне.

Мое сердце совершило кульбит и ухнуло в ледяную прорубь. Городская водонапорная башня, вот уже лет десять как заброшенная и никому не нужная, была все это время известным притоном бомжей. Она вырастала серым бетонным грибом из земли городской, неподалеку от старого кладбища, стиснутая такими же серыми панельными пятиэтажками и ржаво-рыжими гаражами, одинокая, беззащитная – но вместе с тем смертельно-опасная. Находилось не много желающих прогуляться мимо в темное время суток, и дело было вовсе не в каких-нибудь пугающих и мистических происшествиях или городских легендах. Мало кому хотелось получить камнем по голове или ножом в живот. А когда я случайно проходила мимо башни еще в начале февраля, то неожиданно пришла к выводу, что даже бомжи покинули это место. Там не осталось ничего, кроме гор мусора и облезших кошачьих трупов. В черном провале двери виднелось начало ржавой лестницы, ведущей наверх... Так почему же именно *там*? Гм. Не было в нашем городке более удобного места для убийства. Случалось, конечно, грабили и калечили просто на улицах, но старая водонапорная башня... Если родственники не бросятся искать пропавшего, то тело там могло пролежать до-олго.

– погоди, – я резким движением сложила телефон.

Эрик, который до этого сидел расслаблено в кресле, подался вперед.

– Что еще?

– Обещай, что если Андрей не имеет отношения к твоим... мм... делам, то он останется жив.

Мне показалось, что инквизитор побелел. Он и без того был бледноват, но сейчас вдруг лицо стало похоже на гипсовую маску, слепок с лица покойного царя. Затем Эрик глубоко вдохнул, выдохнул, и на его щеки помаленьку начали возвращаться краски жизни.

– Я... тебе обещаю, – он вновь откинулся в кресле, сложил пальцы домиком, – что если ты сейчас же не назначишь встречу, я рано или поздно найду твоего бесценного принца... кем бы он ни был, пусть даже ангелом во плоти... так вот, я его все равно найду и оттащу в инквизицию. Уже только то, что он принадлежит к так называемым «вольным», является предлогом для ареста и допроса. Ну а там, сама понимаешь. Он признается даже в том, что жрал мозги собственной мамы. Звони.

Комната поплыла перед глазами. Господи! И с этим... с этим отморожком я целовалась? В него я вцепилась, как в спасительную соломинку? Слышала, как судорожно, взхлеб, колотится его сердце? Во рту внезапно стало горько, еще чуть-чуть, и меня бы точно стошнило, прямо на шикарный ковер цвета васильков.

И пока я судорожно глотала воздух, на меня со своего места взирал истинный палач. Я была готова поклясться – что ему было совершенно наплевать на то, сколько жизней он возложил на алтарь времени, и на то, сколько еще простых смертных отправится за облака. Все эти годы, все эти столетия он искал только одного человека... а остальное, вернее, *остальные*, не стоили и ломаного гроша. *Vince sacrificans*, как ни крути. Большая победа стоит дорого.

– Звони, – с улыбкой повторил Эрик.

– Я думала... о тебе лучше, Генрих, – наконец выдавила я, – видимо, ошиблась.

– Многие ошибались, – промурлыкал инквизитор, – и многие поплатились за свои ошибки.

Ох, какая же сволочь. Мерзавец. Задушила бы собственными руками...

Я вновь раскрыла телефонную трубку, и вновь, почти вслепую, выбрала имя «Андрей» в телефонной книге. Эрик удовлетворенно ухмыльнулся.

– Алло, Лера? Где ты? Что с тобой?!!

– Привет, – просипела я деревянным голосом и умолкла. Не было сил говорить, я мысленно молила операторов, чтобы разорвали соединение...

– Лерочка, Лера! Ну, скажи... где ты? Как ты?

Я быстро вытерла непрошенные слезы. Мой Андрей, дорогой, милый... Все обиды улетучились, стоило только услышать его голос.

– Нам надо встретиться, – пробормотала я, леденея, – сегодня в десять вечера, в старой водонапорной башне.

– Лер, – в голосе Андрея слышалось изумление, – Где ты? Где?!! Скажи, у тебя все в порядке?

– Нет, не все, – судорожно выдохнула я и захлопнула крышку телефона. Потом и вовсе отключила его, глянула на Эрика, – ну что, доволен?

– Доволен, – кивнул инквизитор, – теперь одевайся.

– Мы куда-то едем?

– В город. Покатаемся до вечера.

– А если меня увидят твои коллеги?

– Не увидят, не беспокойся.

Он поднялся и двинулся к выходу, невозмутимый как гранитный утес, а я так и осталась сидеть, сжимая в руках мобильник.

– Я тебя жду в машине, – обронил на пороге Эрик.

...И мы поехали.

До города никто не произнес ни слова. Меня знобило, прямо трясло, зубы клацали. Эрик демонстративно не обращал на меня внимания, с преувеличенным усердием следя за дорогой, а я, в свою очередь, прилипла к окну и старательно смотрела на мелькающие деревца и крытые серым шифером домики.

Не хотелось ни думать, ни двигаться. Напоминала о себе бессонная ночь в компании призрака и рыжеволосой ведьмы. Суевливыми мошками крутились в голове сотни вопросов – о прошлом Джейн, о казненном фальшивом колдуне... Я мысленно отгоняла надоедливые тайны, а перед глазами то и дело вспыхивали цветные картинки – Виндзор, Тауэр... А еще почему-то Шильонский замок, серая твердыня на Женевском озере. Господи, ну зачем мне все это? Я ведь никогда, никогда не просила ничего подобного – ни Дара, от которого только неприятности, ни своей «сверхчеловечности», ни, тем более, сомнительных друзей, на проверку оказавшихся совершенными мерзавцами. А что теперь будет с Андреем? Что, если Эрик его убьет?!!

Так. Все. Довольно.

Я с силой сжала пальцами виски, посчитала про себя до десяти. Вот, прямо сейчас, возьму и скажу Эрику, что даже под страхом смерти не буду участвовать в его авантюрах – но плывущий по дороге «Туарег» неожиданно и плавно причалил к тротуару.

– Выходи, – не терпящим возражений тоном приказал Эрик и тут же вылез из машины сам.

– Где это мы? – ох, не хотелось с ним разговаривать, после всего-то!

Я повертела головой: в двадцати метрах от дороги, за деревьями, виднелась глухая бетонная стена. Узкая дорожка, выложенная битой плиткой, начиналась от самого тротуара, огибала старую иву и мелкой гадюкой уползала куда-то в роскошные и нетронутые газонкосилкой лопухи.

– Городской морг, – после недолгого молчания пояснил Эрик. Ласково так, словно объяснял трехлетнему ребенку причину происхождения ушей у кошки.

Ноги мои прилипли к асфальту. Затем я невольно попятилась – обратно, к черному гладкому боку джипа.

– Зачем?

– Идем. Сейчас увидишь сама.

Я слотнула ставшую вдруг кислой слюну. Огляделась. Вот ведь странно – мы здесь оказались совершенно одни. Только что, казалось, шел по противоположной стороне дороги сутулый мужчина, и вдруг пропал, словно и не было.

Городской морг... Пожалуй, мне там делать было нечего – о чем я и объявила Эрику. Инквизитор приподнял удивленно брови. Он стоял в двух шагах, перекатываясь с пяток на

носки, спрятав руки в карманы черного кожаного пиджака. А затем во мгновение ока оказался рядом, вцепился мне в локоть и молча поволок по тропинке.

– Пусти! Что ты... делаешь?!!

Я вырвалась, метнулась к дороге. Мимо промчалась «девятка», обдав меня выхлопами... И тут железные пальцы Эрика вновь сомкнулись на предплечье.

– Помогите! – прохрипела я, отлично понимая, что никто не услышит, не придет и не поможет.

– Что это ты вытворяешь? – процедил мне на ухо Эрик, – последние мозги растеряла?!! Или забыла, что тебя по-прежнему разыскивает инквизиция? Это после того, как наш дружок разбросал по дороге кишки еще одного смертного?

Но я все еще не сдавалась.

Страх скрутил внутренности в тугой узел. Боже мой, ну нельзя мне, нельзя мне в морг! Там же мертвые, и если я туда войду...

А Эрик уже тащил меня по крошеву, которым была отсыпана дорожка.

– Зачем ты меня туда ведешь? Зачем?

– Ты должна кое-что понять, Валерия, – он поставил меня на ноги, встряхнул так, что клацнули зубы, – и должна кое-что увидеть.

– Я не хочу ничего видеть! – взвизгнула я.

И тут же – шлеп! – схлопотала пощечину. Боль оказалась настолько едкой и обидной, что из глаз ручьем хлынули слезы.

– Прекрати истерику, – Эрик протянул мне чистый и пахнущий духами носовой платок, – после того, что ты увидишь, все сомнения останутся позади.

...Дальше я брела за ним, на ватных ногах, понимая, что сейчас... или через двадцать минут... обязательно хлопнусь в обморок, и меня так и оставят валяться рядом с холодильниками, которые наверняка еще и не работают. Я зажала нос платком, но к горлу уже подкатил горький ком. Завтрак, будь он неладен.

Потом мы остановились перед низенькой дверью, обитой ржавыми железными листами, Эрик уверенно распахнул ее – и навстречу поднялась такая волна смрада, что перед глазами потемнело.

Дальше я плыла уже в густом тумане, поддерживаемая с одной стороны Эриком, а с другой – тощим паталогоанатомом, который любезно согласился показать нам кое-что в обмен на скромное пожертвование в пользу работников сего заведения.

– Где же он, где же он? – все бормотал санитар, – сколько их каждый день привозят-то... Да что же... все там будем... Ну куда же его положили?.. А, вот! Извольте. Только барышня того, зеленая уже вся.

И я увидела. Сначала бело-синее бедро. А затем, там, где должно было начинаться туловище – черно-коричневый провал, обрамленный острыми лоскутами кожи.

– Выпотрошили бедолагу, – издалека доносился голос санитара, – на поллитра-то дадите?

Голос этот плыл, накатывал волнами, шелестел мелкой рябью.

А взгляд мой полз и полз, выше и выше. До тех пор, пока не добрался до лица, которое когда-то... Было приятным лицом светловолосого паренька. Что он там покупал-то? Журнал «За рулем»... И был у него легкий немецкий акцент.

– Почто барышню пугаете? – санитар уплывал от меня, словно горящая свечка по реке.

Потом платок Эрика упал на пол, я наклонилась, чтобы поднять, и...

Я лежала прямо на земле. Над лицом светились жизнерадостной зеленью лопухи. В просветах между листьями виднелся черный пиджак и золотые часы «Радо». Сильно пахло нашатырем.

– Зачем все это, а? – я приподнялась на локтях, – почему ты только и делаешь, что меня пугаешь и мучаешь? Разве я чем-то провинилась? Или ты уже не можешь *по-иному*? Привык, да?

Эрик сидел рядом со мной, обхватив руками колени, подтянув их к груди. В молодой

травке запутался прозрачный пузырек, распространяющий резкий запах аммиачного раствора.

– Это то, о чем говорил Михаил, – тихо сказал он, не глядя в мою сторону, – еще одна жертва. Он продолжает использовать твой ментальный след, знает, что ты жива... Чего он добивается? Не знаю. Возможно, провоцирует инквизицию, чтобы продолжали поиски ведьмы Ведовой. Чтобы загнали нас, меня и тебя, в угол... Тогда ему будет легче уйти. Ведь никто не помнит, что я приходил к приговоренной ведьме. Никто не должен помнить...

– Эрик, – прошептала я, – не о том речь. Почему ты меня мучаешь? Ты меня ненавидишь? Но за что? За то, что я оказалась чересчур догадливой для только что родившейся ведьмы?

Он посмотрел на меня. В черных зеркалах отразилась я, растрепанная и жалкая. А когда стеклянная поверхность на миг покрылась трещинами, я вдруг почувствовала смертельную, безысходную тоску, которая, словно червь, глодала и глодала сидящее рядом древнее существо. И – опять зеркала. Эрик закрылся. То, что он показал, и так было непозволительной роскошью.

– Я пытаюсь донести до тебя одну мысль, – четко проговорил он. Поднял пузырек с нашатырем и сунул его в карман, – наш старина Яков очень опасен. Он и дальше будет убивать совершенно невинных людей. Он – сбесившаяся собака, которую должно пристрелить. Но для того, чтобы уничтожить Якова, потребуются жертвы. И твой... Андрей – он, возможно, станет одной из них. Если только не является нашим общим дружком, и не использовал тебя как маску. Скажи, можешь ты быть в нем уверена? Лично я в этом сомневаюсь... Но убийца будет найден, поверь.

Я закрыла глаза. Вздохнула. Есть люди, которых не переубедить и не уговорить. Эрик, судя по всему, относился именно к их числу.

– А если Андрей все-таки не Яков?

– Тогда мы приступим к поискам того паренька, которого ты самонадеянно пыталась приворожить.

– Не нужно его искать, – дыхание сбилось, и глаза защипало, – не нужно... ты только что... мне его показал.

Эрик снова положил подбородок на сцепленные пальцы рук и мечтательно уставился в пространство.

– Что ж... тем лучше. Круг сужается до Андрея.

– А если все-таки это не Андрей?

– Побеседуем с твоей подругой Ингой.

– Да ты совсем с ума сошел, – я вздохнула, – Инга, она же...

– Яков мог преобразиться, – инквизитор улыбнулся, – он знает, что по его следам идут.

– Джейн?

– Нет.

– А если и Инга всего лишь обычная ведьма?

– Тогда нам останется только одно средство, – неохотно сказал Эрик, – но мне не хотелось бы его использовать. Совсем не хотелось бы...

* * *

До вечера мы успели исколесить весь город, дважды перекусить в самых дорогих ресторанах, где на меня смотрели как на оборванку, и посетить умопомрачительный бутик – опять-таки, чтобы больше на меня «не смотрели как на оборванку». После визита в бутик на заднем сиденье «Туарега» хрустко шелестели цветные пакеты и шуршали коробки. Женская мечта, да и только – а у меня складывалось впечатление, что Эрик старается меня порадовать. Ну хоть чем-нибудь. Последний ужин для приговоренного к казни через повешение, последняя радость для неизлечимо больного ребенка. Под конец дня он затащил меня в ювелирный магазин и потребовал у продавца свой заказ, который оставлял на

доработку.

– К чему это? – я устало подняла на него глаза.

Эрик неопределенно пожал плечами.

– Потому что я так хочу.

– А оно мне еще понадобится? – скривилась я, – или один день могу и поносить?

– Не болтай глупостей, – Эрик нахмурился, – мне неизвестна ни одна женщина, которая бы отказалась от украшений.

В результате я обзавелась массивным перстнем из белого золота. В центре мятным холодком переливался крупный изумруд, а вокруг, по оправе, крошечными звездами мерцали бриллианты.

– Нравится? – инквизитор с интересом следил за тем, как я поворачиваю руку в свете витрины и рассматриваю перстень.

– Кажется, оно не было предметом первой необходимости, – съязвила я.

– Но оно может стать им в один прекрасный момент, – парировал Эрик и совершенно будничным тоном добавил, – девять часов, Лера. Пора.

Я зажмурилась. Да, да... Как же я могла забыть, даже на несколько минут – о том, что сегодня мы охотимся на Андрея? А перстень... Захотелось сорвать его и зашвырнуть куда подальше. Хотя глупости все это, и уж конечно, не остановит Эрика. В последнее время мне все казалось, что пытаться помешать этому порождению средневековья – все равно что стать на пути мчащегося локомотива. Я поежилась и отвернулась к окну: в густой темноте весеннего вечера плыли, смазываясь, разноцветные огни витрин, мелькали размытые силуэты прохожих. Что ж они расплывчатые такие? Ох, Лерка, Лерка. Тебе лишь бы всплакнуть...

Потом исчез яркий калейдоскоп городской ночи. Эрик припарковал машину у крайнего подъезда пятиэтажки, неподалеку от первого блока гаражей, кивнул мне повелительно – мол, вылезай. Я подставила лицо порывистому ветру, шмыгнула носом. В воздухе витал незабвенный аромат помойки, напоминающий о близости старой водонапорной башни.

– Ты пойдешь со мной?

И мне показалось, что в потемках глаза Эрика блеснули парой рубинов.

– Нет. Ты пойдешь, поднимешься на самый верх, на площадку... И будешь ждать там. А я... буду позже.

– Э...

– Что еще? – Эрик зашипел как рассерженный кот.

– А вдруг там... бандиты?

– Нет там никого, – он сказал как отрезал, – иди.

Я послушно побрела, спотыкаясь, оскальзываясь и хватаясь за шершавые стены гаражей – лишь бы не упасть и не уткнуться носом в зловонную кошачью тушку. В какое-то мгновение мелькнула мысль о бегстве, но была тут же отвергнута. От Эрика бесполезно бежать, будет только хуже. Ступеньки, ведущие ко входу в башню, искрошились, ржавая арматура торчала из-под бетонной трухи как ребра из разлагающегося трупа – тут мне пришлось сделать небольшой перерыв, чтобы слегка унять взбунтовавшийся желудок. На пороге я обернулась, поискала взглядом Эрика, но господин Крамер уже исчез, слился с подступающей ночью.

– Черт, – буркнула я сквозь зубы.

Заглянула в башню – внутри порадовали все те же горы мусора, едва освещенные отблесками далеких фонарей, что сочились сквозь круглые окна. Прямо от порога начиналась ржавая лестница, сваренная из арматуры, она винтом оборачивалась вокруг толстой трубы и вела наверх, к решетчатой площадке под огромной и пустой ныне бочкой. Я вытянула вперед руки – не хватало еще здесь упасть – и медленно двинулась внутрь. Что-то зашуршало, раздалось тихое «топ-топ-топ», а затем «кляц-кляц» коготком о камень. Крысы? Только этого мне не хватало...

Так, Лера. Остановка. Глубокий вдох. Спокойный выдох. Крысы уже разбежались от

звука твоих шагов. А теперь – аккуратно, неторопливо, вытягиваем вперед ручки и плетемся к лестнице... Чертов Эрик. Чертова его идея-фикс о мести бывшему другу. Чертовы консервные банки – это же надо было так загадить водонапорную башню? Ну и что, что пустую и никому ненужную...

Мои пальцы коснулись влажных и ржавых перил. Очень хорошо, Валерия. Прекрасно. А теперь – наверх, осторожно, чтобы шею себе не свернуть.

И я все-таки доползла наощупь к самому верху, выпрямилась на площадке, не отрываясь от заросших слизью перилец – уж лучше руки потом помыть, чем сверзиться отсюда, с такой-то высоты – а до земли метров десять, а то и больше. Потом набралась храбрости, одной рукой влезла в карман и извлекла мобильник. Табло электронных часиков светилось гнилушкой – без двадцати десять. Что я скажу Андрею? Или наоборот, попытаться выяснить, кто он такой на самом деле? Не стоит забывать то великолепное зрелище, которое являл собой спринтер в трусах, выпрыгнувший с третьего этажа...

Вдруг сердце замерло, пропустило один удар – и рвануло вперед как хорошая скаковая лошадь. Потому что внизу, у подножия лестницы и прямо подо мной, что-то захрустело.

– Лера? Ты здесь?

«Беги!» – завопила я мысленно, – «беги, спасайся!»

Но вслух, как будто кто-то чужой вместо меня говорил, получилось:

– Да. Поднимайся.

– Что ты там делаешь? – в голосе Андрея послышалось изумление, – Лерочка, с тобой все в порядке?

И, не дожидаясь ответа, он взлетел по шаткой, ненадежной лестнице. А еще через мгновение меня сжали теплые, крепкие руки, и губы мои ощутили тепло других губ... И вдруг все оборвалось, сгнуло.

– Лерка, – шепотом прошептал Андрей, пристально вглядываясь мне в глаза, – что они с тобой... Кто это с тобой сделал, кто?!!

Да, это был он. Все тот же красавец-блондин с блестящими глазами, в которых то шуршал бирюзовый штиль, то бушевал свинцовый шторм. И пахло от него так же, как тогда... В первую ночь на озере. И во взоре его хаотично плескались жалость, страх, горечь утраты – Боже, от этого стало так больно... почти как после... после укола в вену...

– А что... со мной... не так? – прохрипела я, отчаянно цепляясь за пиджак Андрея.

– Что не так?... – едва слышно выдохнул он, – неужели ты не заметила? Что с твоим ментальным полем, Лера? Кто все это с тобой проделал? Ты же становишься... чудовищем!

Мои ноги подкосились, но я все еще не выпускала Андрея. На его щеках что-то блеснуло... слезы?... Может быть, даже слезы раскаяния? Не слишком ли поздно?!!

Я прикусила губу. Только бы не расплакаться. Только бы не раскиснуть окончательно, только не теперь...

– Почему. Ты. Убежал.

– Ты меня никогда не простишь, да? – он торопливо опустил взгляд. Затем порывисто прижал меня к себе, – моя милая, моя бедная девочка...

– Тебе даже не снилось, что пришлось пережить твоей бедной девочке, – я резко высвободилась, – почему ты убежал, Андрей? Почему?!! Это ты... убил тех людей? А может быть, ты вовсе не Андрей, а? И твое имя – Яков?..

Он попятился, но я не отставала. Кажется, выкрикивала что-то бессвязное, медленно погружаясь в пучину гнева – и дьявольским оком сверкал на пальце изумруд.

– Лера! Лера, погоди, ну же... – и я забилась в железных объятиях, пытаюсь вырваться и одновременно не желая этого.

– Моя бедная девочка, – повторил Андрей, – о чем ты? Что за бред, что за Яков?

На мгновение внутри водонапорной башни повисла тишина. А потом она разбилась, разлетелась тысячью острых осколков –

– Как трогательно, – сказал Эрик.

Он поднялся совершенно бесшумно. Или же мы просто не слышали его. Словно

вылившись из мрака, он шел к нам, сгусток черноты с неестественно белым лицом, и таким же непроглядно-черным было его сердце, обернутое в пронесенную сквозь века ненависть.

Андрей резко повернулся к инквизитору, загораживая меня своим телом, а затем – негромко и совершенно спокойно спросил:

– Лера... так ты теперь... с ними?..

Я промолчала, и Андрей терпеливо повторил свой вопрос.

– Это ловушка, да, Лер? На меня объявили охоту?

Господи, броситься бы вниз головой с этой площадки, чтобы исчезнуть, чтобы не видеть его красивого лица, чтобы не слышать ледяного презрения, змейкой просочившегося в интонации...

– Яков? – ласково прошелестел Эрик, – ты ли это, мой добрый друг?

И я поняла, почувствовала всем телом, как на Андрея покатилась волна смерти.

* * *

Это сложно объяснить. Это невозможно понять тем, кто никогда не ощущал на себе тяжесть Дара, кто ни разу в жизни не пытался силой мысли переносить предметы. Но в тот миг, когда Эрик отпустил на свободу *нечто*, я просто увидела мчащееся на нас темное облако, сотканное из праха, пепла и голосов мертвых. Я – увидела и поняла. Андрей же... Ничего не почувствовал, даже не моргнул, хотя башня содрогнулась до самого основания.

Пресловутый тест, которым Эрик и Джейн могли вычислить Якова, сработал как положено – то есть Андрей оказался просто Андреем, без двойного дна, без сводящих с ума старинных тайн. Яков... он бы, несомненно, попытался защититься. Или бежать. Или напасть на Эрика – но в любом случае он бы понял, что на его драгоценную жизнь покушаются. А стоящий передо мной ведьмак попросту не осознал, что собственно происходит.

...Но, выходит, Андрей был невиновен?

... И, получается, раз уж я стояла за ним, то тоже должна была погибнуть?!!

– Эрик, – гаркнула я, – это не он!

Инквизитор и ухом не повел. Последнее, что я увидела, была его дьявольская полуулыбка и выброшенная вперед рука с растопыренными пальцами. А сама я... решение было принято почти мгновенно. Наверное, страх был и останется самым лучшим катализатором ведьмовской инициализации, потому что башня качнулась во второй раз – и я вновь увидела фиолетовую завесу с белыми прожилками, и почувствовала тело Андрея, как будто он был продолжением меня. Что дальше-то? Оградить, уберечь... Хватит бесполезных смертей, и если Эрик это не может понять – сам виноват.

Андрей действительно был частью меня, окутанный моим *коконом души*, моим ментальным полем, и когда в нас ударила гибельная волна, я закричала – любой завопит, если его облить горящим маслом. Толчок в грудь, на уровне солнечного сплетения... И, перевалившись через перильца, или даже проломив их – я так и не поняла тогда – мы падаем, падаем, падаем...

– Лера! – кажется, это кричал Эрик, но я не была уверена.

Спина моя с хрустом врезалась в кучу гниющих отбросов, какая-то железка распоролла руку от запястья до локтя. А сверху меня припечатало тяжеленное тело Андрея. Наверное все-таки живого, потому что он тотчас же оттолкнулся от меня, вскочил на ноги, и... метнулся тенью к выходу из башни.

Я застонала. Господи, как же больно... особенно когда тебя предают уже во второй раз. После того, как я спасла его жизнь, он попросту взял – и смылся.

Еще через мгновение на моем горле сомкнулись стальные пальцы инквизитора.

– Дура! Ты что творишь? Да я тебя своими руками... придушил бы... Совсем умом повредила?

Перед глазами замельтешили цветные пятнышки. Я дернулась, как мышь, попавшаяся в

мышеловку.

– Пу...пусти!

И также внезапно Эрик обмяк, отшатнулся от меня – в черных глазах явственно мелькнул страх.

– Сумасшедшая, – выдохнул он и громко выругался по-немецки, – ты чуть не разбилась! Зачем полезла закрывать этого мальчишку?!!

Я откашлялась, кое-как оперлась на здоровую руку.

– А я не позволю тебе убивать невинных. Вот так.

– Это Андрей твой невинный? – Эрик очень быстро взял себя в руки, – а ты у него самого не пробовала спросить, как он сто лет прожил?

– Ага! Так ты теперь признаешь, что это не твой личный враг? – я покосилась на рукав. Он пропитывался кровью, и это было плохо, очень плохо...

– Я бы не смог остановить воздействие, – сказал Эрик.

– Значит, и меня на алтарь мести?!!

– Дурочка ты, Валерия, – он хмыкнул, – с тобой бы ничего не случилось...

– А я тебе не верю.

– Не верь, – Эрик протянул мне руку, – пойдем-ка, дорогая.

В который раз мне хотелось расцарапать ему физиономию. Но вместо этого я вцепилась в жесткую ладонь, поднялась из кучи мусора. Руку дергало болью так, что перед глазами то и дело темнело. На выходе из башни я пошатнулась, и Эрик подхватил меня на руки. Попробовала сопротивляться – бесполезно. Да и силы катастрофически быстро таяли, как сливочное масло на солнце. В висках бухало, сердце саднило – Андрей убежал. Убежал... Как в тот раз. Боже мой, так значит, я для него – пустое место? Так, мимолетное увлечение на пару-тройку ночей? Если бы он... любил меня хотя бы чуть-чуть, то остался бы...

– Давай, помогу куртку снять, – буркнул Эрик, – черт, как ты ее разворотила... А если бы на арматуру нанизалась, а? Об этом ты, конечно же, не думала! Ты мне нужна живой, слышишь? Смотри на меня, не засыпай.

И тогда я спросила:

– Почему Андрей сказал, что я становлюсь чудовищем?

Эрик разорвал рукав моей рубашки, достал из дорожной аптечки перекись водорода и бинты.

– Придется немного потерпеть... Ну, как тебе объяснить? Во-первых, Дар у тебя не слабый, я бы так сказал. Во-вторых – редкий. Когда знак проклянется окончательно, думаю, тебе цены не будет. Ну, и в-третьих...

Он замялся.

– Что?

– Многое зависит от того, как проходит инициализация. Любовь и ненависть, радость и страх – все это дает разные результаты, – осторожно сказал Эрик. И отвел взгляд.

– Ты сам... чудовище, – прошептала я, откидываясь в кресле, – поэтому и растишь... подобных себе.

– Джейн пришлось еще хуже, – заметил инквизитор, пеленая мое предплечье, – Все, Лера. Возвращаемся домой, прогулка окончена.

...Ночь я промаялась с рукой. Даже укол чудодейственного по словам Эрика «кеторола» не помогал... Так и до заражения крови было недолго. А когда все-таки задремала под утро, разбудил меня железный грохот, словно кто-то молотил ломом о фигурное литье ворот.

– Эрик! Тварь, отпусти ее!!! Слышишь? Я не уйду отсюда без нее! Открывай! Иначе твои приятели все узнают!

Я поперхнулась воздухом и кое-как села на кровати. Сквозь приоткрытое окно доносился голос Андрея.

...Итак, он нас нашел. Уж не знаю как, не иначе – рысил вслед за джипом. Чепуха какая-то. Но факт оставался фактом: Андрей появился у ворот жилища Эрика и стал требовать меня. П-ф-ф-ф. Ну и нахал. И это после того, как дважды бросил свою «прекрасную даму» в руках врага!

Но сердечко не обманешь, и ему же, родимому, не прикажешь. Вот Андрей прижимает меня к себе, словно драгоценность, целует – а затем, почувствовав неладное, отшатывается как от прокаженной... И ведь хочется, даже теперь, прикинуть щекой к мягкому шелку рубашки, впитать тепло его тела. Стоять на берегу пруда и смотреть, как мерцают в небе звезды, как медленно плывет луна сквозь редкие обрывки облаков.

Н-да. Вот и приехали.

Я поймала себя на том, что сижу на кровати и хихикаю, накручивая прядку на палец. Пострадавшая рука ниже локтя была в еще более плачевном состоянии, чем вечером: мало того, что с каждым ударом пульса по ней будто колючей проволокой елозили, так еще и бинт пропитался кровью, застыл бурой неприглядной коркой. Черт, мне бы в больницу, да отлежаться бы – и вместе с тем я прекрасно понимала, что должна подняться... вот сейчас же... и выйти из комнаты. К Андрею. Потому что оставь я их вдвоем, ну, Эрика и Андрея, исход может получиться летальный. И не нужно гадать, чье тело будет зарыто в саду под яблонькой.

Ругнувшись, я кое-как сползла с кровати. Мужчины, черт бы их побрал!.. Голова кружилась, кофейно-молочная спальня так и раскачивалась перед глазами, словно детская колыбелька. Пришлось здоровой рукой придерживаться за тяжелое кресло, и этой же рукой стягивать ночную сорочку, а затем облачаться в приобретенную вечером рубашку, клетчатую, из теплой фланели. Изумруд в перстне озорно подмигивал, напоминая о давешнем происшествии, а мне даже показалось, что стал он ярче, набрался травяного сока... Господи, только галлюцинаций мне не хватало!

...В общем, я оделась. Глянула на себя в зеркало и, к собственному изумлению, увидела там не измученное и растрепанное существо, а этакую готичную красотку, смертельно бледную, но с таинственно сияющими зелеными глазами, с небрежно рассыпавшимися по плечам локонами, бледно-розовыми, но очень и очень аппетитными губами – тут же вспомнилось незабвенное явление сестер графа Дракулы Джонатану Харкеру. Я на всякий случай пригляделась к собственным зубам – нет, слава Богу, хоть здесь было все в порядке.

А тем временем грохот и вопли у ворот продолжались. Андрей не собирался отступать, а Эрик не торопился открывать, делая вид, что «никого нет дома».

– Сволочь! Я тебя убью, если хоть волос упадет с ее головы! – донеслось сквозь окно, а я нервно хихикнула. Кто бы говорил, а? Сам-то хорош, дальше некуда!

И, сделав вывод о том, что пора прекратить этот балаган, я неуверенно двинулась к двери. Спальня продолжала раскачиваться и кружиться перед глазами, здоровой рукой я придерживалась за стенку. Так, еще немного, и...

– Ну ты и гад ползучий.

Я оказалась предусмотрительно запертой в собственной спальне. Вероятно, чтобы исключить всякое вмешательство «слабой и неразумной женщины» в разговор двух мужчин.

...Наступила тишина, тревожная, гнетущая.

Андрей умолк. И – раздался легкий скрип ворот. Просто замечательно! Моему принцу так не терпелось оказаться зарытым под яблоней?!!

«А ведь Эрик с легкостью от него отделается», – подумала я, – «свидетели ему не нужны, а уж свидетели моей второй жизни – тем более...»

Днем раньше я бы и раздумывать не стала, вылезла через окно и вернулась бы в дом через входную дверь. Но сейчас – о, мне бы доползти до кровати! – сейчас было не до подвигов. Перебросить ногу через подоконник для меня казалось чудом эквилибристики, а

уж что до второй ноги... Я снова повернулась к запертой двери. Ну, Лерочка, не пора ли испробовать твой Дар на деле? В конце концов, он должен был принести и некое моральное удовлетворение своей обладательнице, а не только синяки да шишки.

И на сей раз, я удивительно быстро вспомнила то состояние, когда перед глазами колыхается сиреневая шторка, а весь мир есть продолжение самой меня. Уроки Эрика не прошли даром, он оч-чень умело подстегнул ход инициализации. Еще бы придумать название такому состоянию души и тела... Волеизъявление? Нет, как-то криво звучит...

Мысли неторопливо крутились в голове, а механизм замка тем временем послушно щелкал, как кубик «рубика» в умелых руках. Дверь послушно растворилась, и я заторопилась прочь из комнаты. Хорошо бы успеть – до того, как случится непоправимое.

* * *

Не доходя до гостиной, я остановилась. Вместо гневных криков, грохота ломаемой мебели, хлопанья дверьми и взаимных угроз до меня доносился спокойный, будто вымеренный разговор. Я не видела двух колдунов, но тут же представила себе Эрика, прислонившегося к нежно-голубой стене. Скрестил руки на груди и наблюдает за взволнованным и растрепанным Андреем, который нервно бежит от стены к стене и все не может остановиться.

– Это смелый поступок, явиться сюда, – услышала я насмешливый голос Эрика, – а для тебя, ведьмак, *особенно смелый*, учитывая то, как ты неподражаемо удираешь в самый ответственный момент.

– Я знаю, – ответил Андрей. А я почти увидела, как он проводит пальцами по непокорной челке, отбрасывая ее назад, – точно так же, как и то, что... могу вообще не выйти отсюда...

– Откуда такой пессимизм? До сих пор твоя сноровка делала тебе честь...

– Но я не уйду без нее! – шаги затихли, наверное, Андрей остановился посреди гостиной, – зачем она тебе? За-чем? Я слышал, что Леру казнили, но не верил. А на самом деле все оказалось гораздо хуже. То, что она живет у тебя. То, что вы с ней делаете...

Эрик вздохнул.

– Тебе известно, в чем ее обвинили? А-а, ну вот видишь, об этом ты тоже знаешь. Валерия Ведова действительно умерла для общества... До тех пор, пока не будет найден и казнен истинный виновник.

– И все это время ты будешь ее держать при себе?

– Ты на удивление здраво рассуждаешь, – Эрик хмыкнул, – так что уходи.

– Нет. Я не выйду из этого дома без нее, – голос Андрея напряженно зазвенел, а мое сердце затрепетало.

Я вдруг снова увидела нас на берегу пруда, низкие и крупные, словно алыча, золотые звезды. Далекое, мимолетное счастье! Осознание того, что даже невзрачная Лера может быть любимой и желанной...

– Чепуха, – строго ответил Эрик, – сейчас ты выйдешь отсюда, совершенно самостоятельно, сядешь в машину и уедешь. Более того, ни словом не обмолвишься кому бы то ни было о местонахождении Валерии... Потому что от этого зависит ее жизнь. Да и твоя тоже, ведьмак.

– Нет.

Слово, одно-единственное, упало как булыжник в полынью – по темной воде пошли круги. Волны раздражения, злости, недоверия... Воздух начал потрескивать, словно от электрических разрядов, и я почувствовала, как вокруг Эрика собирается нечто мутное, страшное... Кокон, сплетенный из черных нитей. Кокон души...

– Ну, давай, чего ты ждешь? – хрипло спросил Андрей, – я никуда не бегу, как видишь...

– А кровь моя останется на твоих руках, – скороговоркой закончил Эрик, – как

пафосно, черт возьми!

И вдруг, отлепившись от стены, инквизитор двинулся ко мне.

– Пусть Валерия сама решит, где ей находиться, – обронил он на ходу, – мадемуазель Валерия, можете выходить. Подслушивать некрасиво, воспитанные девочки так не делают.

...Я поняла, что краснею. И ведь ничего с этим не поделаешь: кровь прилила к щекам, кожу закололо мелкими иголочками. В забинтованной руке опять заелозило колючей проволокой, пришлось дышать глубоко и часто, чтобы разогнать собравшихся перед глазами серых мошек. А затем словно ледяной водой в лицо плеснули, и Эрик, донельзя похожий на ученого ворона в очках, осторожно взял меня за плечи. Одними губами произнес:

– Иди, там тебя ждут.

Потом он легко подтолкнул меня к порогу, а сам развернулся и ушел прочь, почти бесшумно шагая по солнечному паркету. Я сделала глубокий вдох как перед прыжком в воду... Что ж, это мудро – взвалить на мои плечи всю ответственность за принятое решение. Я переступила через порог гостиной.

Там, у античной напольной вазы, меня ждал Андрей. Он ничуть не изменился: все тот же пиджак цвета серебристой ели, безукоризненная сорочка, дорогой галстук... Пшеничные волосы, солнечными прядями падающие на загорелый лоб, упрямый подбородок, глубокая складка меж широких бровей. Но глаза потемнели от горя, и цветом уже не напоминали спокойную гладь Средиземного моря – скорее, бушующий океан страхов и ныне мертвых надежд.

– Лера! – едва слышно выдохнул он и сделал шаг в мою сторону. Так, словно я... Увы. Словно я стала опасным хищником, к которому и приближаться можно было только с опаской, а еще лучше – с кнутом или пистолетом.

Принять это оказалось настолько тяжело, что я с трудом заставила себя ответить. Но в то же время, в один-единственный миг, мне стало ясно: мы никогда уже не сможем относиться друг к другу так, как раньше. Пропасть разверзлась под ногами, а мы... мы с Андреем оказались двумя сухими щепками, которым было не под силу пересечь бездну.

И глупо думать о том, что кто-то кого-то спасал. Я спасла его, он – пытался помочь мне, вызволяя из пещеры монстра, при этом едва не теряя сознание от ужаса. Все это теперь походило на дешевую мишуру. Или на осыпавшиеся по осени листья – когда иллюзия золотого дерева крошится глиняными черепками, а остаются голые, черные ветви, уже спящие и готовые встретить первый мороз.

– Привет, – прошептала я, бочком подбираясь к креслу.

И замолчала. Сил говорить не было, да и говорить было не о чем. Теперь... не о чем...

Я села, положила руки на колени и спокойно взглянула на Андрея.

А он вдруг стиснул кулаки и простонал:

– Я убью его! Что он с тобой сделал?!!

– Да ничего особенного, – я пожала плечами.

Наверное, нужно было волноваться, расплакаться, в конце концов... Но слезы высохли, а душа моя постепенно впадала в спячку в ожидании новой весны.

– Ты не понимаешь, Лера! – Андрей вдруг метнулся ко мне, стал на колени, заглянул в глаза, – когда я увидел тебя впервые, ты была прекрасна, а еще не открывшийся Дар освещал твое лицо небывалым светом. Ты могла... могла стать величайшей из целительниц... если бы только...

Он осекся, пристально всматриваясь в мое лицо. А я застыла под его взглядом, прислушиваясь к собственному сердцу – вдруг еще не все потеряно?.. Нет, похоже, все...

– Почему ты молчишь? – пальцы Андрея легли на мои, – я пришел, чтобы забрать тебя отсюда. Еще можно спасти то, что осталось, и ты проживешь нормальной человеческой жизнью... насколько это будет возможно.

– А что со мной не так?

Он держал мои руки в своих, по запястьям растекалось приятное тепло – и не более того.

– Твой знак ведьмы, – Андрей скривился, – я не могу сказать, на что он будет похож в итоге, но слишком уж он темным становится. Страх, отчаяние, злость. Вот что я в нем вижу. А тогда... Были свет и любовь.

Я пожала плечами. И что нового мне сказал Андрей? Я уже и сама догадалась, что Эрик терпеливо лепил из меня собственное подобие, теми же методами, какими лепили его самого. Наверное, по-другому не умел и не хотел.

– Почему ты убежал? – тихо спросила я, глядя на руки... которые когда-то была готова покрыть поцелуями.

– Что?!! А-а, тогда... – Андрей смутился. Опустил глаза. – я испугался, Лер. Очень испугался. Думал, что пришли за мной – а уж за тобой не должны были явиться в любом случае. Откуда мне было знать, что тебя обвинят в убийствах?

– Понятно, – прошептала я и опустила голову.

– А тогда, в водонапорной башне, я был уверен что ты стала приманкой, – пробормотал ведьмак, – я едва с ума не сошел, зная, что ты в руках этого...

– Но ты даже не пытался меня искать! – я выдернула свои руки из его, – тогда, когда меня схватила инквизиция... Ты ничего не предпринимал, ты не пытался доказать мою невиновность!

– А что я мог сделать? – он развел руками, – один против всей городской инквизиции?

Я задумалась.

Что плохого в том, что человек испугался, убежал, а меня бросил? Наверное, ничего. И осуждать не стоит. Он ведь не думал, что так все повернется. Да и теперь вот, пришел, рискуя жизнью, чтобы увести меня туда, где тишина, покой, любовь...

Но – там терпеливо поджидал меня и Яков Шпренгер. Да еще и Михаил, уверенный в том, что Валерия Ведова чудесным образом ожила и продолжает резню. А еще... Там больше не было любви. Все умерло, выгорело, замерзло. Из основания пирамиды выбили камень, и она превратилась в бесформенную грудю обломков...

– Уходи, – прошептала я.

– Что?..

Андрей наклонился ко мне, я почувствовала щекой теплое дыхание с привкусом мяты.

– Лера, ты что? Я тебя люблю, моя милая, моя дорогая девочка.

– Уходи, – беззвучно повторила я и закрыла глаза.

Чтобы собрать крохи силы, чтобы устоять перед колдовским взором, перед чарами простых прикосновений...

– Как мне тебя убедить? – донесся тихий шепот, – тебе здесь не место. Эрик – чудовище, о котором все мы ничего не знаем. Мы не знаем кто он, сколько лет прожил и откуда пришел. Чем он тебя купил?

Потом он наклонился еще ниже и поцеловал меня, нежно и страстно, как в ту ночь на пруду. Я зажмурилась.

– Уходи, Андрей. Уходи, уходи!!!

– Но почему?

Вместо ответа я замотала головой, закрыла лицо ладонями. Боль в руке становилась невыносимой, зубы начинали выстукивать барабанную дробь. Не жар ли у меня?..

– Хорошо, – вдруг сказал Андрей, – я уйду *сейчас*. Но вернусь... Я тебя не брошу больше.

Тихие шаги – и все замерло.

Задышавшись, я открыла глаза: Андрея в комнате больше не было, зато в дверном проеме застыл черный силуэт Эрика.

– Твой принц очень вовремя ушел, – зло процедил инквизитор, – еще немного, и я бы его убил.

– Ты его не убьешь, – я прижала к груди руку, пытаюсь унять грызущую боль, – я не позволю.

– Какая самонадеянность, – Эрик ухмыльнулся и тут же сменил тему разговора, – идем,

уколю тебе обезболивающее. Ты вся зеленая...

Андрей

Серые облака кувыркались на черном небе. Мокрый асфальт блестел, словно вскрытый лаком. Медленно ползли по земле аспидные тени, и раздражающе-ярко светила луна – мол, я тебя вижу, не уйдешь.

Но он и не собирался прятаться. Наоборот, вцепиться бы в блюдце луны зубами, разорвать ее в клочья – наверное, тогда стало бы легче, и не так болело бы внутри.

«Это все луна», – зло думал Андрей, торопливо шагая по узкой полоске тротуара. Там, где валяжно разлеглись тени пятиэтажек. – «от нее все беды, только от нее! Если бы только не луна, то...»

...То, возможно, сейчас Лера была бы рядом. Не осталась бы *там*, в доме цвета крови, не оттолкнула бы, а поняла и простила.

Он тихо взвыл от безысходной тоски, от боли, засевшей где-то в левом подреберье. Ну почему, почему, почему?! Почему она предпочла остаться с проклятым инквизитором? Неужели чувства умирают так быстро? И все это после того, как он заставил себя прийти в дом убийцы и палача, наплевав на собственную безопасность!

«Инга бы так не поступила», – думал Андрей, с ненавистью глядя в круглое око луны, – «она всегда была рядом... всегда, когда я в ней нуждался... Так, может, все оно и к лучшему? Вышвырнуть из сердца неблагодарную девчонку, а вместо нее принять старую и мудрую Ингу?»

И ему захотелось выть – по-настоящему, так, как воют волки. Упасть на колени в мокрую, упругую землю, вцепиться ногтями в луну и сорвать ее с неба.

Андрей остановился – «Да что ж это я? Так и с ума сойти недолго!» – и огляделся. Как странно: ноги сами привели его к городской водонапорной башне. Туда, где...

Она ждала его наверху, словно прекрасная принцесса своего принца. Все принадлежало Валерии – губы, глаза, волосы, гордый подбородок. И в то же время это было не ее, чужое, изменившееся почти до неузнаваемости. Что же они с тобой сделали, любимая? Как посмели смять чистоту лотоса, замарать белый свет широкими мазками черной краски? И – кто решился на такое?

«Она становится чудовищем», – Андрей вздохнул, все еще глядя на силуэт башни, – «и никто не в силах помешать! Разве что только...»

Но мысль, посетившая его, казалась невыполнимой – по крайней мере, в настоящий момент. Эрик был слишком силен, слишком хитер и... чересчур уж загадочен. Как правильно говаривали вольные ведьмы, никто не знает, кто он на самом деле, откуда пришел и что ему здесь нужно, в такой-то провинции.

«Тоже мне, инквизитор. А у самого ручки, небось, испачканы по плечо. Узнать бы, откуда он здесь взялся, да когда родился!»

Андрей кружил вокруг башни. Она притягивала его – крошащимся бетоном, торчащей во все стороны ржавой арматурой, мертвым провалом входа. А наверху, судорожно цепляясь за скользкие перильца, все еще стояла Лера. Его Лера...

Он стиснул зубы, чтобы не заорать. Навязчивый лунный свет душил, наполняя легкие густой слизью, заливая глаза кислотой, гоняя судороги по всему телу. И вдруг Андрей остановился. Затем, крадучись, подошел к стене ближайшего гаража: из-за угла доносились голоса. Оба низких, мужских...

– Давай, что ли.

– Бабки сперва, бабки. Потом товар.

Зашелестел полиэтиленовый пакет. Андрей принюхался: обострившееся обоняние уловило запах грязных рук, мятых, затисканных купюр, селедки, дешевых сигарет. А к ним примешивался запах дорогого одеколona, кожи и типографской краски. Типографской краской обычно пахнут новые деньги, отметил про себя Андрей.

– Как и договаривались, – сдержанно прозвучал первый голос, – держи. А это на поллитра.

– Хе, ну спасибо, уважил. Это тебе, значицца...

– Работает как надо? – в голосе появились ледяные нотки, – не подведет?

– А ты опробуй, по банкам за городом постреляй.

Андрей напрягся.

Он неслышно подобрался к самому углу гаража и осторожно выглянул – но увидел только черный край драпового пальто.

– Слышь, а мы тут одни? – вдруг забеспокоился обладатель второго голоса, – ты часом никого не привел?

– Я – нет. А ты?

– Тьфу, да к чему мне... Эй, эй! Ты что... гад?!!

Что-то звонко клацнуло и – несколько странных звуков подряд, напоминающих короткое громкое шиканье. Потом кто-то захрипел, кровь бросилась в голову Андрею. Он слишком хорошо знал, что означают эти звуки и хрипы. По-хорошему, надо было убраться отсюда, чтобы никто не заметил, но...

Проклятая луна. Она и здесь вмешалась, делая свое грязное дело.

Уже не в силах обуздать дикую ярость, рвущуюся из самого сердца, Андрей выскочил из укрытия. Он успел увидеть побелевшее лицо, желтое пятно рубашки в черных крыльях распахнувшегося пальто, пляшущий в непослушных пальцах пистолет с глушителем... И ударил. Изо всех сил. Так, как будто бил не незнакомого убийцу, а Эрика. Так, как будто полосовал горло предавшей его возлюбленной.

Он не заметил, как ржавая стена гаража покрылась бурыми потеками, не услышал, как перестал хрипеть незадачливый киллер, и остановился только тогда, когда луна скрылась за облаком.

Андрей несколько мгновений взирал на то, что осталось от человека. Он наконец пришел в себя, злость вылилась в бойню – но схлынула, оставив сосуд пустым.

«Черт, а?» – ведьмак стряхнул с рук тяжелые и липкие капли, – «ментальный след останется...»

А потом он вспомнил и успокоился. Ведь ментальный след можно засечь, если убийство было совершено посредством ментального поля, то есть силой волеизъявления колдуна. Здесь же... все было чуть по-иному. Андрей присел на корточки над телом жертвы, вынул из скрюченных пальцев пистолет. Затем пошарил в карманах пальто и извлек две обоймы патронов – а вот это уже знатная добыча.

Оглядевшись в последний раз, Андрей убедился в том, что вокруг не было ни души, и побежал прочь.

«В конце концов, тот, кто покупает оружие, покупает его не просто так. Наверняка бы этот тип в хорошем пальто собирался воспользоваться пистолетом, и еще неизвестно, сколько бы смертных отправились бы на тот свет. Так что даже хорошо, что я успел вмешаться», – размышлял он, мелкой трусцой продвигаясь к знакомому дому.

Отпугнув проснувшуюся нехстати шавку, Андрей нырнул в подъезд, понесся вверх по лестнице, перепрыгивая через три ступеньки. И, достигнув нужного этажа, позвонил, шепотом умолая:

– Инга, открой. Ну пожалуйста, открывай... Что ты так долго, а?

Замок щелкнул, и Андрей всем весом навалился на дверь – скорее бы прочь с лестничной площадки, где всегда могут быть любопытные глаза и уши.

– Инга, – виновато произнес он.

– Что? – неохотно отозвалась ведьма, включая свет.

И тут же зажала рот ладошкой, не давая крику вырваться на волю.

В розовом махровом халате и тапочках-кролика Инга выглядела такой уютной и домашней, что Андрею захотелось зарыться лицом в ее роскошные вишневые волосы – чтобы просто заснуть.

– Инг, прости, – пробормотал он, пряча глаза, – это все луна, я ничего не могу поделать. Ведьма отняла руки от лица, быстро подошла и обняла за шею. Она не обращала внимания на то, что черные клейкие сгустки остаются на нежно-розовых рукавах.

– Бедный мой, – пробормотала она, – что же ты наделал? Лучше бы ты провел эту ночь у меня. Тогда я бы смогла...

– Ничего бы ты не смогла. Я бежал. Хотел убежать от злости, от ревности, от ненависти.

– Ты так сильно ее любишь? – Инга внимательно посмотрела прямо в глаза, требуя ответа.

И Андрей кивнул. Затем положил на пол пистолет и патроны, кивнул на них.

– Вот, смотри, что я добыл.

– Лучше бы и не добывал, – хмуро ответила Инга, – зря ты все это, Андрэ, зря... Они тебя когда-нибудь поймают.

Вдруг ведьма спохватилась, попятилась.

– Что же ты стоишь? Проходи, сразу в душ, а то наследишь тут.

Андрей, не отрываясь, все смотрел на нее. Да, Инга понимала его как никто другой. Понимала, прощала и никогда не забывала, что лучше быть хорошими друзьями, чем плохими любовниками.

– Если ты действительно ее любишь, – тяжело произнесла ведьма, – то, наверное, мне следует сказать тебе одну очень неприятную новость. Я очень надеюсь, что ты примешь ее правильно, и будешь думать, как поступить дальше.

Андрей застыл на пороге ванной, где его ждали теплый душ и ароматное мыло. Хотя разве смоешь мылом кровь? Нет. Кровь смывается только кровью.

– Что за новость?

– Судьба Валерии, – Инга махнула рукой, – ну иди, иди. Небось, и в подъезде наследи.

...Андрей долго сидел под душем, сонно наблюдая за тем, как постепенно светлеет стекающая в белую ванну вода. Сперва – грязно-розовая, затем – чуть подрумяненная и, наконец, чистая, прозрачная. Он едва не заснул; после всплеска лунной злости накатывала усталость. Но вовремя постучалась в дверь Инга с вопросом, все ли у него в порядке, и Андрею пришлось покинуть теплый и чистый мирок полотенец и кафеля. Ведьмак облачился в длинный махровый халат, с отвращением оглядел себя в зеркале – видок еще тот, как после недельной попойки.

Инга уже была в постели. Андрей молча забрался под одеяло и прижался к ней словно щенок к теплому маминому боку. Наверняка и сам он также прижимался к своей матери, но это было так давно, что Андрей уже не помнил.

– Что, совсем фигово? – осведомилась Инга.

В темноте ее глаза настороженно поблескивали.

– Я не знаю, что мне делать дальше, – пробормотал он, принюхиваясь к знакомому аромату духов.

В ответ донесся шепот:

– Я тоже не знаю, Андрэ. Но у меня очень стойкое ощущение, что пока жива Лерка, мне тоже угрожает нешуточная опасность.

Андрей вскинулся.

– Эрик?..

Но Инга замотала головой.

– Не знаю. Правда не знаю. Кажется, друг мой, что жизнь моя помаленьку подходит к концу. Я стараюсь не думать об этом, но... как не будешь думать?

– А что с судьбой Леры?

Ему показалось, что Инга разочарованно вздохнула. Как будто ожидала услышать от него что-то другое, *совсем* другое.

– Ты о ней не забудешь, да? – ведьма помолчала. А потом, так и не дождавшись ответа, сказала, – тогда слушай...

Длань Правосудия

...То был странный день. После того, как уехал Андрей, я оказалась предоставленной самой себе. Эрик уединился в кабинете, когда я проходила мимо, то услышала как он с кем-то раздраженно спорит по телефону. Мне удалось разобрать только «не лезь не в свое дело», а затем Эрик стал говорить тихо, видимо, почувствовав мое присутствие.

За окном стоял пасмурный день, собирался дождь – небо обложили серые, низкие тучи. Рука моя болела нещадно, игнорируя инъекцию кеторола, температура наверняка перевалила за тридцать семь, но градусника в обозримом пространстве не было, а обращаться лишний раз к хозяину дома не хотелось.

Я вернулась в спальню, легла, не раздеваясь прямо на шелковое покрывало цвета кофе с молоком. Наверное, я заснула – но пришедшие сновидения были настолько реальны, что даже много лет спустя я искренне считала их не только эфемерными видениями.

...Я лежу на кровати, глаза открыты. Тишина в комнате, тишина в доме – словно Эрик отлучился ненадолго. Ведь когда инквизитор в пределах особняка, не бывает такого мертвого, пустого молчания. А сейчас я, пожалуй, совершенно одна. В пижаме с утятами, с перебинтованной рукой, которая выпивает все силы. И вдруг начинает открываться дверь. Сперва плавно поворачивается никелированная ручка, щелкает послушно замок... А я продолжаю неподвижно лежать, с равнодушием ожидая того, кто сейчас войдет.

Мне не было страшно, а сон не был кошмаром. Я действительно ждала кого-то... Близкого, понятного. Не врага.

И он вошел: высокий, плечистый. Кремовые брюки с наглаженными стрелками, белоснежная рубашка с коротким рукавом, открывающая взгляду крепкие загорелые бицепсы. Кистей рук почему-то я не разглядела, хотя, конечно, руки были на месте. Я подняла глаза и очень спокойно уставилась на размытое пятно вместо лица. Да-да, незнакомец из сна, с другой планеты! Но страха не было. Я смотрела на него с интересом, как будто он должен был сообщить нечто важное – не только для меня, для всех нас...

– Ждешь? – спросило меня это пятно.

Я кивнула.

– А я вот что подумал. Оставлю-ка я тебе жизнь, Лера. Вы можете искать меня сколь угодно долго, но никогда не найдете. Мне нет резона убивать Генриха.

А-а, так вот значит кто этот человек без лица!

Впору бы испугаться – но нет. Где-то в глубине души я точно знала, что сейчас... именно в эти мгновения Яков Шпренгер не причинит мне никакого вреда.

– Но он тебя разыскивает, – собравшись с духом ответила я.

– Он может меня разыскивать также долго, как будет стоять этот мир, – в голосе змейкой скользнула насмешка, – это его право. Мне же он не нужен. Разве стала бы ты рисковать собой, чтобы сохранить пустую консервную банку? Нет. Вот и он для меня... все та же банка. Я ему нужен, он мне – нет. Так что, леди и джентльмены, можете искать меня и дальше. Меня же нынешнее положение вещей вполне устраивает.

– И даже то, что мы связаны?

Яков пожал плечами.

– И что с того? Не стоит себя переоценивать, Валерия. Ты болтаешься на мне подобно мерзкому клещу, не буду отрицать. Но ведь это можно и потерпеть. В конце концов, все люди смертны, а молодые ведьмы в особенности. Что мне твоя жизнь против того, что было мной прожито? Тем более... тем более, что рана твоя медленно сводит тебя в могилу.

Перед глазами поплыло. А потом вдруг я увидела себя на дне глубокой ямы, сырой и холодной. Узкой настолько, что даже наклониться представлялось невозможным. Голубой квадрат неба сверху, пласт чернозема, ниже – коричневая глина, за ним – слой мусора, неведомо как сюда попавшего. Из земли, со всех сторон торчали корешки, тонкие, толстые. Я ухватила здоровой рукой за толстый корень, подтянулась, уперлась коленками в колкуню

земляную стену... Еще чуть-чуть, и... Выбросила вверх перебинтованную руку, но ослабевшие пальцы скользят, а на предплечье стягивается колючая проволока, выжимая слезы из глаз...

– Держись! Я тебя вытащу!

Вдруг в голубой рамке неба появилось знакомое лицо. Зеленые глаза дикой кошки, рыжие волосы, заплетенные в две тугие косички... Джейн!

– Держись, давай руку...

И она вцепилась в мою ладонь. Я завопила, слезы брызнули из глаз – господи, да уж лучше сидеть в яме, чем терпеть такое.

– От...пусти!

– Я тебя вытащу, – быстро повторила Джейн, – терпи.

...И я оказалась снова в спальне. Ни Джейн, ни Якова, ни моей могилы. Как будто мне приснилось что я проснулась – такое бывает, реальность мешается с иллюзиями. А может быть, и нет никаких иллюзий? Говорят, что во время сна наша душа путешествует по множеству существующих реальностей, и какие-то из них – наше будущее, а какие-то – уже пережитое и неисправимое прошлое... Но, разжав здоровую руку, я увидела сережку Джейн, а под ногтями было черным-черно, как будто я руками рыла землю.

– Джейн, – прошептала я. Или мне приснилось, что я прошептала.

И тут же снова распахнулась незримая дверь, обрушивая на меня то, что помнила одинокое, потерявшее пару украшение.

...Таверна эта в предместье Базеля еще помнила ужасы чумового поветрия. Она горела не один раз, и все равно отстраивалась, вырастала вновь из пепелища подобно фениксу – хотя, конечно же, куда больше походила на альва, корявого и приземистого, чем на сверкающую бессмертную птицу.

Внутри, ранним утром, было пусто и тихо. Стены, покрытые слоем грязи и жирной копоти, земляной пол, в котором навеки остались втоптаннные кости, столы, над которыми с интересом вились изумрудные мухи.

Мария... Ох, нет, Мария давно покоится в родовом склепе... Джейн сидела в углу, слепо глядя в наполненную водой кружку с отбитой ручкой. Первую неудачу тяжело пережить. Как смотреть в глаза Наставнику? Как сказать о том, что враг ускользнул, оставив на своем месте демона? Дар, неиспользованный дар палача скребся под грудиной словно живая личинка, требовал выхода. Казалось, еще чуть-чуть, и разорвет когтями живот, вырвется наружу, разбрызгивая кровь по засаленной лавке... Но нет. Наставник учил, как сдерживать свой Дар и одновременно свое проклятье. Это ведь просто, думать так, словно ничего и не было. Как будто не просыпалась она в каменном гробу, как будто не ломала ногти в отчаянной попытке выбраться, как будто не кричала, не звала Бога. И Он пришел, спас. Наставник, человек без имени, в простой коричневой рясе. Во взгляде его было искреннее, неподдельное сострадание, и бурчал он – мол, если бы не ночь, проведенная в каменном саркофаге, вызревший Дар был бы совсем другим. А так Джейн стала просто палачом, подобием своего карающего меча. Ну, а Дар – его можно стреножить, спеленать и усыпить, до поры до времени. Пока не покажется истинный враг, богомерзкая тварь, которую нужно было уничтожить.

Она неподвижно сидела – щуплый рыженький паренек – и почти не ощущала веса кольчуги. Привыкла за время путешествия, а ведь поначалу коленки подгибались и спину ломило... Сидела и все пыталась высмотреть на дне кружки грядущий путь. Но – отвлекли, протяжно заскрипела тяжелая дверь, и в зал ввалился монах-доминиканец, круглый как шар, ряса под мышками и на спине потемнела от пота, тройной подбородок трясется...

Джейн вздрогнула. Монах переваливался с ноги на ногу у порога и смотрел на нее совершенно бесстыдным, оценивающим взглядом. Ах, посмей он так смотреть на нее раньше, в прекрасном Виндзоре! Голова бы уже красовалась на острие пики, не меньше.

«Но я же рыцарь?» – Джейн тряхнула коротко обрезанными вихрами, вызываясь вздернула подбородок и руку положила на рукоять меча.

Монах двинулся к ней по-утиному, размахивая толстыми, потными руками.

«Ну так я тебя проучу по-рыцарски!»

Она так ничего и не успела предпринять.

Жирное тело слуги Господнего вдруг обрело ловкость охотничьего пса; грациозно склонившись к столу, он быстро пробормотал:

– Ищи в Шато де Шильон. Под основанием замка, отдельно от прочих узников.

И, крутнувшись на одной ноге, монах поспешил к выходу. Торопился он так, словно боялся быть замеченным кем-либо, кроме одинокого рыжего паренька.

Шато де Шильон...

Джейн слышала об этом месте, о неприступной твердыне на озере. Даже Наставник любил вспоминать годы, проведенные в каменных казематах, там, где холод скалы выпивает из тела самую жизнь, и где к столбам прикованы пленники...

Она хотела броситься вслед за монахом, чтобы расспросить его как следует – кто таков, кто подослал... Но внезапно передумала. Доминиканец очень боялся, что его заметят или запомнят. Ну, а в Шато де Шильон добраться можно. Осталось только найти того, кто мог бы вскрыть любой замок.

...Я открыла глаза. Теперь уже по-настоящему проснулась. Ногти чистые, в руках – ничего. Значит, все это приснилось? Яков, человек без лица, Джейн, туша неизвестного доминиканца, засиженная мухами таверна...

И вдруг медленно, очень осторожно повернулась дверная ручка. Я опустила ресницы – если это Эрик, пусть думает, что сплю.

– Эрик, ты просто идиот, – в сердцах сказала Джейн, – ты ее губишь. Зачем ты делаешь из нее еще одного палача? Ведь это совершенно, абсолютно бессмысленно в ее положении, о котором ты, между прочим, умалчиваешь.

Джейн, которая вернулась из родной Англии. Настоящая, реальная Джейн, потомок королей, которая... была когда-то Марией?

– Так она будет сильнее, а это может помочь. И мне, и ей же. – прозвучал тихий ответ.

– Сила не в том, чтобы убивать. Сила в том, чтобы оттолкнуть от себя прошлое и жить настоящим.

– Но ты-то не оттолкнула от себя твое прошлое, – он хмыкнул, – и, между прочим, только поэтому до сих пор существуешь.

Они о чем-то зашептались, затем снова раздался приглушенный голос зеленоглазой ведьмы.

– Что-то она неважно выглядит.

Эрик буркнул в ответ неразборчиво.

– И что, кроме обезболивающего ты больше ничего ей не колешь?!! Эрик, Эрик... Боже мой, она такая слабенькая, а ты ее не бережешь. Ты махровый эгоист. Да еще и садист! А кроме того, просто дурак.

– Она твоя, – устало отозвался Эрик, – делай, что нужно.

...Я вздрогнула от мягкого, ласкающего прикосновения к щеке. Наши взгляды встретились, и губы Джейн дрогнули в мимолетной, грустной улыбке.

– Мужчинам нельзя доверить ни одного важного дела, – сказала ведьма, щупая мой пульс, – я назначаю вам, мисс Лера, курс антибиотиков. Кроме того, я осмотрю вашу руку и попытаюсь, пусть и запоздало, наложить швы.

* * *

...Джейн вернулась. И все сразу изменилось в особняке: стало как-то светлее, веселее, как будто откупорили бутылку золотистого шампанского и пузырьки радости разлетелись по комнатам.

Я не спрашивала, зачем она здесь, подозревая, что из-за Якова. Совершенно случайно я увидела сквозь приоткрытую дверь, как Джейн стояла на коленях посреди комнаты,

вцепившись в крестовину тяжеленного меча. Бледные губы ведьмы шевелились, словно та молилась Всевышнему, само существование которого столь упорно отрицал Андрей.

Эрик держался холодно и отстраненно, но с Джейн они много разговаривали, всегда при этом запираясь – что, правда, не мешало мне бессовестно подслушивать. Как-то так получилось, что их голоса я стала слышать даже лежа в собственной постели, наверное, завершалась моя инициализация.

Что и говорить, услышала я много... любопытного.

Джейн совершенно по-женски пилила Эрика за то, что он своими жестокими методами воспитания гнал меня по пути палача, тогда как изначально я могла стать прекрасной целительницей. А у Эрика, видимо, понятие «сила» вязалось исключительно с понятием «убийство», и старался он как мог. Перечислял Джейн всех великих магов эпохи, которые погибли глупо и несуразно только потому, что не умели себя защитить.

– О, да, – в голосе Джейн звенела обида, – себя-то ты умеешь защищать, кто бы спорил! Только какова цена, Эрик, какова?.. И какую цену ты готов заплатить за смерть твоего врага?

– А какую цену готова заплатить *ты*, палач, бредущий по следу?

– Речь сейчас не обо мне, – огрызнулась Джейн, – ты занимаешься бессмысленной работой. Уж ты-то знаешь, что незачем сейчас что-либо менять в этой несчастной девочке!

– Но я не знаю, сколько времени еще пройдет, до того как...

Судя по всему, Джейн вернулась только для того, чтобы наконец завершить свою миссию, которая длилась вот уже пол тысячелетия. Они – как я поняла из разговоров – искали Якова, и на этот раз не собирались дать ему ни единого шанса. Я, правда, еще не призналась в своих откровениях с врагом, но меня никто и не спрашивал. Меня усиленно лечили, инъекциями антибиотиков в самую мягкую часть тела. Надо сказать, самочувствие быстро улучшалось... Но это меня уже не радовало. То, как ворковала со мной Джейн, очень сильно походило на радость каннибалов при виде того, как хорошо кушает и поправляется незадачливый белый турист. Тревога в душе росла, в то время как все мы неотвратимо приближались к финальному сражению.

* * *

...Джейн ловко пеленала мою руку. Тонкие пальцы порхали, превращая мое предплечье в подобие египетской мумии, лицо застыло в задумчивости. Одно из тех лиц, какие мы встречаем на средневековых полотнах – умное, тонкое, по-особенному солнечное и не тронутое заботами серых будней.

Вообще, даже комната Джейн пропитана духом старины и английской аристократии: пузатый диван с полосатой обивкой, словно выдернутый из викторианской эпохи, резной комод, застланный ажурной салфеткой, маленький керамический кувшинчик. Изящный столик, два мягких стула, составляющие ансамбль дивану – а на столике, рядом с ватой, йодом и бинтами, приютился черный томик Энн Райс «Lestat, the Vampire».

– Не думала, что ведьмы это читают, – я кивнула на книгу, – выдумки ведь.

Джейн закрепила край бинта.

– Разумеется, выдумки. Но порой я думаю, что мы чем-то похожи на них.

– На вампиров?

– Мы долго живем, но годы жизни куплены слишком дорогой ценой, – сдержанно пояснила Джейн, – некоторые из нас живут, не задумываясь ни о чем, а некоторые пытаются найти ответы на вопросы кто мы такие и откуда вообще взялись. Некоторые проводят время в суете, а некоторые, вроде героя этой повести, пытаются найти великих древних или хотя бы их следы... Все, Лера, скоро рука будет в полном порядке.

– Что-то голова кружится, – соврала я, – можно у тебя посидеть немного?

– Разумеется.

В комнате повела тишина, а мы с Джейн застыли, уставившись друг на дружку, каждая напряженно ожидала продолжения. Ведь и дураку ясно, что внезапное головокружение – не

более, чем предлог.

– Красивое кольцо, – наконец сказала Джейн, указав на мой перстень с изумрудом.

– Да, правда...

– Это *он* подарил?

– Да. – отрицать не имело смысла.

Джейн грустно улыбнулась и замолчала, глубоко задумавшись.

– Ты ведь даже не догадываешься, что это значит, – наконец проговорила она, усаживаясь на стул.

– Может, объяснишь?

Белые, полупрозрачные пальцы Джейн скользнули по волосам, и я поняла, что сидящая передо мной женщина очень волнуется. Кажется, она всегда приглаживала свою огненную шевелюру, когда ее споры с Эриком заходили в тупик, и она пыталась выиграть время.

– Это весьма и весьма сильный талисман, – наконец глухо вымолвила Джейн, – против некоторых видов магии, которыми могут пользоваться и Яков, и Эрик.

Ах, вот оно что. Выходит, господин инквизитор даже пытался беречь мою жизнь? Трогательно, ничего не скажешь. А может быть, мне ничего и не грозило в заброшенной водонапорной башне?!!

Я сунула здоровую руку в карман, нащупала филигранный бочок своей недавней находки.

– Вот, нашла твою сережку. Заберешь?

Джейн мягко приняла из моих рук золотое совершенство, взглянула на меня с укоризной.

– Чего ты хочешь, Лера? Почему сидишь здесь, хотя самочувствию твоему на текущий момент можно позавидовать? Зачем принесла *это* ? Раз уж ты уверена, что она принадлежала мне, то, значит, дверь в прошлое приоткрылась для тебя?

– Я всего лишь хотела узнать, кто есть кто во всей этой истории, – тонкие брови Джейн насупились, лоб пересекла глубокая морщина, – пожалуйста, Джейн... Мария... Я ведь не много прошу! Просто... мне нужно во всем разобраться. И пусть это будет история в истории, как... там.

И я указала на черный томик «Вампира Лестата».

От меня не ускользнуло, как вздрогнула Джейн при упоминании ее же первого, данного при крещении имени. Затем она побарабанила ногтями по полированной столешнице, пробормотала – «что ж, может быть, к лучшему» – и грустно мне улыбнулась.

– Это будет короткая история, Лера. Перевалило за пять сотен лет, но недолгий рассказ. Потому что идея банальна, а все прочее – лишь декорации.

Она придвинулась к столу, оперлась на него руками; бледное лицо с россыпью веснушек и сверкающими, словно изумруды, глазами, больше чем когда-либо напоминало личико коллекционной фарфоровой куклы – а я вдруг поняла, что Джейн в эти короткие мгновения ухитрилась загнать все свои переживания в недостижимые глубины собственного «я». Плохой рассказчик из того, кто рыдает над каждой фразой, и отличная повесть получается там, где все уже пережито, переболело и покоится в каменном саркофаге прошлого. Наверное, с этим можно было и поспорить, но в тот миг Джейн полагала именно так.

– Я родилась одиннадцатого августа в тысяча четыреста шестьдесят седьмом году от Рождества Христова, – наконец произнесла зеленоглазая ведьма. Медленно, мучительно, спотыкаясь на каждом слове. – Мой отец... он был королем Англии Эдуардом. Эдуардом Четвертым из великой династии Плантагенетов, ныне мертвой. Впрочем, в этом нет ничего странного, все конечно. Династии рождаются, переживают расцвет и угасают, вечный закон эволюции. Матушка моя, Елизавета Вудвилль, была старше отца, ходили слухи, что она околдовала короля, и поэтому он женился на ней – будучи до этого тайно помолвленным с одной благородной леди. Теперь уже никто не скажет, действительно ли мне передан материн Дар, или же он просто гулял в крови Йорков или Вудвиллей – но это не важно.

Важно на самом деле проклятие Йорков, истинное проклятие дома Белой розы.

Джейн умолкла и взглянула на меня со светлой, робкой улыбкой на устах. Глаза ее сияли, словно видела она перед собой вовсе не меня, а тех, далеких... Мать и отца, короля и королеву, торжественные анфилады Виндзорского замка, редкие солнечные дни в дождливой стране.

– Тебе ведь известно, что во времена моей молодости, да и гораздо позже, быть женщиной означало постоянно ходить по острию бритвы? – мягко спросила Джейн. Я кивнула, соглашаясь.

– Материнство – это великое испытание, – тихий голос ведьмы зазвучал бодрее, – но тогда... Многие женщины из рода Йорков умирали в родах. Мне рассказывали, что проклятие наслала злая ведьма, которой потом отрубили голову, тело сожгли, а пепел развеяли по ветру. Теперь подобные вещи кажутся несуразной глупостью, но тогда... О, тогда я искренне верила... Да и не только я. Елизавета... Нет, не так. *Elizabeth*, моя старшая сестра, тоже уверовала в легенду. Бедняжка, она умерла на тридцать седьмом году жизни от родовой горячки, через несколько дней после смерти младенца! И я, я... Я, ведьма, ничем не смогла ей помочь, ибо дар мой стал даром *палача*.

Она уронила лицо в ладони и застыла. Едва заметный сквозняк шевелил легкие рыжие кудри, и казалось, что только они и живы, а тело наследной королевы обратилось в мрамор... Точно так же, как затвердевали тела древних вампиров в хрониках Энн Райс.

– Джейн, – я протянула руку и осторожно коснулась ее плеча, – если тебе больно, не надо. Я не знала твоей истории, и уж конечно не помру, если она так и останется только твоей.

Ведьма шмыгнула носом, глянула на меня исподлобья. Глаза покраснели от набежавших слез, розовые губы подрагивали... А потом Джейн резко выпрямилась, улыбнулась через силу.

– Да нет же, Лера. Это я... я сама должна дойти до конца и перестать бояться саму себя. Тут немного осталось рассказывать, скоро все станет на свои места, а ты наконец поймешь, где правда, а где ложь во всей этой путанице... Так вот, к чему все это?.. Ах, да. Меня должны были выдать замуж за будущего правителя Дании. Говорили, что он красив, мудр не по годам. Шушукались, что охоч до женщин, но это не казалось ужасным. Какой монарх не был любителем прекрасного пола? Мой отец, Эдуард Четвертый, не пропускал ни одной юбки, а мою мать это не задевало... Девки девками, а она крепко держала его в своих руках. И вот, когда вопрос о замужестве был практически решен, меня начали тревожить сны. Наверное, я слишком много думала о проклятии Белой Розы... А может быть, оно и вправду существовало? Повторялся один и тот же сон, как будто я рожаю, вот уже который день. Ребенок застрял и не хочет покидать меня, ребенок умер, не шевелится, и я... умираю вместе с ним, своим не родившимся малышом. Я пыталась бодрствовать по ночам под предлогом изучения священного писания, но к утру веки смыкались сами собой, и – снова он, мой кошмар, мой бред. Как-то я не выдержала и решила поговорить с отцом. Все-таки он был королем, а моя несчастная судьба оставалась в его власти... Я разыскала его вечером, в обществе двух развратных женщин – отец был сильно навеселе и, надо признать, что лучше бы тогда я ему ничего не говорила... Но в тринадцать лет в душе живет надежда! Господи, как же я верила, как надеялась на то, что слезы мои разжалобят монарха. И как я жестоко ошиблась.

«Отец мой», – сказала я, поклонившись, – «позвольте мне посвятить себя служению Господу нашему. Позвольте оставить мир и удалиться в тихую обитель, где в трудах и молитвах я обрету покой».

«Что такое?» – он глянул на меня как на сумасшедшую, – «что еще за блажь?»

Взмахом руки король отослал шлюх, затем торопливо наполнил бокал вином и также торопливо осушил его до дна. Только тогда я поняла, что отец был сильно навеселе, и что следовало бы поговорить с ним чуть позже. На следующий день, к примеру.

Тяжело переваливаясь на опухших ногах он пошел ко мне, взял пальцами за

подбородок и развернул мое лицо к свету.

«Ну-ка, дочь моя, рассказывайте. Что за дурь ударила вам в голову, вышибив остатки мозгов? Какая еще тихая обитель?»

Меня затрясло. Я всегда побаивалась отца, он был таким огромным, тучным в своем приближающемся сорокалети... И совершенно непредсказуемым. Как-то я видела, что он ударил матушку, по лицу наотмашь, тогда мать проклинала его самыми ужасными словами и кричала «ты за все заплатишь». И мне показалось, что если он меня ударит, то я непременно умру. Ноги отнялись, меня прошиб ледяной пот, голова закружилась...

«Позвольте мне уйти в монастырь», – просипела я, не смея взглянуть в лицо королю.

«К чему вам в монастырь, дочь моя?» – вкрадчиво поинтересовался он, – «уж не предпочитаете ли вы монашескую келью ласкам датского короля?!»

Я ничего не смогла ответить, потому что в этом и была правда. А через мгновение почувствовала, как отец подхватил меня под мышки и поволок к окну. На вид он был спокоен, даже слишком, но я кожей чувствовала его обжигающий гнев.

«Посмотрите вниз, дочь моя».

Под окном развлекались гвардейцы. Они были пьяны настолько, что не держались на ногах, мочились на стену и богохульствовали.

«Я отдам вас этим людям», – прошептал мне король, обдавая винным духом, – «если вы не выбросите из своей глупой головы мысли о монастыре. И вы будете рожать ублюдков от них, а не от сына и внука королей».

Тогда я потеряла сознание.

* * *

Джейн сидела, упершись острым подбородком в сцепленные пальцы рук, и задумчиво смотрела перед собой, даже теперь продолжая взвешивать все «за» и «против» давно принятого решения.

– Знаю, сейчас это звучит совершенно по-дурацки, – спокойно продолжила она, – но тогда я была абсолютно уверена, что не переживу появления на свет первенца. Наверное, виноват был все тот же кошмар, он возвращался и возвращался, сводя с ума, заставляя молиться дено и ночно о том, чтобы датчане изменили свое решение... Я пробовала поговорить с матерью, но что она могла сделать?

«Дитя мое», – сказала матушка, – «монархами рождаются не для счастья, но для блага государства, и ты должна это понимать».

Вот и все. Надежды таяли как дым, а клочья ночных кошмаров кружили надо мной как воронье над трупом. Вот тогда-то я и решилась... Раз уж мне было суждено умереть при рождении ребенка... А так – быстро, без мучений. Просто уснуть...

Ведьма встряхнула шевелюрой, медные колечки рассыпались по плечам, затянутым в черный бархат.

– На самом деле в то время было просто добыть яд, Лера. И не нужно так на меня смотреть, не забывай, что в тринадцать лет девушка еще совсем ребенок, а в эпоху юности человечества я искренне верила в то, что Господь меня простит, и Его ангелы заберут меня на небо, откуда я буду смотреть на матушку, отца, сестер и братьев. Я понимала, что *Elizabeth* будет горевать обо мне, но знала, что скорбь ее не будет долгой, она выйдет замуж, родит детей и забудет свою малышку *Mary*. Так что... Однажды я просто проглотила несколько щепотей серого порошка. Женщина, у которой я его приобрела, обещала, что я просто усну, а проснусь уже на небесах. Я поцеловала матушку, поцеловала сестру, а затем легла в постель и стала ждать. И, знаешь ли, это стало едва ли не самым большим моим разочарованием. Я ждала ангелов Господних – но никто не пришел за моей душой. Если они и существуют, Лера, то мы им не нужны. Совершенно. А там, где начинается смерть, всего лишь завершается жизнь. Я не увидела там ничего. Ровным счетом ни-че-го!

Джейн вдруг запнулась, быстро вытерла покрасневшие глаза. Покачала с сомнением

головой.

– Но, быть может, я ошибаюсь. Ведь на самом деле я не умерла тогда, внезапно проснувшийся Дар удержал меня на краю жизни... И, верно, именно поэтому я не увидела ангелов. Странное это было состояние: я слышала голоса вокруг себя, узнала мать и отца, узнала мою любимую Елизавету. Но сознание оказалось будто запертым в черную коробку. Я все слышала, все понимала, чувствовала, как прикасаются ко мне... Но не могла ни шевельнуться, ни подать знак о том, что я их слышу. До сих пор я помню, как меня перевозили в Виндзорский замок, где я родилась, божественное пение хора в церкви... Я еще надеялась увидеть ангелов, Лера, я так хотела, чтобы они прикрыли меня своими лучистыми крыльями, согрели. И потом... стало очень холодно. Меня положили в каменный саркофаг и накрыли каменной плитой. А еще позже... я очнулась. Совершенно одна, живая, захороненная рядом с великими предками.

Джейн помолчала несколько минут, затем тихо спросила:

– Бывал ли у тебя кошмар о том, что тебя похоронили живьем? Если нет, то ты счастливый человек. Я сорвала голос, я изломала ногти, царапая мраморную плиту. Ангелы отвернулись от меня, Лера, а Господь наказывал за страшный грех самоубийства. Видишь, как забавно получилось? Хотела умереть без мучений, а обрела все страдания Ада. Легкие разрывались от нехватки воздуха, мышцы сводило судорогой, юбки промокли – от ужаса я обмочилась... Я кричала и кричала, словно бесы вселились в меня, я неистово хотела жить! А когда надежды не осталось, я в последний раз позвала Бога, позвала его ангелов... И он пришел. Нет, не Христос сошел с небес. Всего лишь монах, всего лишь... *ведьмак*, который смог отодвинуть плиту и вытащить меня из могилы.

Зеленоглазая ведьма глубоко вздохнула, повела плечами, словно пытаюсь сбросить невидимый груз. Потом едва заметно улыбнулась мне.

– На этом, Лера, закончилась жизнь Марии Йоркской и началось существование Джейн. И на этом же заканчивается история моя, и начинается история двух чересчур ретивых инквизиторов.

– Ты уехала из Виндзора сразу же? – спросила я, невольно вспоминая свои видения.

– Ах, нет. Джейн еще долго жила там, обычной кухаркой, донельзя похожей на покойную Марию. Жестокосердная Джейн побывала у смертного ложа собственного отца, и он, одной ногой стоя в могиле, узнал дочь. Сострадающая Джейн была и рядом с умирающей Елизаветой, но ничем не помогла родной сестре... Но история наша не о том, правда? Тот, кто спас меня от мучительной гибели, возложил на меня миссию палача. Я должна была отправиться в Базель и убить некоего Генриха Крамера, поправшего все мыслимые законы ведовства. Да, таково было мое задание.

* * *

... – Наставник учил меня мало. Всегда говорил, мол, дара Палача, редкого, почти уникального, хватит для того, чтобы защитить себя и разнести в клочья любого врага. Даже самые сильные колдуны не могут долго противостоять Палачу, потому что, как бы это... Черные дыры все втягивают в себя, понимаешь? Так и Палач может вобрать в себя воздействие, оказываемое чужим ментальным полем. А тому, как действует ментальное поле самого Палача, редко кто может воспротивиться. Слишком это влияние... мм... чужеродно, чуждо. Слишком темно, напитано болью, страхом. Палач – это убийца, от которого можно спастись только одним способом: снести голову мечом, понимаешь? Но есть и слабая сторона такого Дара. Я не могу повелевать демонами, я не вижу призраков, я совершенно не умею читать прошлое по найденной сережке. Кем станешь ты? Понятия не имею. Сперва Эрик полагал, что Дар твой – магия истинного экзорсиста, но потом тебя едва не сожрал демон. Теперь вот ты кое-что обо мне узнала по безгласному кусочку золота...

– А какой знак... у Эрика? – не утерпела я, – он тоже... экзорсист, что ли?

Джейн хмыкнула, откинулась на спинку стула.

– Ты не поверишь, Лера. У нашего драгоценного Генриха Дар самый посредственный, хоть и чрезвычайно мощный. Он – простой ведьмак. Видит призраков, если те являются, видит чужие ментальные поля, филигранно владеет техникой магического боя, знаком с древними, тайными заклинаниями... У вас ведь говорят, что сила в знании, верно? И все. Никаких особых, выдающихся талантов.

– Он же демонов вызывал, – засомневалась я, – было ведь...

– Безусловно, – Джейн подмигнула, – но любой ведьмак, достаточно старый, владеющий соответствующими техниками и просто очень сильно развитым Даром, может это проделать. Все просто! Жаль, измельчали нынче ведьмаки и ведьмы, измельчали. Число их растет, а умения...

И она притворно вздохнула.

– Расскажи мне о нем, Джейн, – попросила я, – ты ведь, получается, нашла Генриха... так почему он до сих пор жив?

Взгляд ведьмы затуманился воспоминаниями, тонкие морщинки разгладились. Передо мной сидело совершенно юное создание, вернее, существо-без-возраста. И, боже мой, как странно было думать о том, что она почти ровесница Эрика, и что лет ей уже... Перевалило за пол тысячелетия.

– Да, я его нашла, – задумчиво пробормотала Джейн, – но не сразу. Сперва был убитый демон, дорога в Шато де Шильон, Малика. Да-да, Малика, ты не ослышалась. Она и положила начало моим мучениям, но зато благодаря ей Эрик здравствует по сию пору.

На миг – всего лишь на миг – мне стало стыдно. Как будто, прочитав прошлое золотой сережки, я подглядела в замочную скважину.

– Про убитого демона я уже знаю.

– И это была моя самая первая ошибка, – Джейн грустно кивнула, – далеко не единственная. Порой мне кажется, что весь мой путь – это последовательность множества ошибок. Камешек за камешком мостит дорогу в ад, иначе и не скажешь.

Она глядела сквозь меня, куда-то мне за спину. Я невольно обернулась, и тут же по позвоночнику потекла капля холодного пота. Да, там бледной тенью стоял Эрик и внимательно разглядывал нас.

– Прошу прощения, дамы, за прерванный разговор. Джейн, могу я с тобой побеседовать? Наедине?

А вот в последнем слове напряженно тренькнула угроза. Неужели он слышал все, о чем мы тут говорили? Что ж, и это возможно...

На Джейн же появление Эрика произвело такой же эффект, как явление черта перед священником в соборе. Бедняжка только что не позеленела, судорожно вцепилась в край стола и впилась в меня умоляющим взглядом.

– Лера, оставь нас пожалуйста, – инквизитор шагнул через порог.

Джейн судорожно вздохнула.

– Э-э, – промычала я, соображая как поступить правильнее в сложившейся ситуации. При всем уважении к Эрику (если, конечно, так можно назвать легкое покалывание под ложечкой при каждом его появлении!) Джейн я сочувствовала.

Следовательно, я должна была... а главное – могла слегка разрядить накалившуюся обстановку.

– Что такое? – нетерпеливо спросил Эрик, мысленно уже видя меня за плотно закрытой дверью.

– Мне приснился сон.

– Сны всем снятся, – он устало оперся ладонями о стол, грозно нависая над маленькой Джейн.

– Но это был не просто сон, – возразила я, – ко мне приходил Яков. И он просил передать, что не будет искать с тобой встречи.

Я наивно полагала, что мое сообщение произведет эффект разорвавшейся бомбы. Но нет. Ничего подобного – Эрик даже не дрогнул. Лишь уставился на меня. Джейн тихо

вздохнула с облегчением, и ее побелевшие пальцы наконец отпустили край стола.

– Вот значит как, – пробормотал инквизитор, – значит, он не оставил мне иного выхода. Они с Джейн переглянулись.

– Не надо, – одними губами произнесла ведьма, – не надо, Генрих.

– Милая, ты беспокоишься о собственной миссии? – вкрадчиво поинтересовался Эрик, – не волнуйся. Как только я разделаюсь со своим приятелем, то буду полностью в твоём распоряжении.

– Зачем ты так?! – подбородок Джейн задрожал.

Мгновением позже она вскочила, прерывисто дыша, и бросилась вон из комнаты.

– Женщины, – вздохнул Эрик, глядя ей вслед, – никогда не знаешь, чего от них ждать.

Он пожал плечами и вышел, гордо подняв голову. А я поймала себя на том, что сжимаю в кулаке золотую сережку Джейн. И как она снова попала ко мне?

Все глубже, дальше от «здесь и теперь», прочь из современной, но обставленной в викторианском стиле комнатки... Навстречу тому, что принадлежало девушке, которая – повернись все иначе – могла стать королевой Англии.

* * *

...Почему Шато де Шильон? Чем он лучше прочих замков-крепостей? Откуда странному монаху известно о содержании там «особенного» узника?

Дорога, наполненная до краев расквашенной глиной, уползала на юго-восток. Дорога принимала всех: странствующих рыцарей, прокаженных, графов и герцогов, крестьян, проституток. Она казалась наполненной жизнью, но вместе с тем, переносила заразу, источала запах смерти. Бытие, не отделимое от небытия. Субстанция, соединившая в себе то, что существует, и то, что скоро обратится в прах, окунаясь в бесконечность и растворяясь в ней.

Как-то из ближайшего лесочка показались «лихие» люди. Одиноким рыцарь хрупкого сложения показался им легкой добычей. И тогда Джейн позволила Дару палача развернуться, охватить сразу пятерых. Оставшиеся в живых с воплями удирали, кое-кто запачкал штаны, но она лишь ухмыльнулась вслед и не стала преследовать. В те мгновения в жилах пульсировала, билась полученная сила. Чужая жизнь, принятая в себя и продлившая годы бытия собственного, играющая в крови, как молодое вино...

«Шато де Шильон», – напомнила себе Джейн и тронула поводья.

Не совсем доверяя странному монаху, она вовсе не собиралась пробираться туда самостоятельно. Нужно было найти... кого-нибудь. Заплатить. Хорошо заплатить, а потом убить, потому что тайну следует оберегать.

И Судьба подбросила ей подарок – в виде замаячившей в отдалении крытой пестрой повозки жонглеров.

Что ж, они, оказывается, тоже держали путь к Шильонскому замку. Тамошний лорд, говорят, большой любитель развлечений. Танцы, прыжки через горящие кольца, жонглирование цветными булавами...

Но что ж не так было с этой повозкой?

Скрывался в ней кто-то... очень похожий, близкий Джейн. Ведьма!

Юная красавица, темноглазая, с бледной кожей аристократки. И было видно, что она не прочь закрутить любовь с молоденьким рыцарем, да только вот рыцарь оказался девицей...

Они разговорились во время ночной стоянки. Ведьму звали Маликой, и обладала она уникальнейшим даром: умением одним движением мысли вскрывать замки, а заодно и отводить глаза, на время становясь невидимой. Вот и направлялась Малика в мрачный шато де Шильон, чтобы, пока братья-жонглеры будут развлекать народ, хорошенько почистить сундуки лорда.

И бывает же такая удача!

– Сделай для меня кое-что, – прошептала Джейн, – я осыплю тебя золотом. Будешь жить как леди, герцоги тебе кланяться будут.

– А что нужно-то? – в карих глазах блеснул алчный огонек.
– Найди моего брата. Он заточен там... Говорят, отдельно от прочих узников, и – еще ниже их. Под замком, в скале.

– Я не смогу спрятать нас обоих, – она вздохнула, но видно, что хочет взяться за это рискованное дело.

– Ты плавать умеешь?

– А то!

– Ну так выведи его... там есть, говорят, виселица, за которой всегда открытая дверь. В озеро. Пройди мимо виселицы, и прыгайте в воду.

– Там же мертвые, – Малика передернула атласными плечиками, – их же там... кучи... под водой...

– Мертвые никогда не причинят тебе вреда. А я буду ждать на берегу...

Главное – честно смотреть в глаза Малике. Чтобы она не поняла: после купания в холодном озере и ее, и спасенного «братца» ждет гибель от карающего меча.

– Ну, хорошо. Попробую... Только половину вперед, а то кто вас, *рыцарей*, знает... А в слово чести я давно не верю.

...Ночь.

Холодные капли дождя щелкают по плащу, затекают за шиворот. Дождаться, только бы дождаться. Просить помощи у Господа? Но разве поможет он в *таком* деле?

Что-то светлое мелькает в черноте прохода, откуда выбрасывают повешенных прямо в воду. Короткий всплеск, кто-то барахтается, сминая стеклянную поверхность озера. Все ближе и ближе... Видно, как выбирается на берег Малика, продрогшая, зуб на зуб не попадает, как напряженно тянет она на отмель что-то бесформенное.

– Ну, где ты? Помогай! Помоги же! – зубы клацают, слов почти не разобрать.

И теперь... Рукоять меча привычно ложится в ладони. Шаг, другой, третий, сквозь ломкие побеги жимолости. А Малика все тащит что-то, и уже видно, что это не просто темная масса. Белые пальчики ведьмы изо всех сил цепляются за грубую мешковину, и видна другая рука, неподвижная, мужская.

Дар скребется, требуя выхода. Сейчас, мой дорогой, сейчас. И с плеч долой, и миссия выполнена, и Наставник будет доволен своей ученицей. В конце концов, разве не доблесть – уничтожить врага, напившегося чужой крови как богомерзкая пиявка?

– Что ты делаешь? – Малика все же успевает обернуться. Отскакивает в сторону, закрывается руками в попытке спастись.

Бог с ней, с Маликой. Сейчас главное – враг.

Она склоняется, всего на миг, чтобы увидеть лицо. Черные, словно спелая ежевика, глаза заглядывают в душу – ага, он все понял. И, похоже, не боится, но...

«Не много чести в убийстве беззащитного».

– Кто тебя послал, *палач*?

И голос. Тихий, приятный, против воли ласкающий слух.

Ужасное осознание того, что она просто не сможет убить его прямо сейчас – хотя, возможно, «потом» будет слишком поздно. Что сказать Наставнику, о чем просить, чем оплатить выбранный путь?..

– Уходите. Вы, оба.

* * *

– Лер, очнись. Ну, не пугай меня. Очнись, пожалуйста!

Открыть глаза оказалось невероятно сложно. Веки слиплись, потяжелели. Все тело стало горячим, как будто налилось кипятком, сердце – как у воробья.

– Лера, я себе никогда этого не прощу, – строго сказала Джейн, – не нужно было. Давай, поднимайся, сейчас Эрик явится... Если он тебя в таком состоянии увидит, то боюсь даже представить...

– Ты что, боишься его? – глаза все-таки приоткрылись.

Надо мной склонялась встревоженная Джейн. Ах, значит, я уже на полу очутилась? Премиленькое дело!

– Не совсем, – ведьма прикусила губу, – ты не совсем правильно понимаешь, Лера. Я просто его люблю.

– Фигово, – прохрипела я, – особенно... если учесть то, что ты его должна убить.

– Какое забавное русское слово, – восхитилась дочь туманного Альбиона, – порой слушаю вас и заслушиваюсь...

Я вцепилась в ее запястье, кое-как села на ковре. Комната тут же подернулась крупной рябью, полосатый диван обрел форму волны и закачался.

– Джейн... О, Господи, Мария... Забери свою сережку. После того, как Малика выловила Эрика... то есть Генриха... из Женевского озера... Ты их оставила?

– Т-с-с-с! – Джейн тут же приложила пальчик к губам, – он не хочет, чтобы я тебе все это рассказывала. Считает, что незачем.

– Как вы опять сошлись-то? – не отставала я, – почему ты здесь?

– Ну, хорошо. У меня есть еще пятнадцать минут. Потом мы будем готовить тебя к одному ритуалу...

– Какой, к черту, ритуал?!!

– Тихо, это... не страшно, и почти не больно. Не беспокойся. Вот, послушай, чем все закончилось... – она, пыхтя, принялась поднимать меня на ноги, – Малику я встретила еще раз, уже на костре. Да-да, наш Эрик отправил на костер свою любовницу. Почему? Да потому, что она приняла сторону Якова. Разумеется, оба они носили уже иные имена, были другими людьми, выглядели совсем по-иному, но... Яков, понимаешь ли, объяснил Малике, *как* можно жить долго и счастливо. А Эрик не смог ей этого простить. Я слыхала, что Малика съела собственное дитя... Может быть, дитя самого Эрика. Так ей хотелось подольше сохранить свою молодость, порой это граничит и с безумием... все это к тому, что *vince sacrificans*, какую цену мы готовы заплатить за продление молодости. Потом я отправилась к нему, и знаешь что забавно? Все эти годы он ждал именно своего палача!

«Ты пришла за мной?» – спросил он тогда, – «я не буду противиться, потому что заслужил. Воров вешают, и это правильно, чтобы другим было неповадно. Прошу тебя только об одном – позволь сперва найти врага и отомстить».

Тогда же я и узнала правду – о том, как Яков изменил текст книги, о том, как имитировал собственную смерть и ударился в бег. Любого можно было судить и сжечь как ведьму или колдуна. Особенно подходили к описанию прокаженные... ну, знаешь, нечувствительные к уколу иглы места, печать дьявола. Эрик по-прежнему был виноват в том, что хотел прикарманить время тех, кто алкал долгой жизни. Но, понимаешь ли, с точки зрения ведьм незаконным здесь была только кража жертв. А вот друг наш Яков – уж он-то как раз и постарался более всех... Господин Шпренгер никогда и не отрицал того, *что* именно сделал, глумился над инквизицией... над ведьмовской инквизицией, разумеется. Но научился слишком хорошо скрываться. Да так, что поиски его оказались бесплодными. Я полагала, что Якова давно нет в живых, но Эрик продолжал искать, находил след и вновь его терял. А ты оказалась его последней надеждой...

– И после этого палач выполнит свою миссию? – я взглянула в изумрудные глазищи Джейн, но они уподобились зеркалам. Старая ведьма не пускала больше меня в свое сознание.

– Да, – быстро ответила она, – теперь у меня не осталось выбора.

– Что у вас тут? – раздался недовольный голос Эрика.

– Ничего, – я уже сидела на стуле, а Джейн отошла к окну.

– Вот и прекрасно.

Он появился в дверном проеме, огляделся, сложил руки на груди и объявил:

– Коль скоро наш враг не желает нас видеть, мне придется воплотить в жизнь одну странную идею. После которой наш драгоценный Яков примчится сюда как на крыльях...

– Полагаю, он и без крыльев уже умеет летать, – не оборачиваясь, сухо прокомментировала Джейн.

– Ну, тем хуже для него, – Эрик пристально посмотрел на меня, – ты готова, Валерия? Я помолчала, похрустела запястьями и подняла на инквизитора взгляд невинной девы.

– А что, я могу отказаться?

Эрик

Игра, которую затеял Эрик, нравилась все меньше и меньше ему самому. Он прожил столько лет словно подвешенный в воздухе, окруженный полной неопределенностью будущего, что казалось – стоит напасть на четкий след Якова, и все сразу станет на свои места. Последние кусочки мозаики лягут на нужное место, и перед взором развернется красочная и донельзя приятная картина предстоящей мести. Почему-то была такая уверенность: стоит Якову узнать, что у него на хвосте повис давний враг, как он сразу ринется в бой. Уж как бесился профессор Шпренгер, когда птичка упорхнула из Шильонского замка! Эрик слишком хорошо чувствовал его ярость, она обжигала, больно ранила и одновременно приносила невыносимое наслаждение. Такое можно испытывать только когда знаешь, как исходит бессильной злобой смертельный враг. Тогда... ах, да. Еще не было Эрика, был измученный долгим заточением ведьмак по имени Генрих. Тогда... Яков не нашел беглеца, а потом и бывший узник не смог найти собственного тюремщика. Боже, как давно все это было! И куда все ушло?.. Только, казалось, сомкнулись над головой холодные воды Женевского озера, и Малика, задыхаясь, из последних сил тянет его к берегу. Все пронеслось мимо как дым – годы, сложившиеся в столетия бесплодных и мучительных поисков.

Эрик – да, теперь уже просто Эрик – отодвинул чашку с недопитым кофе. Последнее время воспоминания оживали все чаще, они тяготили и растравляли давно затянувшиеся раны. Если бы только можно было собрать прошлое в кучку, завернуть в дешевую бумагу и выбросить! Он сделал бы это, не задумываясь. Долой проклятую книгу, Малику, Джейн, а заодно и всю инквизицию! Он бы предпочел просто прожить отпущенный срок, чтобы затем вернуться в то же небытие, где и пребывал до рождения.

Но – увы. Джейн была рядом, в соседней комнате. А чуть дальше, через две двери, металась в беспокойном сне молодая ведьма Валерия.

Эрик нервно хихикнул. Говорят же, что женщина на корабле не к добру. А когда две женщины? Пожалуй, можно считать, что корабль обречен – «ну да, а что? Ты ведь очень старый корабль, корма изъедена жуками, дно обросло водорослями и мидиями, паруса истрепаны бурями... К тому же, здоровье команды оставляет желать лучшего...»

Он вздохнул, потер глаза. Все та же спальня, тот же неспящий глаз монитора и слепая ночь за окном.

Две женщины на корабле – и, как назло, господин Шпренгер спутал все карты. Вместо того, чтобы вцепиться в горло врагу, исчез. Кто знает, что сейчас творится в его голове?

«Неясно, где ты и кто ты теперь, мой старый приятель», – проворчал про себя Эрик. И вздохнул.

Наверное, он самый одинокий человек во всем подлунном мире. Нет семьи, нет друзей. Джейн, конечно, могла бы сойти за семью – уж которое столетие вместе! – но зеленоглазая фея собралась замуж. Лера, наверное, была бы хорошим другом, но... Эрик поморщился, вспоминая, как она бросилась защищать своего ведьмака. Черт, да она же просто закрыла его своим телом! И если бы не колечко, то там, в водонапорной башне, и завершилась бы жизнь этой чокнутой ведьмы.

Эрик скрипнул зубами. Надо было того Андрея устранить, чтобы и под ногами не путался. А теперь – кто знает, на что способен мучимый ревностью столетний колдун?

Стоп.

Эрик, Эрик. Откуда у тебя самого желание разделаться с Андреем?

Не хочешь признаваться, да? Ай-ай, как нехорошо... А если у тебя не получится тот хитрый трюк, на который ты так надеешься? Что тогда?

«А я и не хочу знать, что будет *тогда*», – ухмыльнулся уже не Эрик, а ведьмак Крамер.

И, все еще пытаясь разорвать путы отчаяния, смел со стола ни в чем не повинную чашку с недопитым кофе. Она ударилась о стену и с тихим звоном раскололась пополам.

– Черт, – выдохнул Эрик, хотя ни минуты не верил в существование помянутого существа, – черт!!!

И, преодолевая внезапное головокружение, метнулся в коридор.

Он в три шага преодолел расстояние до двери в комнату Джейн и тихо постучался.

«Небось, невеста наша изволит отдыхать!»

Никто не ответил и не открыл. Эрик прислушался, затем быстро «вобрал» в себя содержимое комнаты – Джейн там не было. Похоже, ведьма даже не ложилась.

Это уже было интересно, и Эрик почувствовал укол беспокойства. Никто не в состоянии предугадать, что может выкинуть женщина. И не просто женщина, а несчастная и страдающая, как ни крути.

«Ну, где же ты?»

Дом становился частью сознания, а сам Эрик – частью дома. Это было и обычно, и привычно за долгие столетия ведьмовской практики.

Вот – пустая спальня Джейн. А вот – «кофейно-молочная» комната Леры, девушка лежит на боку, скорчившись под тяжелым одеялом, и ее колотит озноб. Может быть, и правильно, что Джейн настояла на антибиотиках, ведьмы быстро выздоравливают только тогда, когда есть в запасе отнятые жизни. У Леры таковых, естественно, не было, а он, дурак и последняя скотина, даже не задумался об этом, увлеченно рисуя картину ужасающей мести.

Эрик заскользил дальше, прощупывая весь дом, словно перебирая пальцами мешочек, в котором затерялась последняя горошина. Он нашел Джейн на кухне, ведьма сидела за столом, уронив лицо в ладони. Ее плечи мелко подрагивали.

«Никак, замуж расхотелось?» – попробовал иронизировать Эрик, но осекся.

И побежал к ней, не заботясь о том, что гулкие шаги хорошо слышны в пустом спящем доме.

– Джейн!

Так и есть. Она сидела за столом, в привычной черной водолазке и джинсах. Поверх был надет белый фартук, словно Джейн собралась печь свои любимые булочки. Это среди ночи-то...

Она медленно повернулась – и одного взгляда хватило для того, чтобы Эрик молча опустился перед ней на колени и положил лицо в подол накрахмаленного передника. Он почувствовал, как холодные пальцы Палача осторожно коснулись затылка.

– Ну, что же ты? – неслышно прошептал Эрик, – это ведь так просто для тебя...

Джейн промолчала, медленно перебирая жесткие прядки на висках. От нее пахло корицей и сдобой, как будто она только-только вернулась из пекарни.

– Прости меня, – пробормотал Эрик, – я знаю, что виноват.

Она снова ничего не ответила, но ведьмовским чутьем он понял, что она все простила и забыла. Мгновенно, безболезненно, отдавая груз обид и недомолвок прошлому.

– Когда я найду Якова и убью его, не тяни долго, хорошо?

– Ты боишься, что твое заклинание для Леры не сработает? – ломкий, срывающийся голос Джейн растаял в темноте.

– Я... не знаю, – хрипло сказал Эрик, – теперь уже ничего не знаю и ни в чем не уверен. Но в любом случае... я прошу только одного. Чтобы это произошло быстро, и чтобы я не узнал *ничего*, за исключением того, что мой враг мертв. Я боюсь, Дженнет. Раньше я о подобных мелочах даже не думал, а вот теперь – страшно. Неужели это так сложно понять?

Ведьма судорожно вздохнула. И ничего не ответила, продолжая перебирать отросшие пряди, только пальцы ее переместились на затылок.

– Почему ты молчишь? Ты хочешь отказать мне даже в этом?

– Преступник должен осознать всю тяжесть собственных преступлений перед тем, как умрет, – тускло отозвалась Джейн, – пожалуйста, не думай об этом. Ты ведь знаешь, что для тебя я готова на многое. А я, в свою очередь, знаю о том, что у тебя было довольно времени для раскаяния.

Ритуал

...Отказаться я не могла. Вернее, слово «нет» значило бы для Эрика не более, чем шум льющейся воды – как я уже заметила раньше, перечить ему было все равно что встать на пути мчащегося локомотива. Единственное, до чего снизошел господин инквизитор, так это до нудного объяснения, что, собственно, предстоит сделать.

Все оказалось проще пареной репы: Эрик собирался «прицепиться» к моему ментальному полю в том же месте, где прилип и увяз Яков. Каков результат священнодействия? Всего лишь ответ на вопрос «где я могу найти бывшего приятеля и как он выглядит».

Эрик даже не пытался растолковать, почему в итоге мы получим именно *это*, а не что-нибудь иное, отчего Якову связь со мной далась легко, а для Эрика это будет долгой и напряженной работой. Судя по всему, в области магии и волшебства за долгие столетия скопилось чересчур много «почему», на которые так и не было получено исчерпывающих ответов. Искать ответы – удел философов. Доля магов – ученичество и знания, полученные в ходе опытов. «Это все равно что пытаться возвести стройную систему из мифов южноамериканских индейцев. Там где есть место превращениям, нет места логическому суждению». Что ж, возможно Эрик и прав. Ученичество, озарение, интуиция, опыт – вот четыре краеугольных камня магии. А рационализм и умозрительные заключения оставим людям обычной науки.

...Я лежала на бетонном полу, вытянувшись в струнку и, наверное, со стороны напоминала оловянного солдатика. У меня в детстве были такие солдатики-красноармейцы – некоторые мчались в атаку со знаменем, другие стреляли из винтовок, опустившись на одно колено, а один просто стоял. В галифе, гимнастерке, фуражке. Руки по швам, того и гляди честь отдаст...

Эрик сжалился надо мной, разрешил подстелить циновку, чтобы не было так холодно. Но что такое тонкий плетеный коврик против метрового слоя бетона?

Вот я и лежала, тихо постукивая зубами. На глазах моих была плотная повязка, я ее успела разглядеть в потемках: кусок мешковины, на котором красными нитками вышиты неизвестные мне руны. Я слышала мягкие шаги Эрика, он все ходил по кругу, время от времени чиркал спичками, зажигая свечи.

Гм. Все-таки непонятная штука, эта магия. К чему рисовать на полу пентаграмму, расставлять свечи, когда по-хорошему «одного движения воли достаточно»? Хотела спросить, но осеклась. Ученичество и опыт, не стоит об этом забывать. Был, правда, у меня еще один вопросец, который так и крутился на самом кончике языка...

– Эрик.

– Что тебе? – в хриплом голосе инквизитора я услышала раздражение и злость, но отступать не стала.

– Почему Шильонский замок?

Молчание в ответ. Мне даже показалось, что на пол высыпались с тихим шорохом спички из коробка, и вот ведь дурацкое состояние: свечи в черных канделябрах, пентаграмму на полу, пустой спичечный коробок я себе очень хорошо представляла – а вот лица Эрика, того, что на нем отразилось, вообразить не могла.

Он тихо вздохнул, наклонился и принялся собирать спички. И даже не стал спрашивать, откуда мне известно про серый замок на Женевском озере.

– Это очень надежное место, – донесся до меня тихий голос, – замок вырастает из

скалы. А под фундаментом – подземелья... для обычных узников. Еще ниже, еще глубже... Нора, уходящая все дальше и дальше от поверхности. Она заканчивается тупиком, что-то вроде аппендикса... И в нем весь секрет. По неизвестной причине это место втягивает в себя ментальное поле всякого, кто туда попадет. Именно поэтому я не мог выбраться самостоятельно...

– Нет, ты не понял, – мне захотелось содрать проклятую повязку, встретиться взглядом с Эриком. Может быть, сейчас, именно сию секунду зеркала разбились, и я бы вновь увидела его таким, каким он был на самом деле?

– Я хотела спросить, почему Яков смог заточить тебя, но не смог убить. Избавься он от тебя тогда – и никаких проблем.

– А, вот ты о чем, – голос Эрика потускнел, сделался скучным, обыденным, – ну так в том и весь секрет ментальной формулы «Молота». Если бы Яков меня убил, то заклинание бы развалилось само собой, и он не обрел бы того могущества, о котором мечтал. Все просто. Он был бы давно мертв... как и я.

Вот как... Господи, по-дурацки звучит – но ребята инквизиторы, как говорится, «сообразили на троих». Как только один из живых компонентов будет уничтожен, все развалится само собой.

– Но если ты убьешь Якова...

– Значит, я смогу прожить еще лет пятьдесят, примерно до биологического возраста в восемьдесят лет – и отправлюсь на покой.

– Угу...

– Но не следует думать, что будет именно так, – Эрик вдруг усмехнулся, – как только Яков отправится в преисподнюю, по мою душу тотчас явится палач. Гм, Лера, ты ведь в курсе, кто в нашей теплой компании палач?

Он все ходил и ходил вокруг меня, словно не решаясь выполнить задуманное, я слышала шорох подошв о бетон, тихое дыхание, едва различимое потрескивание горящих свечей...

– Неужели ты думаешь, что Джейн тебя убьет?

– Я искренне в это верю, Лера. За долгие годы нашего совместного существования у бедняжки Джейн накопилось слишком много поводов для того, чтобы отправить меня на небеса.

– Эрик... – я помялась, – ты ведь знаешь, что она...

– Что она меня любит? – бодро звякнул голос инквизитора, – разумеется. Но точно также и ей ведомо, что я никогда не смогу относиться к ней как к женщине, а не как... к палачу.

Я вздохнула. А потом все-таки заинтересовалась:

– За что ты просил прощения у меня... *тогда*? Ты сказал, что я никогда не узнаю... За то, что делаешь меня таким же палачом, как и Мария?

– Нет, – он вдруг присел рядом со мной на корточки, легко дотронулся до тыльной стороны ладони, – но ведь ты об этом никогда не узнаешь. Не должна узнать...

А в следующее мгновение я почувствовала, как под ребрами зашевелилась боль – и как ее сестра-двойняшка устремилась у ней навстречу. Снаружи – вовнутрь.

Черт! А не пошел бы Эрик со своим ритуалом куда подальше?!!

Я вскинула руку, чтобы сорвать повязку... Вскинула бы – потому что не смогла и пальцем пошевелить.

– Эрик, ты же говорил... гад... что это... не больно?!!

Извиваясь, как червяк на крючке, я орала, пыталась выкатиться за пределы пентаграммы, за пределы круга из горящих свечей – и все это... мысленно. Ибо тело мое окаменело, горло стало картонным и неподвижным. А два червя, прожигая кислотой камень, все ползли и ползли навстречу друг другу, и когда встретились, все во мне, да и сама я – взорвалась сверхновой, горячей, воздушной.

Я увидела, как по зеленому полю шагает Яков. Он обернулся, по-прежнему без лица,

по-прежнему с размытыми пятнами вместо кистей рук – и завыл, словно матерый волчище на луну, тоскливо и безнадежно.

С другой стороны над прошлогодней гарью планировал огромный ворон, все быстрее и быстрее, и его черные глаза отсвечивали парой гранатов.

А я замерла между ними, там, где заканчивалась обгоревшая земля, и начинал расти чабрец. Три точки, отныне связанные друг с другом. *Трех точек достаточно, чтобы построить плоскость*.

– Эрик! – я закашлялась, – Эри-и-ик!

Совершенно неожиданно я поняла, что снова могу шевелиться. Я содрала с глаз повязку, зло швырнула ее на пол, села – и не поверила собственным глазам.

Боже мой, да что же тут творилось? Смерч прошел, никак не меньше... Тусклая люминесцентная лампа под потолком осветила разбросанные, изломанные и гнутые восьмерками бронзовые канделябры, кляксы белого и красного воска на серых стенах, разбитый в крошку кусок гранита у меня в ногах...

– Эрик, – неуверенно позвала я.

И вдруг увидела его – инквизитор лежал в углу, скорчившись, в прожженном сером свитере, который все еще тлел... А изумруд в моем перстеньке... Господи, да он просто оплавился, застыл прозрачной каплей. И при этом на пальце ни следа ожога.

Я в сердцах выругалась. Прислушалась к собственным ощущениям. Под ребрами, как ни странно, не болело – может быть, заклинания Якова и Эрика как-нибудь друг друга нейтрализовали? Ох, вряд ли...

И, поднявшись, побрела к неподвижному инквизитору. Черт, ну надо же было с ним что-то делать... Не оставлять же в подвале, посреди этого хаоса.

– Эрик, – я присела рядом.

Он не подавал никаких признаков жизни, замерев в позе эмбриона. Я перевернула его на спину – губы серые, лицо землистое. В уголке рта блеснула темная ленточка крови. Господи, а как ведь хочется запаниковать и дать деру! Сколько раз за свою бытность ведьмой успела поглядеть в глаза самой смерти, а все равно... страшно. Жутко соприкоснуться с тем, что несколько минут назад было Эриком, или Генрихом – да какая разница? – а сейчас... и скажите на милость, неужели для него был так важен этот дурацкий ритуал? Настолько, что он был готов подвергнуть себя такому риску?!!

Я скрипнула зубами, заставила себя протянуть руку и пощупать на шее пульс. Сердце билось. Все-таки Эрик дышал, часто и неглубоко... И все-таки... он был жив!

Уфф. Глубоко вдохнуть – выдохнуть, и бегом, бегом за Джейн. Уж она-то должна была знать, что делать с колдунами в таких «критических» случаях.

...Но Джейн, как обычно, уже была рядом. С грохотом распахнулась железная дверь, и ведьма огненным вихрем влетела в комнату. Обожгла по пути разъяренным взглядом, плюхнулась на колени рядом со своей пятисотлетней любовью. Ее бледные, фарфоровые в белом свете лампы пальчики пробежались по груди Эрика, словно выискивая невидимые глазу раны. Затем, не говоря ни слова, Джейн схватила Эрика за руки и поволокла к выходу.

– Что стоишь? Помогай! – крикнула она, задыхаясь от напряжения, – нужно много горячей воды, его надо согреть и как можно быстрее.

Опомнившись, я сама бросилась к Джейн, и мы общими усилиями даже приподняли Эрика, теперь его руки лежали на наших плечах, а голова болталась безвольно. На бетон падали редкие капли темной крови.

– Damn it, – сквозь зубы выдохнула Джейн, – я же предупреждала его, честно предупреждала! Такого рода ритуал не должен проводить один колдун, слишком опасно, слишком велики задействованные силы...

– А я думала... что только ментальное поле, – просипела я, отчаянно цепляясь за предплечье Эрика. Кто бы мог подумать, что он окажется таким тяжелым?

Джейн только хмыкнула в ответ. Потом, чуть поразмыслив, обронила:

– Тебе должно быть знакомо чувство, когда ощущаешь весь мир частью себя, верно?

Все зависит от того, насколько далеко будет простирается такое взаимодействие.

...Путь до ванной комнаты занял добрых полтора часа. Мы задыхались, останавливались, снова взваливали на себя бесчувственное тело и снова тащили его, тащили. Потом, кое-как перевалив Эрика через высокий борт ванны, включили горячую воду – тут Джейн с чисто английским благоразумием заметила, что неплохо было бы избавить от намочания дорогие туфли Эрика. Еще несколько минут ушло на борьбу со шнурками, пальцы дрожали от пережитого волнения, почти не слушались... А Джейн держала голову Эрика в ладонях и смотрела, смотрела ему в лицо не отрываясь – ровно до тех пор, пока погруженный в горячую воду инквизитор не открыл глаза.

– Эрик, – с укоризной произнесла Джейн.

Он закашлялся, слабо пошевелился. Губы порозовели, на щеках появился нездоровый, лихорадочный румянец. Эрик еще раз огляделся, отыскивал взглядом меня – я скромно стояла у порога – и хрипло, вместе с кровавыми пузырьками, выдохнул:

– Скоро...

* * *

А ночью началась гроза, какой давно не видели эти места. Молнии, одна за другой, раскалывали небо и жалили землю, ветер играючи ломал многолетние деревья, походя обрушивая с небес водяную лавину.

«Такое всегда бывает после подобных... экзерсисов», – скупно объяснила Джейн.

Она осталась с Эриком после того, как мы отволокли его в спальню, и я не посмела ей перечить – это было ее право, право быть с тем, кого любишь.

У меня же любви не осталось, и потому я вернулась к себе, в «кофейную» комнату, ставшую почти родной. Ветер грохотал оконной рамой, стекла угрожающе дребезжали. Я бездумно, словно механическая кукла, закрыла окно и села на застеленной постели. Слепящие молнии завораживали, притягивая взор. Не повезло тем, кого эта гроза застала в пути, ведь человек – не более, чем песчинка в сердце такой бури. Одного удара молнии будет более чем достаточно для того, чтобы от тебя не осталось ничего. Совсем ничего...

На сердце стало грустно. То ли на меня так повлияла гроза, то ли сознание того, что я совершенно чужая в этом доме, который, в общем-то, принадлежит Эрику и его доброму ангелу Джейн – да, теперь я не сомневалась, что именно так и окрестила Малика английскую ведьму. Ангел с мечом карающим...

Я взяла мобильник, хотела позвонить Таньке, или маме, но связи не было, что неудивительно для такой грозы. Потом мне в голову пришла мысль, что можно еще раз сходить и поинтересоваться, как там состояние Эрика, но я тут же отнесла ее в разряд мыслей дурацких. Вряд ли Джейн понравилось бы мое появление.

Поэтому я просто вытянулась на постели, не раздеваясь – после всех треволнений сон не шел – и уставилась в окно, разглядывая ослепительнее зигзаги, черкающие темное и низкое небо.

...Меня разбудил резкий стук оконной рамы. Хм. А я ведь закрывала окно на задвижку. И вообще, спать не собиралась.

Еще через мгновение меня прошиб ледяной пот, а желудок съежился, как печеное яблочко. В комнате – а может, и просто перед глазами – резко потемнело.

Звать... на помощь? Но... Эрик сейчас не поможет. А Джейн?.. А если закричать, услышит ли?..

На меня, как будто ниоткуда, надвинулся мужской силуэт. Он показался мне просто огромным, и рот сразу же наполнился вязкой и горько слюной. Похоже, именно так и теряют сознание от ужаса, умирают от разрыва сердца...

– Лера! – мягкий, словно журчание воды, шепот.

Ф-фух...

Страх чуть отпустил когти, и я смогла вдохнуть воздуха. Со свистом, сквозь стиснутые

зубы.

Или – нет? Или все стало только хуже?! В конце концов, что бы я предпочла – визит врага или посещение бывшего возлюбленного, который одним своим появлением здесь подвергал себя смертельной опасности?

– Ты... ты с ума сошел, – выдохнула я, – что... ты здесь делаешь?

Андрей мягко, крадучись подошел еще ближе, я ощутила запах одеколона... знакомый, до боли знакомый аромат, от которого вновь возвращается желание уткнуться носом в широкое мужское плечо, закрыть глаза и позволить убаюкать себя. Утешить, успокоить...

– Тебе здесь... нельзя, – прошипела я, – и вообще, как ты сюда попал?

– Лерочка, – тихо сказал он, – мне нужно с тобой поговорить. Пожалуйста, выслушай.

На сей раз в его голосе мне почудилась нешуточная тревога. Черт. Что там еще стряслось? Мало мне неприятностей?!!

Я вытерла холодный пот со лба, села на постели и не успела и глазом моргнуть, как Андрей очутился рядом. Гроза за окном стихала, гром катился дальше, за горизонт, несомый ветром вместе с тучами.

– Зачем ты приехал? – я старалась, чтобы голос не дрожал.

Но Андрей... Был рядом, так близко – и снова это походило на наваждение, на помешательство. Беги, Лера, беги пока не поздно. Пока, черт возьми, выгоревшая любовь не восстала из пепла подобно фениксу и пока эта же любовь не сгубила вас обоих. Господи, странные, тягостные предчувствия – и никуда от них не денешься. Если бы только я могла стереть их, как меловый рисунок со школьной доски!

– Зачем ты здесь? – ничего не получилось. Голос задрожал предательски, выдавая волнение.

– Лера, выслушай меня. Пожалуйста, – быстро зашептал он, – тебе нужно отсюда бежать.

Я не сдержала вздоха разочарования. Казалось ведь, что все между нами решено и похоронено, и я так удачно обманула саму себя... Ан нет.

– Ты опять за свое? – я отодвинулась от него, подальше от пустых соблазнов.

– Инге приснился сон, – горестно прошептал Андрей, – у нее бывают моменты... *Видения*, предсказания будущего. Я бросил все... и поехал за тобой...

– Кстати, как ты открыл окно?

– Не забывай про ментальное поле, – он скривился, как будто речь шла о чем-то крайне неприятном – Лера, поверь мне хотя бы сейчас. Я тебя умоляю! Ну, хочешь, на колени перед тобой встану? Пусть я тебе больше не нужен, но я не дам тебе погибнуть...

– Да в чем дело-то? – я поежилась. В спальне вдруг стало очень и очень прохладно.

Андрей глубоко вздохнул.

– Инга сказала, что если Эрик доведет задуманное до конца, ты умрешь.

...Я не поверила собственным ушам. Нет, конечно, стоило сразу догадаться, что Андрей так просто не отступится от меня. Но врать, преданно глядя в глаза, очернять другого в попытке вернуть былое?! Вот это я всегда считала низким, недостойным. С тех пор, как еще в школе сама делала нечто подобное – и до сих пор мне стыдно. Краснею, вспоминая, как врала одному мальчику, который нравился мне, но влюбился в подружку. О чем? Да все о том же, какая Ленка плохая, как она меняет парней, словно перчатки, и что он, Мишка, ей на самом деле вовсе не нужен, лишь бы задачки по алгебре решал. Все кончилось тем, что Ленка и Мишка поженились через несколько лет, а со мной не разговаривают и теперь. Даже, заведя на улице, на другую сторону стараются перейти...

– Я не верю тебе, – твердо сказала я, и Андрей отшатнулся.

М-да.

Категоричное заявление, Лерочка.

Остается лишь задаться вопросом: если не верить Андрею, то кому? Эрику? Да и то лишь потому, что Джейн указала на перстень с изумрудом как на могущественный талисман? И можно ли быть уверенной в том, что господин Крамер не положит на алтарь

своей мести еще одну ничего не значащую жизнь?

Наверное, не стоило без оглядки полагаться на Эрика. Но слепо довериться Андрею, который уже не раз оставлял меня в руках врагов?

Мне показалось, что ведьмак сделался белее лунного света. Он вдохнул поглубже и яростно зашипел:

– Почему? Потому что я всего лишь однажды позволил себе просто испугаться? Теперь... ты считаешь меня трусом, недостойным, низким человеком? Который не стоит и твоего мизинца?!! Отвечай!

– Это... – я запнулась, в потемках встретившись с ним взглядом. Откуда там столько горя, в этих темно-зеленых озерах? – это не так. Просто мне кажется... что...

– Что? – он вдруг схватил меня за запястья и встряхнул. Да так, что зубы клацнули. – говори, не молчи!

Я попыталась освободиться – без толку. Руки мои оказались в тисках, еще немного – и косточки затрещат под нажимом.

– Совсем рехнулся! Пусти! Я закричу...

– И что? – издевательски спросил Андрей, приблизив свое лицо к моему. О, этот навязчивый, как мираж в пустыне, запах одеколона. И вместе с ним желание забыться, утонуть в чувстве ложной безопасности...

– Тебя убьют. Эрик тебя убьет, теперь уже наверняка, – сдавленно шепнула я и опустила взгляд.

Творилось со мной что-то совсем невероятное. Мне хотелось оттолкнуть Андрея, надавать ему пощечин, расцарапать гладко выбритые щеки... И одновременно с этим я твердо знала, что, появившись здесь Эрик, я закрою собой этого красивого блондина, который стал мне чужим.

Чужим?!!

О, Господи, я совсем запуталась. И все еще не могла забыть. Не могла простить умом, но давно простила сердцем.

И все равно – наваждение. Иллюзия, туман в стакане лунного света...

– Тогда я забираю тебя отсюда, – хрипло сказал ведьмак, – против твоей воли. Я тебя спасу, даже если ты не захочешь, понятно?

Я пискнула, когда он подхватил меня на руки и бросился к распахнутому окну.

– Пусти-и-и! Дурак, тебя убьют!

– Ну, кричи, что же ты?

Сквозь прореху в облачном одеяле пролился блеклый свет луны. Андрей улыбался, и мне стало действительно страшно: была это ухмылка сумасшедшего. Или же человека, *которого вынудили* на безумный поступок.

– Если я закричу, тебе конец, – выдавила я, – что ты делаешь? Не смей!!!

Но куда мне справиться с крепким – пусть и двадцатилетним мужчиной? Я брыкалась, выворачивалась, выкручивалась в его руках – а Андрей словно обрел сверхчеловеческую силу. Он прижал меня к груди, оттолкнулся от пола и *выпрыгнул* в окно. Примерно так, как в цирке львы прыгают сквозь горящий обруч.

Я вцепилась зубами ему в ладонь, почувствовала во рту солоноватый привкус крови – но мой похититель даже не вздрогнул. Я взмолилась:

– Андрей! Ты не понимаешь!.. Отпусти, ну пожалуйста!

– Кричи, – прошипел он сквозь зубы, – зови... своего друга.

Черт, черт, черт.

Как я могла звать Эрика? Во-первых, наверняка он еще не пришел в себя окончательно. Во-вторых – тогда Андрею не жить, это точно.

– Я не могу тебя убить, – рявкнула я в искаженное мукой лицо, – ты чокнутый, ты просто дурак!

Он прижимал меня к себе все крепче и крепче, и все это время мы куда-то быстро двигались. Потом лицо мое оказалось прижатым к пушистому свитеру, и – Господи! – мне

показалось, что мы куда-то летим. Сперва – вверх, затем вниз, падаем, все быстрее и быстрее...

Толчок. И снова бег, по мокрой, чавкающей под ногами земле, сквозь ветер, что догонял умчавшуюся грозу.

– Я все это делаю только для тебя, – холодно пояснил Андрей, – ты слепа, и в упор не видишь того, что вокруг тебя происходит. Я не дам тебе умереть.

– Ты сам не знаешь, что творишь, – сил на борьбу не осталось.

А сражаться с ним при помощи своей магии?... Ох, нет. Это слишком.

Я попыталась вырваться, когда он запихивал меня на заднее сиденье своего BMW, но тут же оказалась прижатой спиной к стойке.

– Не заставляй меня душить тебя хлороформом, – холодно сказал Андрей, – говорят, приходит в себя после него совсем неприятно.

– Не заставляй меня ненавидеть тебя, – ответила я, всем телом ощущая исходящую от него ярость. По предплечью потекло что-то теплое, я скосила глаза и увидела, что это кровь из прокушенной руки Андрея. Прокушенной мною... Господи, ну и докатилась же ты, Валерия Ведова...

– Ты... можешь меня ненавидеть, – он презрительно скривился, – но я тебя все равно спасу, хочешь ты того или нет.

Потом он быстро наклонился и поцеловал меня, в плотно сомкнутые губы.

Что-то во мне хрустнуло и сломалось, развалилось на части. Как будто маленький будильник оказался на дороге и на него наехал тяжеленный грузовик.

С абсолютно пустой головой и черной дырой вместо сердца я залезла на заднее сиденье, свернулась там калачиком и замолчала. Какой прок в моих словах, в моих протестах, в моих помыслах? Я оказалась игрушкой, пешкой, которую каждый передвигал как хотел. Меня, черт возьми, даже спасали против моей воли. И, уж конечно, мне никогда не хотелось становиться ведьмой.

* * *

Неизвестно, куда меня вез Андрей – но мне было все равно. Слезы давно высохли, но под ребрами тяжело ворочалось предчувствие беды. А еще мне казалось, что происходит что-то неправильное – да что тут думать, все, что ни случилось за последние недели, и было совершенно, абсолютно неправильным!

За окнами светало. Я приподнялась на локтях, выглянула за пределы темного мирка BMW – Андрей гнал с бешеной скоростью по трассе. Мимо, укутанные в туман, плыли зеленые поля с озимой пшеницей, со всходами кукурузы, картошки. Время от времени мелькали лесополосы, сонные, влажные после ночной грозы. А может быть, здесь не было ни грозы, ни бури? Небо казалось чистым, спокойным, нигде ни облачка...

Я опустила обратно на кресло и обхватила руками колени, подтягивая их к груди. Игрушка, пешка. Пластилиновый человечек, из которого можно слепить все, что угодно... И снова захотелось плакать, но я только прикусила губу. Слезами делу не поможешь.

Глаза закрывались сами собой, мутными волнами накатывала дрема. Мне всегда хочется спать в машине, в детстве сильно укачивало – а вот теперь только в сон клонит. А где-то там, высоко в небе, за нами летел большой ворон, очень старый, очень одинокий... Я подскочила, выглянула в окно. Нет, никакого ворона там и близко не было. Главное, не дать себе сойти с ума...

– Лера, – позвал Андрей, – ты как?

Я промолчала.

Пластилиновые человечки не умеют разговаривать, но зато они послушные.

– Ты злишься на меня, – заключил он, не отрываясь от дороги, – ну прости, прости! Это все, что я могу сказать. Для меня главное, чтобы ты осталась жива, понимаешь? А все остальное – чепуха.

Мне захотелось сказать Андрею, что дело даже не в том, что он меня украл. Здесь все очень просто: я не хочу быть игрушкой в чужих руках. Эрик вел меня куда-то к своей цели, теперь вот Андрей тащит в неведомые края. А как же я? Неужели сама я уже не могу принять решения, не могу сказать, что мне нужно, а что – нет? Я промолчала и уткнулась носом в кожаную обивку сиденья.

– Лера, – Андрей и не думал оставлять меня в покое, – когда все закончится, ты отправишься туда, куда пожелаешь. Я и слова тебе не скажу. Но ты ведь знаешь, что орущих детей держат в зубоврачебном кресле? Знаешь, а?

– У меня не было детей, – сквозь зубы процедила я.

– Ну так будут, если послушаешь меня хотя бы в этот раз, – с непонятной злостью буркнул Андрей, – я верю Инге. Она может предсказывать, провидеть то, чего еще нет, но что еще можно изменить в чужих судьбах. К сожалению, не в ее собственной. Знала бы ты, чем она рискует!

– Я не хочу об этом говорить, Андрей. Делай со мной, что хочешь... Мне уже все равно.

– Нет, тебе не все равно. Ты думаешь, что я увез тебя от Эрика, потому что ревную, так?

Ох, ну что ему ответить? Да, я искренне в это верю. Наверняка он и сам это понимает.

– Я, конечно, ревную, – согласился ведьмак, – но главное – не это. Если я тебе действительно противен, будешь жить, как заблагорассудится. Как хочешь и... с кем хочешь. Но сейчас мы тебя спрячем на время, пока все не утрясется.

– Все утрясется только после того, как Эрик встретит Якова.

– Бред какой-то, – Андрей бросил на меня тревожный взгляд, – господи, Лерка, да этот садист тебя просто искалечил!

– А ты сделал все возможное, чтобы я оказалась у этого садиста.

Наверное, не стоило говорить *так*. Андрей замолчал, я не видела выражения его лица, но то, как он вжал педаль газа, говорило о многом.

– Ты... не понимаешь, – наконец произнес он, – может быть, потом поймешь. Я уже был у них... однажды. Это ведь не забывается, так, Лера?

И зло, резко затормозил – так что я скатилась с сидений.

– Приехали.

Он даже не помог мне выбраться из машины. А я, выползая на четвереньках, принялась разглядывать местечко, куда меня привезли «прятать».

Это был старый, совершенно заброшенный хутор, каких немало нынче на юге России. Три деревянных дома, кое-где крыши провалились, трава сорная по пояс, окна заколочены крест-накрест. А сразу за хутором небольшой лесок, доносится шум бегущей воды... Овраг?

Скрипнула облезлая дверь ближайшего дома, и оттуда выплыла Инга. Джинсы, высокий каблук, топик, поверх – белоснежная мохеровая кофта. И, конечно же, гладко уложенные волосы цвета «дикая вишня», ногти длинные...

– Ну как, все получилось? – деловито осведомилась она, даже не глядя в мою сторону.

– Как видишь, – Андрей развел руками, – проводи нашу гостью дорогу...

Он осекся и быстро зашагал куда-то за дом. Я выпрямилась, отряхнула колени. Что сказать Инге-то? Говорить, увы, было нечего.

– Ну, проходи, Валерия, – напряженно пропела моя соседка. Именно пропела, а не проговорила, – разговор есть...

Я молча кивнула и пошла к дому. Как странно – недавно еще были с Ингой подружками, а теперь вот стали... нет, не врагами, конечно же, но все равно... Неправильно все это. И немножко обидно.

Поднявшись по скрипучему крылечку, я поравнялась с ней.

– Не нужно было меня увозить.

И тут она не сдержалась. Мою щеку обожгла неожиданная боль, едкая и обидная, выжимающая слезы из глаз. Откуда ни возьмись, появился Андрей, надвинулся на нас как

грозовая туча.

– Инга! Не смей, слышишь? Только попробуй еще раз...

Вишневая волна всколыхнулась, ведьма повернулась к Андрею.

– Что – не смей? И это ты мне говоришь, да? После того, как она с тобой обошлась? После того, как узнал чем ее присутствие грозит мне?! Да ты просто тряпка, не мужик!

На ее ярко накрашенных губах расцвела приторная улыбка.

– Проходи, Лерочка, проходи. Надеюсь, тебе здесь понравится.

...Внутри дом оказался таким же убогим, как и снаружи. Паутина под потолком, паутина по углам. Пыль, плесень. Чистыми выглядели только стол у окна и две лавки, я прошла и села. Затем оглядела тех, кто еще недавно был моими друзьями: Андрей выглядел уверенно, спокойно, а вот Инга нервничала, беспрестанно накручивая на палец вишневый локон.

– Почему мы должны носиться с тобой, как дурень с писаной торбой? – она сразу же перешла в наступление, – почему мы должны тебя вытаскивать из тех переделок, в которые ты умудряешься по собственной дурости попадать, а ты на нас плюешь с высокой башенки? Да еще смотришь как на врагов-злодеев, а? Ты даже не знаешь, чего мне стоит спасение твоей никчемной жизни!

– Я не понимаю, почему ты так на меня злишься.

– Ах, не понимаешь?! – противным фальцетом взвизгнула Инга, – так послушай, моя дорогая Лерочка. Ты ввязалась в очень опасную игру и тянешь за собой нас с Андреем. В таких обычно выигрывают старые, опытные дяди вроде Эрика. А девочки вроде тебя отбывают на небеса без обратного билета. Единственное, что я тебе могу сказать точно – так это то, что если Эрик проделает все то, что запланировал, тебе не жить.

– Но...

Инга демонстративно всплеснула руками, оглянулась на Андрея, который все это время неподвижно подпирал дверной косяк.

– Все, что я делаю, Андрей, делаю только для тебя.

Она стряхнула с белого рукава несуществующую соринку, пересекла комнату, впечатывая шпильки в трухлявый пол и склонилась ко мне.

– Загляни мне в глаза, Лерочка. Ты можешь увидеть там что-то интересное и познавательное.

Злить Ингу не хотелось. Ведьма и без того казалась взвинченной до предела, того и гляди взорвется колючим фейверком. Я послушно заглянула в ее холодные серые глаза, на этот раз без зеленых контактных линз. На миг показалось, что невидимая сила выбивает из-под меня лавку, затем потолок в ошметках побелки вздрогнул, съезжился...

И я увидела странную картинку, черно-белую, как будто вырезанную из старого и немного кино.

Я лежала в высокой траве, раскинув руки и уставившись в небо. В застывших глазах отражались кроны деревьев и белая точка далекого солнца. Подбородок кто-то щедро разукрасил темной блестящей глазурью, она пачкала шею и тягучими каплями стекала на воротник клетчатой рубашки. В которой, как ни крути, было что-то неправильное. Чего-то не хватало... Отсутствовала нижняя часть кармана. Она провалилась в черноту, пропиталась темнотой. Вместо ткани рубашки были влага и беспросветный мрак, сложившиеся в аккуратную лунку. И на дне ее барахтался комар, увязая все глубже и глубже.

По горлу, от желудка и вверх, покатилося что-то горячее. Я едва успела зажать рукой рот и отскочить в угол. Господи! И это – это я? С отсутствием едва ли не трети туловища?! Да что же это происходит, черт возьми? А главное – зачем? И почему – со мной?

– Мне не нравится то, что ты делаешь, – донесся из ватной тишины голос Андрея, – ты по-другому не могла сказать?

– А твоим словам она сильно поверила? – огрызнулась Инга, – я всего-то показала ей то, что видела сама. Пусть теперь думает, нужно ли ей возвращаться...

– Видения можно толковать по-разному.

– Я знаю, что это дело рук нашего друга инквизитора, – зло ответила ведьма, – он тоже был там, и я чувствовала его присутствие также, как и чувствую сейчас твое.

И пока они говорили, я все пыталась унять отвратительные рвотные позывы. Но стоило зажмуриться, как перед глазами снова и снова всплывала черно-белая зернистая картинка, и барахтающийся в загустевшей крови комар.

А почему бы тебе, Лера, не поверить Инге? Что заставляло тебя думать, что Эрик не способен на такое?

«Но он не хочет твоей гибели», – едва слышно пискнул кто-то в моей душе, – «он хочет тебя спасти».

В самом деле, откуда тебе знать, Лерочка? Кому верить?!!

Он всего лишь искал своего врага и собирался победить. Любой ценой. В соответствии с принципом высшего ведовства.

...Пешкой, разменной монетой и пластилиновым человечком быть больно. В голове роится сотня вопросов, на которые никогда не будет ответа. Вернее, один из них можно теперь считать закрытым. Это я к тому, что теперь становилось понятным, за что просил прощения Эрик, прежде чем на руках отнес меня в свою спальню. Он знал, что именно этим все и закончится, уже тогда знал! Даже берег меня по-своему, чтобы не протянула ноги раньше времени, а дожидая до главной схватки...

Господи, я никогда не хотела быть ведьмой. Мне хватало того, что я стала неплохим дизайнером, купила квартиру и в конце концов собиралась найти мужчину своей мечты. А теперь? Где это все?

Я медленно выпрямилась и повернулась к своим друзьям – да, все-таки друзьям. Андрей выглядел совсем несчастным, если бы не Ингина рука, уже давно бы бросился ко мне. Зачем я так казнила его? Он испугался всего раз, а теперь вот спас мне жизнь, и наверняка больше не даст меня в обиду. Никогда-никогда...

Какими же холодными кажутся собственные пальцы, когда ими проводишь по разгоряченным щекам. А в мыслях, раз за разом, крутится черно-белая пленка. То, что могло бы быть, не утащи меня Андрей из того дома.

– Вы правы, – прохрипела я, – мне... наверное, мне... нужно побыть здесь.

Снаружи донеслось резкое карканье ворона, и я вздрогнула. Если ворон был рядом, значит, где-то притаился и человек без лица.

Джейн

Тяжело пробираться сквозь толпу, когда в одной руке – увесистые пакеты из магазина, а в другой – не менее увесистый потрепанный фолиант. Пыхтя и усиленно работая локтями, Джейн пробиралась к своему «Опелю». И ведь припарковалась в спокойном, тихом местечке! Так нет же, как назло ближайший магазинчик решил устроить акцию с подарками и розыгрышем ерундовых призов. Зрители, жаждущие подарков, набежали в течение пятнадцати минут – вот и приходилось пробиваться сквозь волнуемое людское море, недовольно бурча «Простите. Извините. Ой, прошу прощения».

Хотя, положи руку на сердце, Джейн призналась бы, что бормочет извинения по привычке (мисс Файерхилл получила превосходное воспитание!). Именно сейчас и здесь ей было наплевать и на молодящихся тетешек, и на орущих детишек, и на вальяжно поглядывающих на нее доморощенных «мачо». Джейн прижимала к груди книгу, за которую мало того, что пришлось отвалить кругленькую сумму пресловутых условных единиц, так еще и потратить не один день на организацию встречи с владельцем заветного томика.

... А ведь она так боялась, что не успеет.

Но теперь – уфф! – можно вздохнуть с облегчением и углубиться в расшифровку ментальных формул, изложенных на пожелтевших страницах. Да-да, мисс Файерхилл, рано расслабляться. Еще нужно понять, что к чему, и как всем этим пользоваться. Хм. И, конечно

же, самое главное – чтобы книга не попала на глаза Эрику. Иначе все пойдет прахом.

Удачу свою в лице старого потрепанного фолианта Джейн нашла на просторах Интернета. Книга была выставлена на продажу на одном из аукционов как «книга-близнец» весьма известной в узких кругах рукописи Войнича, до сих пор упорно не поддающейся дешифрации. Но ведь не поддающейся – только для простых смертных, а те, кто имели или имеют отношение к пониманию ментальных формул, хранят молчание. И Джейн хватило одного взгляда на фотографию страницы, чтобы понять – вот оно, то что ей нужно! То, что разом решит все проблемы, разорвет порочный круг зла и наконец сделает ее долгую жизнь осмысленной.

Последовала переписка с владельцем книги, который, естественно, ни сном ни духом не ведал об истинном предназначении раритета. Труднее всего было прятать переписку от Эрика. Не то, чтобы инквизитор с пристрастием читал личные письма Джейн, но мог обратить внимание на лихорадочное возбуждение, охватывавшее ведьму каждый раз, как только речь заходила о книге... Потому что *это* был единственно возможный для Джейн выход, она искренне в это верила.

И вот, наконец, она уговорила владельца книги приехать. Оплатила дорогу, гостиницу и еще кучу приятных мелочей вроде прогулки на яхте по заливу. А потом вдруг выяснилось, что мужчина попросту боится ехать – «а вдруг меня там убьют, а книгу отберут?» – и предлагает Джейн самой прибыть к нему... Последовали долгие уговоры, едва ли не клятвы на Библии, а время уходило... В общем, к моменту встречи Джейн уже была сама не своя. А тут еще Эрик, как говорится, подсыпал соли на рану. От одного воспоминания о том, как он встал перед ней на колени, Джейн хотелось сойти с ума, убраться в какой-нибудь дорогой дом для душевно-больных и никого не видеть и не слышать. Особенно Эрика... и особенно Валерию.

Она выбралась из толпы, все еще прижимая к груди так дорого доставшуюся книгу. Черт, как мало осталось времени, чтобы во всем разобраться... И ведь – в самом-то деле – нельзя, никак нельзя, чтобы *это* увидел Эрик.

– Джейн?

Она подскочила от неожиданности. Только этого не хватало!

– Ты приехала! Стервятники слетаются на пир, не так ли?

К ней торопливо, широкими шагами шел Бернард собственной персоной. Верный слуга, пес своего хозяина, который – и совершенно справедливо – ненавидел Джейн.

За время, пока они не виделись, Бернард похудел и осунулся, черный сюртук болтался на нем как на вешалке. Седая голова с небывалыми пушистыми бакенбардами казалась приставленной к чужому телу.

– Не понимаю, о чем это ты, – буркнула Джейн, – как дом Эрика?

– Дом в полном порядке, – тяжело ответил швейцарец и уставился на Джейн как на кровного врага.

Собственно, так оно и было. Исчезни Эрик – и кем будет Бернард? Так, рядовым и никому не нужным стареющим ведьмаком.

– А ты что здесь делаешь? – едко поинтересовался он, – траурное платье покупаешь?

– Подвенечное, – ухмыльнулась Джейн, – совсем забыла сказать, я замуж выхожу. За английского аристократа. На свадьбу приедешь? Думаю, можно будет арендовать часть моего любимого Виндзорского замка...

Это уже было чересчур. Бернард побагровел, глубоко посаженные глаза опасно заблестели.

– Замуж, значит, – прошипел он. Еще раз оглядел Джейн с ног до головы, – ты не выглядишь слишком счастливой. Совесть мучает?

– Совесть здесь не при чем, – огрызнулась она, – ты знаешь, что я честно выполняю свою часть сделки. Эрика мне тоже не в чем упрекнуть.

– Да, разумеется... Сколько раз он мог тебя отравить, прирезать, сжечь.

Джейн усмехнулась.

– Что же ты за него это не сделал?
Бернард поник. Развел руками.
– Ничего личного, Джейн. Я только забочусь о своем хозяине, и мне, знаешь ли, не очень-то хочется терять хорошее место. Что еще более любопытно... – тут голос швейцарца упал до шепота, – в своем завещании Эрик специально оговаривает пункт, чтобы я позаботился о тебе и оказал помощь, если понадобится... после того, как...
Он умолк. Только бакенбарды топорщились, словно наэлектризованные.
– И ты... выполнишь желание Эрика? – тихо спросила Джейн.
Шум и улюлюканье толпы перекрыли ее голос, но – она была готова поклясться чем угодно – Бернард все услышал и понял.
– Да, – твердо сказал он, отворачиваясь, – не беспокойся ни о чем. А потом – уезжай отсюда, выходи замуж... Что это у тебя?
Он ткнул пальцем в книгу. Хорошо еще, что она была обернута в толстый слой бумаги.
– Ничего особенного, – проворковала Джейн, – подарок Эрику.
– Не смешно, – пробормотал Бернард, – прощай, Джейн. Вернее, до встречи.
– Прощай, – она кивнула, – прощай, Бернард.
...Нырнув в салон «Опеля», Джейн едва не разрыдалась. Ей стало душно, ворот водолазки душил, не давал вдохнуть. Она с трудом нащупала зажужжавший телефон, трясущимися пальцами нажала кнопку с изображением зеленой трубки.
– Да?
– Джейн, моя дорогая, ты уехала так поспешно, что мы не утвердили дату церемонии.
Голос графа ласкал слух, был таким бархатным и уютным, как ночь в спальне влюбленных.
– Здравствуй, Артур, – пробормотала Джейн. Слезы так и брызнули из глаз. Лишь бы жених ничего не заметил и не услышал.
– Я обеспокоен, дорогая, – прозвучало на том конце трубки, – что случилось? Могу ли я помочь? Нет, Бога ради, я не ворошу твою личную жизнь, ты свободная женщина, но все же...
В горле застрял комок из слез и раскаяния.
– Назначь дату церемонии сам, – выдохнула ведьма, – пожалуйста, Артур... Не сердись. Мы скоро поженимся, и будем жить долго и счастливо.
Обман дался ей на диво легко, как никогда раньше.
...Потом она взяла себя в руки. Разорвала оберточную бумагу и раскрыла приобретенную книгу. Взгляд зацепился за «Использование кокона души. Общие правила».

Яков, друг мой

Люди – странные создания. Планируют на десять лет вперед, забывая великие и правдивые слова о том, что человек *внезапно смертен*. Гордо заявляют «мы – есть», прячась по квартирам, каждый суслик в свою норку. Бьют себя кулаком в грудь, вопя о свободе личности, достигшей высшей точки развития.

На самом же деле вся прелесть и сахарный хруст словечка «свобода» облетают хлопьями сладкой ваты, стоит только очутиться в новых, доселе неизведанных обстоятельствах. Ты начинаешь понимать, что до сего момента был рабом обыденности, собственных привычек и благ цивилизации. Но что еще более любопытно, непременно появляется желание приползти обратно, скуля ткнуть носом в диванную подушку, поднять взор на дружелюбно мерцающий экран телевизора и поскорее забыть, стереть из памяти сами следы того, что *было*, и что еще очень долго неприятным осадком будет болтаться на дне воспоминаний.

...Мне отчаянно не хватало их, родимых. Благ. Мягкого дивана, горячей воды в душе, электрического чайника, за считанные минуты нагревающего воду. А еще – вот они, милые симптомы Интернет-зависимости. Казалось бы, забейся по лавку и радуйся тому, что до сих

пор жива. Ан нет. Слоняясь без дела по дому, выходя во двор, исследуя роскошные кусты конопли я тосковала по мягкому стуку клавиатуры, удобному креслу и привычному серфингу по знакомым сайтам. У Эрика, будь он трижды неладен, я время от времени получала доступ к телу компьютера. А здесь не то что Интернета – здесь даже телефона не было. Черт. Как глупо думать об этом, когда жизнь висит на волоске! И все равно думается... не иначе как от безделья.

Делать в этом богом забытом месте было действительно нечего. Андрей бесконечно то уезжал, то приезжал, со мной держался с подчеркнутой холодной любезностью. Бр-р-р! Нет, даже не с холодной, а прямо-таки с ледяной. Он упорно не желал не то что разговаривать со мной, а даже подходить близко не пытался. И, конечно же, каждый адресованный мне взгляд был исполнен королевского презрения, а потому внушал мне неодолимое чувство вины.

С Ингой оказалось чуть проще. Она целыми днями листала годовую подшивку Cosmopolitan, и даже общалась со мной в рамках обсуждения модных нынче тонов помады, теней и рекламируемой парфюмерии. На этом темы наших разговоров, правда, исчерпывались: стоило заикнуться о чем-нибудь насущном, как ведьма томно подкатывала глаза и выходила «подышать свежим воздухом».

Я снова оказалась одна. Маленький человечек, висящий в абсолютной пустоте и безвестности.

...– Инга, почему ты меня ни о чем не спрашиваешь?

– Э-э, Лерочка, как ты думаешь, подойдет ли мне этот тон блеска?

– Я не это имела в виду, ты это прекрасно понимаешь.

– Нет, не понимаю, извини. Так что насчет блеска?

...– Инга, давайте все обсудим. Может, что придумаем? Или будем сидеть здесь до конца света?

– Конец света, дорогая, не наступит на твоём веку, будь спокойна.

– Тогда чего мы ждем? Ведь Яков...

– Ой, какой милый топик! Лер, как думаешь, не купить ли себе такой же?

...И так каждый раз.

Я ничего не могла с ней сделать. Я не понимала, почему они не желают узнать ничего из того, что теперь было известно мне?

– Пойду, прогуляюсь, – теперь уже я оставила Ингу наедине с кипой журналов.

Выскользнув в сени, прикрыла за собой облупившуюся дверь. Странно, что они не хотят меня выслушать – не дураки же, в конце концов, должны понимать, что сами невольно ввязались в опасную игру? А может быть, Андрей что-нибудь придумал, и попросту мне не говорит? С досады грохнув входной дверью, я выскочила на крыльцо.

А вокруг разливались благоуханные весенние сумерки. Неповторимое, волшебное время, когда хочется воспарить над землей – и плыть, переворачиваясь в волнах теплого, напоенного запахами вешних трав воздуха. В кустах смородины, разросшихся за домом до состояния леса, заливался соловей. Я не была в этом уверена до конца, но мне очень хотелось, чтобы автором сладких трелей был именно он, неприметный певец теплых ночей. Но в небеса есть дорога только тем, кому любовь дает крылья. А состояние моих крыльев – увы, увы... Оно на текущий момент было весьма плачевным.

Мягко переваливаясь на ухабах, подкатила темно-синяя BMW Андрея.

А вот и он сам – в потертых джинсах и уютном синем свитере, отросшие волосы собраны в короткий хвостик, несколько пшеничных прядок падает на глаза.

...Коротко кивнув мне в знак приветствия, Андрей принялся извлекать из багажника пакеты с продуктами. При этом, естественно, делая вид, что я – это пустое место. Ну, пожалуй, довольно!

Я быстро сбежала с крыльца и скорым шагом преодолела разделяющее нас расстояние.

– Андрей.

– Что тебе? – ах, сколько наигранного безразличия в голосе! А что там, под ним, в глубине? Страх, горечь, ревность и... черт, мои потерянные крылья.

– Поговорить надо, вот что.

Я не стала тратить время на пустые препирательства, вцепилась ему в локоть и поволокла за дом, к смородиновым зарослям. Почему-то мне казалось, что с Андреем будет проще обсудить сложившуюся ситуацию, чем с Ингой.

* * *

– Прекрати! Да какого черта?! Лера, чего тебе?

Он шипел, как кот при виде овчарки, но не слишком-то упирался, с каждой секундой приближаясь к внушительному, в рост человека, сплетению смородины и конопли. Кстати, последней здесь росло изрядное количество. Это наталкивало на забавную мысль о том, что съехавшие обитатели хутора эту самую коноплю культивировали.

– Я же объяснила. Просто поговорить.

– Странное желание, – съязвил Андрей, – с чего бы? Столько дней не разговаривала, а теперь вдруг сподобилась!

– Потому что я не понимаю твоего поведения, – буркнула я.

– А я что, должен перед тобой на коленях ползать? Что я делаю не так, ваше высочество?!!

Ну вот, начинается.

Я отпустила его руку – благо, что мы как раз достигли укромного местечка – и заявила:

– Мне непонятно, почему ни ты, ни Инга даже не поинтересовались, а что, собственно, со мной произошло, и почему я все это время жила в доме инквизитора. Более того, мне совершенно неясно, почему ни ты, ни твоя подруга не соизволили спросить – ой, Лерочка, а почему ты так уверена в том, что все закончится отнюдь не по твоей воле? Почему, черт возьми, ты даже не спросил, кто такой Яков?! Вы не похожи на дураков, но, ей-Богу, сильно напоминаете слепцов!

Андрей помолчал несколько минут. Провел пальцами по волосам, откидывая назад надоедливые пряди. Затем почесал идеально-гладкий подбородок.

– Мы – вольные, – наконец выдавил он, – нас принципиально не интересует то, чем занимаются законники, а уж тем более – инквизиция. То, что у тебя там с ними было... то – было, к сожалению, и этого не изменить. Но лично меня происшедшее не касается, так же, как не касается оно ни одного из нас.

Мне показалось, что в темных от гнева глазах Андрея мелькнуло сомнение. Ведьмак стоял, скрестив на груди руки – замкнутая поза, невольная самозащита от собственных же сомнений...

– Ты сам-то веришь в то, что только что сказал?

Андрей чуть попятился, как будто ему хотелось находиться как можно дальше от меня. Но за его спиной была коварная смородиновая стена, и он сдался.

– Хорошо. Что тебе от меня нужно *теперь*, Лера?

– Ответа на вопрос: почему никто не интересуется, что собственно происходит, а?

– Я уже ответил. Вольных не касаются дела инквизиции. А ты теперь, – горькая улыбка на губах, – ты теперь вроде как одна из них. Новый инквизитор этого крошечного городка.

– Это не так. Я не была инквизитором, и не присоединялась к законникам. По крайней мере, меня туда не звали...

– Тем не менее, меня по-прежнему не интересуют дела Эрика, понятно? Ну, а коль скоро ты стала частью этих его дел, то сама понимаешь...

Я покачала головой.

Зачем он говорил мне все это? Ведь с самого начала, с первого слова было ясно, что это – маска. Грубая, неуклюжая попытка спрятать истинные мысли и чувства. Может, Андрей думал, что так сможет меня задеть и тем самым отомстить за собственное растоптанное самолюбие? А может, он хотел попросту отгородиться от неприглядной правды о том, что в моем сердце нашлось место кому-то другому, кроме него?

Ведьмак по-прежнему стоял спиной к смородине, скрестив... нет, даже стиснув руки на груди, закрываясь от меня, опасаясь выдать свои волнение и горечь по поводу всего, что с нами случилось. А за его плечами – и я почти видела их! – трепетали радужные крылья настоящей любви, которыми он мог обнять меня, под которыми я могла укрыться от всех напастей ведовского мира...

– Я была несправедлива к тебе. – Слова эти вырвались поимо моей воли. Просто вылетели цветными мотыльками, и засияли в майских сумерках целительной звездой.

– Что?!!

В потемках его лицо казалось мутным серым пятном. Да к тому же расплывчатым. Что это? Я – плачу? Вот еще, нервы совсем никуда не годятся...

– Я... не должна была... так к тебе относиться, – выдавила я, – ты пытался уйти от инквизиции, а вовсе не бросал меня им на съедение. Теперь я знаю, что ты никогда... никогда бы не бросил меня в беде... прости.

Оставаться рядом с ним было выше моих сил. Я развернулась и бросилась к дому... Но мне и шагу не дали ступить.

Я снова оказалась прижатой лицом к мягкому свитеру, сильные руки Андрея обнимали меня так, что еще чуть-чуть – и затрещали бы ребра.

– Не плачь, не плачь... только не плачь. Все образуется, все станет на свои места...

Он на мгновение отстранился, заглянул мне в лицо – а затем принялся покрывать поцелуями щеки, шею...

– Моя бедная маленькая девочка, – шептал Андрей, – это я во всем виноват. Это из-за меня они искалечили твою судьбу! Ну ничего... все еще можно поправить, все!

– Что... ты будешь делать, если... *они* придут сюда?

Это должно было произойти, рано или поздно. Эрик искал Якова, а Яков был не прочь разделаться со мной, как с единственной ниточкой, через которую его могли найти. Особенно теперь, после проведенного сомнительного ритуала, когда над профессором Шпренгером нависла угроза разоблачения.

– Ни одно магическое волеизъявление не происходит быстрее пули, – шепнул Андрей мне на ухо, – не беспокойся ни о чем.

Теперь уже отстранилась я. Уперлась локтями в грудь ведьмаку и отодвинулась, заглядывая ему в глаза. Они были светлыми, точно Средиземное море на солнце, печаль ушла, уступив место надежде.

– Что ты сказал? – из горла выползал сдавленный шепот, – ты что...

– Я пристрелю каждого, кто здесь появится по твою душу, – строго ответил Андрей. И неожиданно подхватил меня на руки.

– Пойдем. Я в самом деле хочу услышать твою историю.

– А Инга ее тоже услышит? – механически спросила я, все еще переваривая слово «пристрелю», сказанное колдуном.

– К чему нам Инга? Она все равно не поймет... многое.

– А ты, ты поймешь?

– Попробую, – он усмехнулся, – мне очень хочется.

Я обняла его за шею – какое приятное, почти забытое ощущение! Зачем я пыталась убивать собственные чувства? Почему гнала от себя человека, который был предназначен мне самой Вселенной?

Андрей быстро шел к окраине хутора, все дальше и дальше от светящегося окошка, за которым, отделенная от нас ненадежными стенами, осталась ведьма Инга. Потом он усадил меня на ствол поваленного дерева, сам расположился рядом, на траве, у меня в ногах. И я поведала ему без утайки все, что знала о «Молоте ведьм» и его авторах, о двух приятелях-доминиканцах, ставших смертельными врагами. А я – я по-прежнему была между молотом и наковальней, теперь уже надежно к ним привязанная. Да еще Инга усмотрела в будущем страшную угрозу моей жизни... Что же теперь делать?

Ведьмак вздохнул. Так тяжело, словно ему на плечи опустилась могильная плита.

– Вот, значит как... Живучий, гад. А мы-то все гадали, кто такой этот Эрик на самом деле? Он не демонстрировал никаких сверх возможностей, но при этом... Каждый из нас чувствовал, что где-то в глубине своей сущности он носит древние тайны давно ушедших времен...

Он сел на траве, скрестив ноги по-турецки, задорно тряхнул длинной челкой.

– Так ты говоришь, что теперь они оба к тебе привязаны?

– Да.

– И отстанут только после того, как разыщут друг друга? А следовательно, и тебя заодно?

Я задумалась. Эрик не уточнял, должна ли я быть рядом, чтобы он мог видеть Якова. А может быть, они уже и встретились, и все уже и закончилось? Без моего участия?

– Не знаю. Не знаю! А вдруг... я не так уж и нужна на самом деле?

– Инга видела его... рядом с тобой, когда это случится, – мрачно пробормотал Андрей, – наверное, таковы правила.

– Я не знаю, что делать, Андрей.

– Ничего не делать, – он подобрался ближе и положил голову мне на колени, – пока просто ждать. Я уже говорил тебе, что пристрелю собственноручно каждого, кто здесь объявится...

– Ты нарушишь закон, – я нахмурилась, – и по твоим следам пустят читающих след.

– На путях не остается следов, Лера. И я плевать хотел на Закон, который не может защитить тебя.

А потом... не знаю, что случилось.

Как будто кто-то очнулся внутри меня после долгого сна – и вместе с этим пробуждением в сознание просочился страх. Я смотрела на Андрея, на белеющий в ночи идеальный профиль. И видела его... Неживым. Восковой куклой, мраморным изваянием. В нем больше не было жизни, в моем Андрюхе – Господи, чушь какая! А ведь он собирался меня защитить...

И, повинаясь необъяснимому, странному порыву, я сняла с пальца перстень с изумрудной каплей.

– Вот, возьми его.

– Зачем? – тихо спросил колдун, – мне не нужно... это...

– Если ты действительно меня любишь, то наденешь на палец, и будешь носить не снимая.

Кольцо налезло только на мизинец, да и то едва-едва.

– Я не понимаю, к чему это, – Андрей неуверенно поворачивал руку, глядя, как мерцает камень, – это тебе *он* подарил?

В его голосе явственно проскользнули нотки ревности.

– Да, – я пожала плечами, – пожалуйста, носи его ты. Для меня.

Помолчав, я добавила:

– У меня есть одна просьба. Выполнишь?

– Если она разумна, то да.

– Завтра... поезжай к моим родителям. Я хочу быть уверена, что с ними все в порядке.

* * *

Утро выдалось сырое и туманное.

Вообще, я проснулась оттого, что замерзла: шерстяной плед не спасал от холода, сочащегося сквозь разбитое – и кое-как заколоченное досками – окно. В углу, в метре от моего носа, деловито возился длинноногий паучок, один из тех, кого дети зовут «часики», а на паутине поблескивала роса.

Поерзав на новеньком матрасе (да-да, с Ингой мы спали в одной комнате на приобретенных специально для этой цели матрасах), и не обнаружив, собственно, Инги, я

высунулась из-под пледа, осторожно выглянула в соседнюю комнату, где мы по молчаливому соглашению устроили кухню. Предчувствие... молчало. Вернее, его просто не было – значит, не было и опасности.

Инга куталась в нежно-розовый махровый халат поверх водолазки и джинсов. Она недовольно бурчала себе под нос, откидывая за спину путанные вишневые пряди, и приплясывала, словно шаман, вокруг закипающего чайника. Потом ведьма ловко схватила кружку, сыпанула туда ложку растворимого кофе и залила водой. Запах сырости, травы и старого дома смешался с ароматом кофейным, отчего у меня тут же заурчало в желудке.

Я окончательно проснулась, сбросила плед и, ежась, села на матрасе. Инга выглянула из «кухни» – она грела пальцы о горячую кружку и, судя по выражению лица, пребывала в дурном расположении духа.

– Доброе утро. Наша принцесса от инквизиции желает кофе?

– Доброе, – я пропустила мимо ушей ее язвительность, – спасибо, сама сделаю.

Инга хмыкнула и отвернулась. А я в который раз подумала – вот она, женская дружба. Еще недавно были приятельницы задушевные, а сейчас только что волосы друг другу не выдираем.

Я взяла с подоконника кружку, выудила из коробки пакетик «Липтона».

– Ты помирилась с Андреем? – вдруг спросила Инга.

– Наверное, – я невозмутимо заваривала чай, – мне хочется, чтобы это было так. А что?

– Ничего.

Воспользовавшись паузой, я добыла себе пачку печенья, надорвала ее.

– Он сегодня помчался в город, – тяжело сказала Инга, – как на крыльях. Тоже мне...

– Не говорил, когда вернется?

– Обещал к вечеру.

Она быстро допила свой кофе и, обогнув меня, удалилась в «спальню». Разумеется, перелистывать свои журналы, а я, оставшись предоставленной самой себе, предалась размышлениям – ибо занять себя было откровенно нечем.

Я думала про Андрея. После вчерашнего разговора... мне было приятно о нем думать, вспоминать каждое прикосновение, каждый жест, каждый взгляд. И все-таки я была неправа, когда жестоко гнала его от себя. Да и к чему теперь вспоминать? Теперь, когда, наконец, все начинало налаживаться?

Мда. Налаживаться, как же...

Я отмела прочь мысли о двух древних колдунах и не менее древней колдунье Джейн, допила большими глотками чай и, прихватив с собой остатки печенья, отправилась побродить по заброшенному саду. Сидеть и смотреть на недовольную физиономию Инги не хотелось, а уж слушать ее бурчание тем более.

...Сад начинался прямо за домом: старые абрикосовые деревья, посаженные так густо, что наверху сплелись ветвями. Кора почернела от влаги, кое-где тяжелые ветви были поломаны и беспомощно свисали. А под ногами сочно шелестел пырей. Другим растениям темно здесь, а этому сорняку хоть бы что.

Я задрала голову в поисках зеленой и твердой как боб абрикосы. Но, видно, этой зимой почки побило морозом, деревья отцвели, сбросили белое платье – да все зазря. Ни одной абрикосинки, даже самой заваливающей.

Перешагнув через подгнившую ветку, я двинулась вглубь сада. Потом пришлось перебираться через поваленное дерево, перегородившее дорожку. Нога соскользнула в мокрую от росы траву, я успела ухватиться за влажный от росы ствол... И в тот же миг поняла, что не одна в этом давно заброшенном саду.

Странное это было ощущение. И совсем не похожее на то, когда тебе в спину кто-то смотрит. Пальцы онемели, их закололо, как будто я долго-долго держала руку в одном положении – все это пронеслось в доли мгновения – а еще через секунду я почувствовала свою руку *не своей*. Как будто... это совсем не я держалась за старый абрикос, а...

Джейн.

Она была здесь.

Совсем недавно, иначе я бы не ощутила ее присутствие так ясно, четко...

Ведьма Джейн успела пройтись по саду, подержалась за то же самое дерево, что и я... И значило это...

Издалека донеслось резкое, раздраженное карканье.

Черт!

Оскальзываясь в траве, я метнулась назад, к дому. Джейн успела здесь побывать, следовательно, место моего пребывания больше не тайна для Эрика. А может быть, и с самого начала не было тайной. Может быть, господин инквизитор попросту играл со мной, выжидая удобный момент... Для чего?.. Для нападения? Но какой Эрику смысл меня убивать? Разве то только сам он и был Яковом, а все, что мне было рассказано – пустышка, манок для глупых уток!

...Надо было уходить отсюда. Как можно скорее.

Не знаю, почему я думала именно так, но в висках ухало одно-единственное слово: бежать.

– Инга! – завопила я, подбегая к дому, – Инга, уходим! Бежи-и-и-им!

Три подгнивших ступеньки крыльца, я взлетаю по ним. Распахиваю дверь, не слыша надрывного скрежета петель и треска разошедшихся досок.

– Инга, ты где? Инга, они были здесь!

Черт, ну сколько можно выпендриваться? Да, отношения наши далеки от приятельских, но разве время сейчас для выяснения кто прав, а кто виноват?

– Инга!..

И крик застывает на губах, не давая ни вдохнуть, ни выдохнуть.

Потому что я вижу... Да, теперь действительно вижу Ингу, распростертую на полу рядом с электрическим чайником. Ее лицо закрыто от меня... черным пятном. Господи, да это же не пятно, это рубашка... И теперь уже *он* поднимается с корточек, медленно оборачивается. Яркая внешность Пирса Броснана, которому – опять-таки! – совсем не место в заброшенном доме с провалившейся крышей и заколоченными окнами. Этому мужчине нужно блистать, ослеплять, убивая...

– Инга, – прохрипела я, глядя в лицо убийцы.

– Ну, здравствуй, Лера, – натянуто улыбнулся Михаил, – наконец-то я дождался момента, когда мы с тобой можем без помех кое-что обсудить.

Я попятилась. Обратно, к двери.

И в то же время – что-то щелкнуло, повернулось в голове. Слетели скобы, разошелся шов, сдерживающий воспоминания, и вот я уже снова бегу, под ногами мелькает пятнистый асфальт. То черное, то светло-серое, невысохшие лужи и солнечные пятна. Я удираю от парня, которого опрометчиво хотела приворожить, словно ослепнув от страха, налетаю на кого-то...

– Ой, извините!

– Ничего, ничего страшного.

И я успеваю подумать о том, что налетела на мужчину чрезвычайно приятной внешности, до жути напоминающего всем известного актера... как там его? Пирс Броснан, агент 007... Я бегу дальше, а мысли о человеке, с которым я столкнулась, тают, тают словно туман под солнцем. Или как кубик сахара в горячем чае.

...Все.

– Ты! – выдохнула я, глядя в ярко-синие глаза Михаила.

Каждый кусочек мозаики медленно становился на свое место.

Он имел со мной телесный контакт.

Он был колдуном, причем далеко не самым слабым.

Он видел меня с Эриком, но *мог притвориться*, что поверил своему бывшему приятелю... Да, именно приятелю. И именно бывшему.

– Яков, – беззвучно произнесла я.

И тот, кто собирался привести меня на законную казнь – и тем самым «аннулировать» нашу маленькую магическую связь – кивнул.

– Да. Профессор Шпренгер. Надо сказать, ты мне тоже помогла разыскать моего врага.

Я бросила последний взгляд на Ингу. Кому-нибудь могло показаться, что ведьма просто без сознания – но только не мне. Что-то изменилось в моей соседке. Она как будто погасла, потух внутри алый китайский фонарик...

Но Яков не дал мне даже осознать то, что Инги не стало. Он атаковал, просто и незамысловато – так же, как Эрик в водонапорной башне, подняв в воздух видимую внутренним взором пелену из пепла и голосов тех, кто умер много столетий тому назад.

– Да пошел ты, тварь! – заорала я.

Еще один, быстрый взгляд в сторону Инги – так и есть, она не шевелилась. И уже не принадлежала миру живых... А тот, кто убил ее... Тот, кто все это время играл мной, как пластилиновым человечком, стоял в трех шагах и скалился. Господи, кто бы мог подумать, что у Броснана может быть столь отвратительная, гадкая ухмылка?!!

– Ты сам сдохнешь! – гаркнула я в катящуюся на меня серую стену, – будь ты проклят!

...Все решили мгновения.

Перед глазами замаячил остро заточенный маятник. Тик-так, прямо над моей шеей. И опять мир сделался нежно-фиолетовым, с белыми проблесками по краям, а я снова, как раньше, почувствовала себя его неотъемлемой частью... Вернее, мир вокруг стал частью меня самой. Все – и Яков, словно заключенный в огненную сферу, и дощатый пол, и обсыпавшаяся штукатурка.

– Будь ты проклят! – повторила я.

Как это оказывается просто – сжать дом, словно картонную коробку, одновременно закутываясь в фиолетовый кокон, невесомый, но твердый как алмаз. Темная пелена смерти столкнулась с ним, навалила – перед глазами запрыгали звездочки... Но в этот миг о пол грохнула трухлявая балка, за ней еще и еще. Яков быстро вскинул руки в попытке остановить обрушение крыши, смерть на мгновение замерла, ослабила напор... И я рванулась прочь, добывая несчастный дом, размлачивая его в труху. За спиной скрежетало, с мягким гулом рушились саманные стены, трещали оконные рамы.

Бежать, теперь только бежать. Но куда?

Якова не остановят такие мелочи, как рушащийся дом. Он будет меня искать, он знает где я... Нашел в первый раз, найдет и во второй. Не иначе как это побочный эффект ритуала, проведенного Эриком!

Отбрасывая мокрые ветки, продираясь сквозь лебеду в человеческий рост, я бежала в сторону оврага.

Некоторое время, может быть, я продержусь. Но не долго.

Возвращаться и смотреть – а что там, собственно, с Яковым под обрушившимся домом – не хотелось.

* * *

Сырая глина – слишком плохая дорога для беглеца. Она налипает на ребристые подошвы кроссовок, по пуду на каждую ногу. А еще на глине хорошо видны следы, и любой зрячий человек будет читать коричнево-желтый склон как книгу с крупным шрифтом.

Впрочем, Якову наверняка безразличны мои неуклюжие попытки уйти от погони. Времени у него хоть отбавляй: Инга мертва, Андрей уехал в город... А рядом со мной нет больше никого, равного по силе этому старому колдуну. Да и будет ли профессор Шпренгер смотреть на отпечатки моих подошв на глине? Готова поспорить, ему достаточно того следа, что оставляет мое ментальное поле и той связующей нити, что нас объединяет. Нас, троих...

Я никогда не умела толком бегать, а бегать быстро – в особенности. Стоило добраться до крутого склона, густо заросшего ясенем, как в боку немилосердно заныло, дыхание сбилось, а перед глазами запрыгали мелкие серые точки. Черт!

Овраг, на который я рассчитывала, оказался не в меру глубоким – метрах в десяти внизу сквозь молодую листву поблескивала речка. И зачем я только сюда помчалась?! Сама себя загнала в ловушку. Вот если бы я сразу побежала в сторону трассы, то...

«То все равно не выдержала бы этот марафон», – холодно заключил мой рассудок, – «свалилась бы на пол пути, да еще на совершенно открытом месте. Идеальная мишень».

Ну и что? Можно подумать, что здесь я не мишень. Якову-то что? Не с ружьем же он за мной охотится. Это просто немыслимое везение, что он не может свернуть мне шею на том расстоянии, что пролегло сейчас между нами...

А что? И правда. Если для того, чтобы меня убить, ему нужно быть рядом... Ну, тогда еще можно попытаться улизнуть. Чтобы потом, если очень-очень повезет, добраться до Эрика – «если он завершит начатое, то тебе не жить». Эх.

Я выругалась про себя и начала спускаться по крутому склону. Сырая глина – скользит под ногами, мокрые от росы ветки ясеня так и норовят вырваться из пальцев. Так, спокойно, спокойно Лера – насколько вообще сейчас уместно слово «спокойствие». Может быть, спуститься немного, затем взять в сторону, во-он туда, где хмель оплел куст, превратив его в большой зеленый кокон. И выждать... пока господин Шпренгер не начнет спускаться следом, меня разыскивая. Если повезет, то Яков спустится ниже. И тогда я наверное смогу опередить его, ударить в спину всей силой своей слабенькой магии... Ведь получилось же дом разнести в щепки... А тут можно и камнем по темечку, благо, что увесистые голыши под ногами так и выглядывают...

План, который постепенно складывался у меня в голове, конечно же был самым дурацким и самонадеянным. Уж очень вдохновило меня падение крыши на голову Якову. А ну как получится и булыжником по затылку?.. О том, что произойдет в случае неудачи, я старалась даже не думать. А если повезет, то я вернусь из этого оврага и помчусь в сторону трассы, чтобы поймать там попутку.

Но все, как и следовало ожидать, было решено без меня и моего на то согласия. Треснул корешок, поехали ноги – и замелькало все вокруг: зеленое, рыжее, дымчато-голубое, снова зеленое, рыжее.

Не-е-е-ет! Пожалуйста, нет!

Что-то больно зацепило руку, захрустела раздираемая рубашка, в лоб со всего маху врезало твердым и холодным... И я замерла, боясь шевельнуться. Джинсы мгновенно напитались ледяной водой, эта же водица шустро забралась за пазуху. О-ох. Я растянулась на дне оврага, за малым не захлебнувшись в речке, прозрачной и холодной. В толще воды красивыми цветными пятнами лежала галька.

...Так, Валерия. Не надо паники. Не нужно думать. Поднимайся, вот так, помаленьку. Кости вроде бы целы, на лбу, похоже, роскошная шишка растет. Встань и иди, прямо как в Библии. Куда идти? А-а, вот теперь можно и подумать. Наверное, туда, где можно забраться вверх. Интересно, а где сейчас твой дружок Яков?

Что-то кольнуло меж лопаток, я обернулась – а затем, взвизгнув, бросилась вперед, вдоль речушки, уже не разбирая дороги и слабо соображая, что делать дальше. Потому что Яков... Да, он уже спускался. Только не так, как я – медленно съезжая на попе и хватаясь за ясеневые ветки. Яков просто летел, ухитряясь нести свое тело над недружелюбным глиняным склоном.

...Все. Шикарный план об обрушении на голову колдуна тяжелого камешка рассыпался, словно песочный замок. Но самое жуткое было в том, что Яков ни капли не пострадал от того, что на него упали потолочные балки, пусть и трухлявые. И рубашка у него не запачкалась, и модная стрижка не растрепалась. Шикарный мужчина в черном, которому самое место в Голливуде где-нибудь.

Я задыхалась. Сколько я еще так продержусь? Перепрыгивая через вспученные мокрые корни, шлепая по воде, огибая так некстати вылезающую из земли ясеневую поросль?

Быстрый взгляд назад – расстояние между мной и убийцей медленно сокращалось. То ли Яков не научился за пятьсот лет быстро летать, то ли ему доставляло удовольствие

следить за агонизирующей жертвой. Он молча летел над руслом речушки, раскинув крестом руки... мне показалось, что на губах колдуна играла беспечная и совсем не злая улыбка – «я же тебя, Лера, убиваю не потому, что ты мне навредила. Просто ты мне мешаешь, очень. А так – прости, дорогая, ничего личного».

Эх. А ведь Андрей обещал, что не даст меня в обиду.

Но не я ли отправила его к родителям? И... не я ли... сама отдала ему перстень, единственную вещь, которая могла бы... теоретически конечно, меня защитить от магии Якова Шпренгера?

Вот так оно и получалось. Не Эрик, отнюдь не Эрик лепил мою судьбу. Я сама.

Внезапная боль в лодыжке – и я лечу, лечу вперед, лицом в жидкую грязь вперемешку с битым стеклом. Последняя внятная мысль о том, что здешние ухитрились загадить даже этот овраг. Непроглядный мрак перед глазами. Все.

...Или нет?

Меня ловко подхватили под мышки. Чернильная тьма перед глазами оказалась мягким трикотажем с запахом мяты. Кто-то на мгновение прижал меня к себе, как будто хотел убедиться, что – вот она я, цела и невредима – и тут же отстранился.

– Ты все делаешь неправильно, – холодно заключил Эрик, оглядев меня с ног до головы, – ты готова слушать кого угодно, но только не меня. Это либо упрямство, либо просто непомерная глупость. Первое я еще готов простить, со вторым мириться не собираюсь.

Инквизитор выглядел так, словно только что совершил небольшую оздоровительную прогулку: ежевичные глаза блестели, на щеках появился легкий румянец, коротко остриженные волосы уложены волосок к волоску... И уж совсем он не был похож на человека, который готовился меня убить.

– А где Джейн? – сорвалось у меня.

Эрик еще раз окинул меня взглядом, в котором на сей раз мелькнуло беспокойство.

– Джейн? Она тоже здесь. Также в игре, ждет своего часа.

Он легонько встряхнул меня, давая понять, что не намерен держать на руках вечно. Поставил рядом с собой.

– Ну как ты?

– М-м-м, – неопределенно промычала я.

Все закружилось в хороводе: и стеклянная вода поверх голышей, и ясеновая поросль, и терракотовые лоскуты голого склона. Я невольно уцепилась за локоть Эрика, хотелось еще раз посмотреть ему в глаза, убедиться наконец, что – нет, он не мог желать моей смерти, потому что...

Но вместо этого желудок сжался до размеров лесного орешка, опустился куда-то вниз. А на лице Эрика вдруг появилось выражение сродни тому, что можно наблюдать на физиономии заядлого картежника при виде колоды карт.

– Яков, друг мой! – он развел руками и шагнул вперед, оставляя меня за спиной.

* * *

...Сколько лет они ждали этой встречи? Один – с пренебрежительным презрением победителя, другой – с жадой путника, одолевающего пустыню ненависти и пестующего в сердце надежду на месть. Так просто и так сложно одновременно. Жить для того, чтобы когда-нибудь встретить и повернуть время вспять, припомнить подземелья Шато де Шильон, повредившуюся рассудком Малику и съеденного младенца. Жить, чтобы в итоге положить свою память и свою жизнь на алтарь справедливости – но справедливости той, что истинна только для одного человека в мире и кажется изощренным издевательством для прочих.

Я не могла ни понять, ни принять такого существования. Верю, что большая часть человечества разделила бы мою точку зрения.

...Их разделяло не более десяти шагов. Яков продолжал парить в воздухе, Эрик...

вернее, Генрих, стоял на земле, закрывая меня собой. И в те бесконечно долгие мгновения они оба показались мне невероятно, непостижимо прекрасными. Таких, как они, просто не могло существовать в нашей серой действительности – два ангела, застывшие по разные стороны пропасти, с призрачными крыльями цвета антрацита.

– Значит, ты стал Михаилом, – нарушил молчание Эрик, – разумный ход. Мне стоило догадаться об этом раньше.

– Мне незачем было искать с тобой встречи, – кажется, голос Якова дрогнул. Или померещилось?

– Только одна ошибка, Яков.

– Я знаю. Случайность, не более.

– И не более, чем случайность то, что я встретил ее, доказательство твоего существования.

Яков поморщился и сложил на груди руки.

– Ты стал как они, Генрих. Ты даже говоришь как они, эти новые смертные.

Эрик пожал плечами.

– Не стоит полагать, будто меняюсь только я. Но ведь мы здесь не для этого, верно?

– Не представляю, для чего здесь *ты*. Мне нечего тебе сказать. И незачем. Я сделал то, что хотел и оказался сильнее.

– Полагаю, нам действительно не о чем говорить, – глухо промолвил Эрик.

– Конечно, друг. *Vince sacrificans*, не так ли?

– Воистину. Но только на сей раз жертвой будешь ты.

– А я не верю тебе, Генрих, – спокойно отозвался Яков, – и ты, Лера, не верь.

В следующий миг он резко выбросил вперед руки, как будто хотел сдернуть пласт реальности. И мир вокруг действительно содрогнулся, застыл на мгновение... А потом я почувствовала, как на затылке зашевелились волосы: земля под моими ногами потекла. Как теплый воск, как только что приготовленный гуляш из глины, камней, журчащей воды.

– Держись за меня, – прошипел Эрик, не оборачиваясь.

Ну конечно! Подошвы его ботинок уже давно не касались плывущей почвы, ему не нужно было подпрыгивать, балансировать, пытаться удержать равновесие... Я что есть сил вцепилась в плечи инквизитору, повисла на руках – весь овраг продолжал двигаться к Якову большим червем.

– Это ненадолго, – уголком губ усмехнулся Эрик, – сейчас последует...

И он оказался прав. Последовало. Да еще как!

Все остановилось. А вокруг Якова засветилась полупрозрачная сфера, сотканная из гнилостно-зеленых светляков. Она росла, пухла, как воздушный шарик, отвоевывая себе все новое и новое пространство – а там, где потусторонний свет соприкасался с живым, оставалась серая, аморфная масса. Грязь, густо замешанная на пепле.

– Господи, – выдохнула я, отчаянно цепляясь за Эрика.

Смерть приближалась, подползала к нам – а он ничего не предпринимал. Все еще не предпринимал, хотя я чувствовала, как внутри инквизитора свился тугой, ослепительно белый кокон.

– Эрик...

– Ты мне поможешь? – невинно моргнул он, – когда я скажу, ударь врага. Как сможешь... и этого будет предостаточно.

– Хорошо.

Я кивнула. Подумала о том, что может сейчас делать Джейн и почему она держится в стороне, когда ее любовь может попросту погибнуть.

Прочь размышления! В висках гулко заухало, мир подернулся фиолетовой дымкой. И в тот миг, когда сотканная Яковым сфера коснулась Эрика, он отпустил на свободу то, что до сих пор носил в себе.

Ярость. Невыносимая боль, от которой можно сорвать голос. Горечь страшной потери. Возмездие...

Слепящая молния рванулась к колдуну, во все стороны брызнула зелень, точно кровь из разрубленной артерии, расколола этот мир на две обугленные половинки... И застыла, нависая над Яковом. Эрика затрясло.

– Бей! Сейчас же!

Они были равны, два старых приятеля. Один достойный враг другому. Но первый был одинок, а второй – нет. И я ударила изо всех сил, схлопывая вокруг Якова ткань нашего мира, что есть мочи сжимая переплет этой чудовищной и одновременно чудесной книги...

– Молодец, – прошептал Эрик, сжимая мои пальцы. Я успела увидеть, как блестят крупные капли пота у него на лбу.

Спустя мгновение все пропало. И Яков... Он открыл рот в немом вопле, поднял руку, потянулся ко мне – и в один миг осыпался на траву кучкой головешек.

А потом что-то взорвалось внутри меня, плеснуло горячим фонтаном. Поплыли куда-то вбок деревья, наливаясь темнотой. Кажется, меня тряс Эрик, его перекошенное лицо быстро таяло и расплывалось.

– Лера! Где кольцо?!! Где?!! Кольцо?..

– Какая же ты сволочь, – донесся издалека голос Андрея. И – выстрелы, один за другим.

* * *

...Я ждала, когда пред глазами начнет пробегать вся жизнь. Как об этом пишут – яркими вспышками, отдельно взятыми кадрами. Наверное, все этого ждут, с грустью и сожалением. Но воспоминания молчали. Осталась небывалая легкость, свет далеко вверху. Я оттолкнулась от невидимого, того, что меня удерживало, и... Вдруг увидела себя.

Я лежала в высокой траве, раскинув руки и уставившись в небо. В застывших глазах отражались кроны деревьев и белая точка солнца. Подбородок кто-то щедро разукрасил темной блестящей глазурью, она пачкала шею и тягучими каплями стекала на воротник клетчатой рубашки. В которой, как ни крути, было что-то неправильное. Чего-то не хватало... Отсутствовала нижняя часть кармана. Она провалилась в черноту, пропиталась темнотой. Вместо ткани рубашки были влага и беспросветный мрак, сложившиеся в аккуратную лунку. И на дне ее барахтался комар, увязая все глубже и глубже.

Разве это я? Как странно. И совершенно, ни капли не больно. Только вот рядом...

Вцепившись в мое предплечье, навзничь лежал Эрик. Черная водолазка расцвела багровыми цветами, а на щеке – Господи, как странно это видеть – стыла мокрая дорожка, как будто в последние минуты жизни старый инквизитор... плакал. И тут же, стоя на коленях, над тем, что осталось от Валерии Ведовой, глухо рыдал Андрей.

– Лерка, Лерочка... прости... меня... Вернись, ну вернись... Как же я без тебя?!!

Мне так хотелось его утешить. Сказать, что со мной ничего плохого не произошло – ведь на самом деле не больно, и даже не грустно. Чего убиваться тогда? Ему, наверное, стоило узнать о том, что теперь я всегда теперь буду рядом, но... Как странно. Я ощутила чужое присутствие. Существа, подобного мне.

...Лицо Джейн казалось выполненным из тончайшей золотой проволоки. Нет плоти, нет ни кожи, ни губ, ни носа – одни сверкающие контуры, постоянно меняющиеся, изгибающиеся, переходящие друг в друга. И вместе с тем я необычайно четко видела ее перед собой, светлую, лучистую, воздушную – вернее, невесомую. Джейн была исполнена тихой грусти и, как ни странно, искреннего сострадания. В обычной жизни его так остро не почувствовать, а здесь, в этом странном месте вне мира оно выглядело как рябь по воде на лунной дорожке. Согревало, утешало, давало надежду.

Но... если мы вместе, значит, и она?..

– Ты хороший человек, Лера, – услышала я чистый голосок Джейн, – возвращайся.

Андрей

... Как же я без тебя?! Как?

Он заскулил и скорчился рядом с неподвижным телом своей любимой. Он вернулся с пол-дороги, почувствовав неладное, но все равно опоздал...

Ведьмак заглянул в ее застывшие глаза, увидел собственное отражение – вытянувшееся лицо, кривые острые зубы, торчащие из-под верхней губы – но даже не дрогнул. Какая разница, человек ты или еще кто, когда ее, единственной, больше нет?

Андрей положил голову на грудь девушки и замер. Ему не хотелось ни двигаться ни вообще... жить. Какое было бы счастье, окаменеть вместе с ней и быть рядом, касаться щекой ее шелковой кожи всегда!

Потом он вздрогнул и глухо зарычал. Враг, только что убитый, дернулся всем телом, шевельнулся и захрипел. Андрей оторвался от своей святыни, оперся руками о землю, готовясь к прыжку... Но это оказалось излишним: враг бился в агонии, все еще цепляясь за плечо Леры, его лицо уже походило на оскал черепа, а глаза все искали, искали кого-то.

«Он не должен к ней прикасаться», – мелькнула горькая мысль, – «она слишком чиста, чтобы он трогал ее своими грязными руками».

Андрей подался вперед, с усилием отодрал пальцы инквизитора от Леры. Если бы пришлось, то отгрыз бы всю руку. И случайно их взгляды встретились – его и врага.

Эрик задрожал всем телом, кровь толчками выплескивалась из аккуратных дыр в груди.

– К...коль...цо... где?.. – внутри инквизитора все хрипело, шипело и булькало, но взгляд...

Взгляд оставался чистым, осмысленным и ненавидящим.

– Отправляйся в ад, если он существует, – пробормотал Андрей.

Эрик стал черным расплывчатым пятном перед глазами, назойливым и не дающим смотреть на Леру.

Андрей поднял пистолет и два раза нажал на курок, выпуская в черное пятно остаток обоймы. Инквизитор последний раз дернулся и затих – но в этот миг ведьмак очень явственно расслышал женский стон. Горестный, полный безумного отчаяния.

– Лера?! Ты жива?

Но нет. Она по-прежнему не дышала и, естественно, стонать не могла.

«Моя любимая», – он снова положил лицо на ее грудь, – «мы всегда будем вместе».

А потом раздался собачий лай. Где-то рядом оказалось множество крупных собак, овчарок – и они, похоже, приближались. Он завыл, взрывая ногтями землю. Кому могло понадобиться пригнать сюда собачью стаю? Да еще стаю, от которой волнами расходилось слабенькое, но все же колдовство?

...Конечно же, инквизиции.

Привычный страх оказался сильнее горя, сильнее любви.

И Андрей, вскочив на ноги, помчался прочь, вверх по обрыву, стараясь вырваться из стремительно смыкающегося кольца.

Вместо эпилога

...Возвращайся. Куда? И откуда?

Но это «возвращайся» до сих пор звенело в ушах, неприятно отдавая в челюсти. Потом где-то неподалеку зазвонил будильник. Кажется, пора просыпаться и перемещать свое невыспавшееся тело по направлению к ванной. Контрастный душ – лучшее средство от сонливости. Если я утром ополоснусь под холодной водицей, то потом весь день бегаю как заводной заяц на батарееке энерджайзер... Стоп.

Ведь я же... мертва?!!

В голове бухнула хлопущка с конфетти. Мертва, мертвее не бывает! Я же помню... себя, свое изувеченное тело, от которого магия – будь она трижды проклята – отхватила

приличный кусок мяса вместе с ребрами... помню рыдающего Андрея, помню дикий, безумный взгляд Эрика... Кольцо, Лера. Где кольцо. А еще... были выстрелы, много, я так и не сосчитала, и все пули нашли свою цель...

Страх подкрался, стиснул сердце костлявой лапой. Да что же это? Сердце, между прочим, билось – следовательно, я по-прежнему была живой. Но после того, что со мной случилось, обычно отправляются сразу в морг...

Мысли завертелись цветной каруселью, все быстрее и быстрее, все закачалось, как будто я плыла сквозь бурю на утлой лодочке. Возвращайся, Лера. И живи дальше.

...Я открыла глаза и уставилась на потолок сомнительной белизны с отвалившимся куском штукатурки в углу. Черт, а? Наверное, я и видеть стала лучше, чем до того... как меня убили. Раньше глаза уставали от монитора, иной раз слезились. А теперь я взидала на потолок и с легкостью отмечала тонкие, как волос, трещинки.

М-да. Теперь осторожно, не спеша поворачиваем голову. Так и есть! Рядом еще койка, пустая, оставленный кем-то грязно-зеленый стул с железными ножками. А еще ближе ко мне – белая стойка с капельницей, из вены торчит игла.

Внезапно рот наполнился горечью, и я едва удержалась, чтобы не заорать. Я поперхнулась рвущимся из легких воплем, крепко зажмурилась, снова открыла глаза... Джейн! Господи, Джейн, зачем же ты так?!!

Я заскулила как побитый щенок. Потом расплакалась. А душа моя растерянно озиралась, оглядывалась в новом пристанище, с интересом осваиваясь в новом доме. В теле ведьмы Джейн.

Ох, Мария, Мария.

Будь на то моя воля, я бы никогда не приняла подобный дар. Значит, ты как-то умудрилась мою отлетающую душу водворить в живое – и могущее жить дальше – тело. Хватило бы для этого просто силы твоего сострадания? Или ты была знакома с тайнами древних магов, еще более древних, чем твои ровесники Генрих и Яков? Теперь уже не узнаешь... Теперь... У меня, Леры Ведовой, была бледная кожа, медные локоны и светлые зеленые глаза, похожие на кошачьи. И множество воспоминаний теснилось в голове – неясных и чужих, скорее принадлежащих этому шестисотлетнему телу. А в груди, под ребрами... Шевелился, ворочался с боку набок страшный дар палача – то ли мой собственный, выращенный Эриком, то ли оставленный Марией Йоркской... Так кто же я теперь на самом деле? И – о Боже! – как я в таком виде покажусь родителям? Как заставлю их поверить в то, что не погибла?!! Ведь наверняка тот, кто доставил меня сюда в беспамятстве, подобрал и тело Валерии, мое родное и навеки утраченное тело?..

Подушка намочила от слез, я все плакала – тихо, почти бесшумно. И не было ответа на совершенно дурацкий вопрос: кто заплатит за то, что со мной произошло? Кто?!!

Круглобокий флакон, из которого мне в вену лилось лекарство, опустел. Я механически выдернула иглу, согнула руку в локте – Валерия Ведова никогда бы на это не решилась, позвала бы медсестру. А Джейн... Ха, ее тело помнило еще и не такое...

А что дальше?

Допустим, уйду я из больницы, но куда податься? К родителям так сразу нельзя наверное. В дом Эрика... наверное, не стоит – при одном только воспоминании об инквизиторе по телу прошла болезненная судорога. Нет его больше, Эрика, и вовсе не Палач тому виной...

О том, где могла жить Джейн самостоятельно, я не имела ни малейшего представления – а тело пока что предпочитало помалкивать.

Я уткнулась лицом в подушку, жалея и Эрика, и Марию, и себя. Если бы только забыть... Изумленный, горестный взгляд Эрика – и «где кольцо?». То самое, что я отдала накануне Андрею как талисман. И этот человек, по словам Инги, желал моей смерти? Никогда не поверю... Но – уже поздно.

Скрипнула тихо дверь. В больницах всегда они скрипят, где-то больше, где-то меньше. Неужоженное здание, несмазанные петли. Я оторвала тяжелую голову от подушки – в палату

осторожно вошел мужчина в черном сюртуке, невысокий, крепкий, с роскошными седыми бакенбардами – «которым бы позавидовал и Базаров».

Я смело выдержала его взгляд. Интересно, кого он видел сейчас во мне, этот хранитель тайн Генриха? Джейн? Валерию?

– Good morning, Jannet, – тихо сказал Бернард.

Значит, все-таки Джейн? Что ж, так тому и быть...

Я ответила ему на прекрасном британском английском – тело помнило.

Бернард тяжело вздохнул, огляделся, покачал большой угловатой головой. Затем взял стул, поставил его рядом с моей койкой и уселся. От него хорошо пахло табаком. Не сигаретами, а именно табаком, которым набивают трубку... А ведь Лере Ведовой никогда не нравился этот запах!

– Ты просила, чтобы я принес тебе вот это, – он достал из кармана запечатанный конверт, – на тот случай, если с тобой что-нибудь случится.

Я и бровью не повела, принимая... возможно, ключ к жизни Джейн. Потом откашлялась.

– Где меня нашли?

Лицо Бернарда как будто потемнело. Насупились кустистые брови, в темных глазах появился опасный блеск.

– Разве ты не помнишь?

– Хочу услышать от тебя.

– Над оврагом. Как раз над тем местом, где нашли свою смерть Яков Шпренгер и та девчонка, *связующее звено*. Жаль ее... но ведь мы с тобой знаем, что она была обречена с самого начала?

– Да, – я стиснула конверт. Что ж, поплатитесь вы у меня. Все до единого...

– Тебе не удалось завершить миссию палача, – тяжело проговорил Бернард, – не печалься. Считай, что ты теперь свободна.

Я поехала. Эрик, Эрик... Стоило ли тебя жалеть, после того, что ты сделал со мной? А может, тебя стоило ненавидеть? Или... наоборот, просто любить, как это делала Джейн, на протяжении столетий, совершенно бескорыстно и ничего не требуя взамен?

– Ты покажешь... где он похоронен? – голос сорвался. Ну и пусть, так Бернарду проще поверить.

– Вот, возьми, – он деревянным жестом протянул мне клочок бумаги. Аллея такая-то, могила такая-то. Я прикусила губу, чтобы не разрыдаться.

– Что... с тем... ведьмаком, что стрелял в...

– Ушел, – швейцарец пожал широкими плечами, – ведьмак оказался ушлым малым. Нахватался знаний, уж не знаю, откуда – и ушел. Я ничего не смог сделать... Как ты, Джейн?

– Почти... хорошо, – выдохнула я, – еще вопрос, Бернард. Что с телом... той... девочки?

– Не беспокойся, все нормально. Облили бензином и сожгли.

– Понятно.

Я закрыла глаза и откинулась на подушку. Будьте вы прокляты. Все-все.

...Он не стал засиживаться. Ушел быстро, словно опасался оставаться со мной наедине, не забыв при этом оставить на стуле пакет с одеждой. Ах, да. Совсем забываю о том, что я теперь прежде всего – палач. Создание, на которое не действует чужая магия – но которое может убивать быстро и эффективно. С-сволочи.

Я надорвала конверт, достала лист бумаги, исписанный мелким, четким почерком. Ноготки у Джейн были ухоженными, с неизменным «французским» маникюром – и это бросалось с непривычки в глаза. Такими ручками – и тяжеленный меч ворочать? Хотя... что это я? Меч весит килограммов пять, не больше...

«Дорогая Лера. Если ты читаешь это письмо, значит, все сложилось именно так, как я и предполагала. Значит, ты не пережила тот момент, когда увязший в твоём теле крючок выдернули вместе с мясом. А это, прежде всего, означает, что меня, Марии, больше нет с

вами, но ты, Лера, оказалась в чужом теле. Оно не молодо, конечно, но недурственно сохранилось».

Я невольно усмехнулась. Превосходный английский юмор. Шуточки с того света... Усмехнулась – и начала читать письмо, теперь уже внимательно, не упуская из виду ни одного словечка.

* * *

«Теперь, когда наконец закончилась эта неприятная история, ты можешь узнать правду. Все, как оно было на самом деле – и то, что старательно скрывал наш друг Генрих. Истина проста, Лера. И заключается в том, что ты была обречена с того самого момента, как тобой решил воспользоваться наш враг Яков: он непременно убил бы тебя сам, и также непременно должен был убить тебя, умирая. Да-да, я не стесняюсь называть господина Шпренгера врагом! Он хуже, чем враг, он предатель, алчущий безграничной власти и бесконечной жизни. Он держал своего друга в Шильонском замке, он совратил Малику на путь зла, он повинен в смерти не одного младенца – полагаю, этого довольно, чтобы считать Якова исчадием Ада (если таковой, конечно, не является чистой выдумой).

Но не будем о Якове, поговорим о тебе. И мне, и Генриху было хорошо известно, что стоит разделаться с Яковым – тебе не жить. Знаю, мое молчание было подлостью, но надеюсь, что искупила свою вину перед тобой. А Генрих... Он смотрел на тебя все более внимательно. Сперва как на объект исследования, потому что твой Дар оказался довольно редким, затем как на хорошего, достойного человека, а потом... Как на женщину, которую любят всем сердцем. Мы слишком много лет провели рядом, скрыть что-либо от меня непросто. И я знала, сколько бессонных ночей провел Генрих, разыскивая путь к твоему спасению. Ведь побеждая, чем-то неизменно приходится жертвовать, и в данном случае этой жертвой изначально была ты. Единственным средством казалось кольцо с наложенной ментальной формулой. Оно должно было положить начало ускоренной регенерации тканей на месте разрыва – но, коль скоро ты читаешь это письмо, мы с тобой знаем, что у Генриха не получилось тебя спасти.

Теперь поговорим о нас с тобой, Лера. Я не долго размышляла, чтобы принять то решение, которое было принято. Пожив немало, я уверена в том, что в моей жизни не было ни грана смысла, потому что убийство, моя единственная способность, всегда бессмыслица. Я была одинока, у меня не осталось родителей (а тебе должно быть известно, как давно они уснули вечным сном), у меня не было детей. Смешно, да? За пять столетий я не удосужилась обзавестись ребенком, потому что так и не смогла изжить страха перед проклятием дома Белой розы. Единственное, что у меня было – это моя безответная любовь к тому, кого я должна была убить. Но как можно лишиться жизни того, кого безумно любишь? Миссия палача так и осталась невыполненной. Я бы не смогла отрубить голову Генриха и привезти ее своему наставнику, который и по сию пору живет в Италии, неподалеку от Рима, и не смогла бы в качестве «залога» отдать человека, который достоин жизни. Потом, когда я узнала тебя поближе, то поняла: ты не можешь так глупо и нелепо погибнуть, только потому, что случайно встретила Якова; Судьба слепа, но ее разорванные нити можно попытаться связать.

Я давно не встречала столь чистых людей, как ты, Лера. Твое существование есть добро для этого мира, я так полагаю. А отданная во имя добра жизнь уже не может быть бессмысленной.

Теперь мое тело в твоём распоряжении. Прости, что не удалось сохранить твоё собственное – но я могу лишь соединить разорванную нить, не в моих силах подарить тебе нить новую.

Возможно, с тобой захочет поговорить Наставник, имени которого я так и не узнала.

Возможно, тебе захочется уехать из страны.

Ты вольна делать все, что пожелаешь, ты теперь абсолютно свободна.

Я вложила в твой почтовый ящик еще одно письмо – там номера моих счетов и пароли, кредитные карты и документы на имя Джейн Файерхилл, адреса моих домов в Европе – в общем, все, что тебе может пригодиться. Живи, и пусть хотя бы твоя жизнь не будет такой же пустой, как моя. Прощай.

P.S. Если кто-либо спросит тебя о том, что случилось с Генрихом, тебе необходимо убедить всех интересующихся лиц в том, что он мертв, а Эрика – в том, что ему следует исчезнуть. Иначе тебе придется самой сделать то, на что я оказалась неспособна. Если оба варианта окажутся для тебя неприемлемы, то жизни многих невинных подвергнутся опасности. Я надеюсь на твое благоразумие».

Я скомкала лист бумаги. За что ты просил прощения, Эрик? – «Ты никогда не узнаешь». Так было проще. Так было лучше. Смогла бы я столько ночей спать спокойно, если бы знала правду? Имею ли я право ненавидеть Эрика за эту ложь?

Заглянув в пакет, что оставил Бернар, я обнаружила там легкие туфли на шпильке, черные джинсы и такой же черный свитер с высоким воротником. Траур по Валерии Ведовой. Или по Генриху Крамеру?..

Я села, стянула ситцевую ночную сорочку – белую, с фиолетовыми колокольчиками, затем быстро, насколько могла, оделась. Делать в больнице было нечего. Я нырнула в лаковые туфельки, поднялась. Лера никогда не носила шпилек, зато их обожала Джейн...

В коридоре было темно и шумно, толпились больные в очереди на перевязку, бегали медсестры, что-то писал в журнале врач – большой, в смешном бирюзовом колпаке, отчего казался еще выше.

Я выскользнула из палаты и скорым шагом двинулась к лестнице. Никто меня не остановил. Больных здесь было слишком много, и никому не была интересна элегантно одетая молодая женщина с ярко-рыжими волосами.

Оставаться в больнице и правда не было ни малейшего смысла. Тем более, когда на меня обрушилась такая уйма дел: во-первых, освоиться с имуществом мисс Джейн Файерхилл, во-вторых – как-то дать о себе знать родителям, в-третьих – увидиться с Андреем, рассказать ему о том, кто я... Ну, и напоследок... наверное, побывать на могиле Эрика.

* * *

Очень скоро выяснилось, что Джейн была богатой женщиной, с многочисленными счетами в европейских банках и еще более многочисленными поклонниками, которые ежедневно набивали ее почтовый ящик письмами. Джейн недурственно водила вишневый «Опель», Джейн одевалась дорого и со вкусом, любила золото, предпочтительно с хризолитами, которые чудно оттеняли ее зеленые глаза, делая их теплее и как-то добрее.

Я привыкала к труду. К тому, что горничная приносила кофе в постель, к тому, что на завтрак приходилось есть овсянку, а ужин и вовсе отсутствовал. И я никак не решалась позвонить родителям. Брала в руки телефон – и клала ее на место. Кто знает, как они отреагируют на происшедшее?!!

Но потом, спустя неделю, все-таки набралась храбрости и... позвонила Танюхе. Вот с кого нужно было начинать брать бастион отчего дома.

– Алло? – прозвучал уверенный голос моей сестрицы.

– Тань, привет, – выпалила я, – это Лера. Нам нужно с тобой встретиться. Ну, давай сегодня вечером, а? На набережной, у спуска?

– А чего стряслось-то? – лениво отозвалась Танька, – и с голосом у тебя... чего?

– Ну, вечером узнаешь, – просипела я торопливо, – только обещай, что не будешь впадать в панику и звать милицию.

– Заинтриговала, – Танюха, кажется, задумалась, – давай встретимся. А то пришла бы к нам в гости, рассказала, как да что. Папа и мама волнуются, боятся, как бы этот твой... знакомый не оказался бандитом и вообще проходимцем.

– Нет, давай ты сперва сама на меня поглядишь, а? – взмолилась я.

– Ой, ну ладно тебе, договорились... Вареник.

Я долго слушала короткие гудки после того, как Танька положила трубку. Эх, знала бы она, во что превратился ее неуклюжий и стеснительный Вареник... Потом, вздохнув, я начала собираться. Для обретения душевного спокойствия было бы неплохо пробежаться по магазинам, а уж потом – на встречу.

В ушки – хризолиты, травянисто-зеленые, сверкающие. Немного пудры, бледно-розовый блеск на губы – Джейн яркие тона помады оказались не к лицу. Классические серые брюки, легкий белый топ и пиджак поверх. Вот такой была Джейн, и такой стала я, Лера...

Потом я битых два часа слонялась по дорожущим бутикам и откровенно скучала, когда довольные продавщицы паковали мои приобретения. Покинув последний магазин, я только вздохнула с облегчением; осталось только сгрузить покупки на заднее сиденье моего «Опеля», как вдруг...

Я увидела... Его.

По противоположной стороне улицы, через дорогу от меня, шел Андрей. Ошибиться было невозможно: высокий, стройный блондин в джинсах и черной футболке, отросшие волосы собраны в пучок на затылке, на глазах – темные очки на пол-лица... Но мне ли не знать его походку, его привычку сжимать правую руку в кулак?

Пакеты посыпались на асфальт – ну да черт с ними!

– Андрей! Андре-е-ей!

Я побежала к нему, остановилась у дороги и, выждав, рванула наискосок через две полосы.

Он тоже остановился, глядя на меня. Наверное – с удивлением. Он же не знает, не знает, что я теперь живу в теле Джейн!

– Андрей! Слава Богу, ты жив! – я с разбегу повисла у него на шее, – Господи, я так беспокоилась, зачем ты ходишь по городу просто так? После того, что...

На моих предплечьях сомкнулись стальные клещи. А потом меня буквально отшвырнули в сторону. Он. Оттолкнул меня. Через темные стекла очков не видно глаз...

– Андрей, – я снова бросилась к нему, на миг ощутила запах одеколона, такой родной, близкий... – это я, Лера!

И вдруг он с силой прижал меня к себе, наклонился к самому лицу.

– Ты что, не узнаешь меня? – прошептала я, с надеждой глядя сквозь стекла солнечных очков, – я Лера... Ну пожалуйста, я знаю, что в это трудно поверить!

– Ты мразь, – его хриплый голос оглушил меня, – ты... вы убили ее... и теперь ты пришла, чтобы издеваться надо мной?

– Андрей... – я не поверила своим ушам, – поверь, прошу... Я – Лера. Лера!!!

– Не смей осквернять ее имя, – рявкнул ведьмак, – если будешь за мной ходить, тоже получишь пулю. В лоб. Поняла?

И он отбросил меня так, что я не удержалась на ногах. Господи, за что мне это?.. А если... Если и Танька, и родители... Вот так же отнесутся? Не поймут, не почувствуют?..

Вокруг быстро собиралась толпа зевак. А я, словно сомнамбула, очень медленно, медленно поднималась с асфальта. И никто не протянул руки, чтобы помочь хрупкой на вид дамочке. Андрей больше не смотрел в мою сторону. Мой... Андрей...

– Истеричка какая-то, – обронил он сквозь зубы, – сумасшедшая.

На мизинце гневным оком сиял изумруд, который должен был меня спасти – и который, увы, не пригодился даже Андрею.

Я всхлипнула, быстро вытерла глаза. Кто заплатит за все, что со мной случилось? В какую дверь небесной канцелярии теперь стучаться, у кого просить справедливости?..

Андрей быстро повернулся и зашагал прочь, не оглядываясь. И только тогда кто-то – я не сразу поняла кто – протянул руку, и помог мне подняться.

– Девушка, вам нехорошо?

– Да нет, все хорошо. Почти, – я всхлипнула, глянула в сторону помощника... вернее,

помощницы.

На меня с сочувствием взирала Танюха, которая, судя по всему, тоже решила прогуляться перед нашей встречей.

Но теперь – все равно. Я отряхнула брюки, все еще придерживаясь за крепкий Танькин локоток, поправила прическу, пощупала стремительно растущую шишку на затылке.

– Привет, сестренка.

Танька быстро убрала руку и бочком-бочком, осторожно попятилась подальше от сумасшедшей. Наверное, в те мгновения она подумала, что красавец блондин оказался прав. Чокнутая истеричка. Еще минута – и бросится наутек, так, что пятки засверкают.

– Я тебя предупреждала, Танька, что тебе не понравится... то, что ты увидишь, – выпалила я, – а ты, в свою очередь, обещала не паниковать и не звать милицию. Обещания, между прочим, надо выполнять.

Она остановилась. Еще раз, очень пристально, оглядела меня. А потом спросила:

– Где наш звездолет, а?

– Его отдали детям тети Нади, – отчеканила я.

И это была абсолютная правда. Нашу двухъярусную кроватку подарили другим детям, чтобы была она у них и лодкой подводной, и космическим кораблем, и еще много чем...

Танюха подошла ближе, все еще не сводя с меня настороженных, перепуганных насмерть глаз.

– Вареник... это че, правда ты?

– Правда, Тань. Поехали, поужинаем, – я устало махнула в сторону «Опеля», – да еще, вон, покупки мои рассыпались.

Потом мы сидели в маленьком кафе на берегу южного моря и поглощали белое итальянское вино, потому что, как выразилась Танька, в этой истории без ста грамм ничего не понятно. Солнце село, над горизонтом плавала жемчужная дымка, еще выше, почти в зените, проглядывал серебряный рожок убывающей луны. Пахло водорослями и дымом, повсюду на побережье в маленьких кафе жарился шашлык. Начинался сезон отпусков, скоро от приезжих яблоку будет негде упасть...

Мы говорили о многом, но в основном вспоминали детство, недалекую юность, наши маленькие детские секреты вроде «тайны о пролитых на ковер чернилах».

– Теперь я верю... что это ты, – наконец изрекла сестричка, откидываясь на спинку стула, – но все это... согласишься, довольно... неординарно. И я не знаю, как отнесутся к такому вот... папа с мамой.

– У меня самой волосы на голове шевелятся от страха, – призналась я.

– Э-э, а что случилось... с тем, твоим телом?

– Его больше нет.

– Жалко, – протянула Танюха, – я к нему как-то больше привыкла. И оно было хорошим. Хотя и это недурственно смотрится.

– Спасибо тебе, – пробормотала я, впервые в жизни получив комплимент от младшей сестры.

Она залпом допила вино и уставилась на меня.

– Слушай, а поехали к нам домой, прямо сейчас? Скажешь, что во имя науки пластическую операцию сделала...

– Ага, и от этой операции стала сантиметров на десять ниже?

– М-м-м... – Танька снова задумчиво уставилась на меня и замолчала. Потом спросила, – а что с твоим... ну, этим...

– С Эриком?

– Ну да.

– Его тоже больше нет. Как и моего старого тела.

– Фигово, – в сердцах сказала сестричка, – шикарный был мужик, побольше бы таких... ну, все равно, поехали к нам. Все лучше, чем быть одной. Ты не бойся, я всю разъяснительную работу на себя возьму.

На мгновение мне снова стало страшно. Но Танюха выглядела настолько уверенной в себе, что я согласилась.

– Только такси вызову, – я кивнула в сторону пустых бокалов.

...Папу и маму пришлось долго отпаивать корвалолом.

– Ну, считайте, что Лерочка сделала ринопластику, пластику груди и вообще, – пыталась их утешить Танька.

– И вообще, поменяла тело, – вздыхал папа, массируя левое подреберье, – ох, Лерка, не ожидал от тебя такого, не ожидал...

– Всегда была послушной девочкой, – добавила мама, – не то, что Татьяна. Ну зачем ты так, а? Мы с отцом от беспокойства места себе не находили... Ты нас чуть в могилу не свела!

– Ну, теперь уже не сведет, – встряла Танька, – теперь уже все будет хорошо. Правда, Вареничек?

Я снова разревелась, но теперь уже от ощущения тихого, уютного счастья. У меня снова появилась семья. Мне было, кого любить – а это так важно, когда есть кого любить и о ком заботиться.

...Осталось совсем чуть-чуть. Посетить одну могилу, и затем тихо закрыть книгу этой истории.

* * *

Я не люблю кладбища. Вид надгробий – черных, белых, серых – напоминает мне о том, что все имеет свой конец, и сама я в том числе. Меня пугают даты, потому что они красноречиво указывают человеку на его истинное место на земле. Место неприметной песчинки, спички, которую ничего не стоит переломить. И я не нахожу ровным счетом ничего манящего и романтического в слове «смерть».

Мой «Опель» неторопливо полз по ухабистой дороге. Слева, в косых лучах заходящего солнца, зеленели березы. Справа – свежевыкрашенные ограды, кресты, увядшие розы и утратившие былую яркость венки. Тоскливо.

Я в который раз сверилась с бумажкой, которую сунул мне в больнице Бернард, щурясь и прикрывая глаза ладонью, с трудом разобрала номер аллеи на аккуратной белой табличке. Похоже, мне сюда. Я выбралась из машины, подхватила букет алых роз и дальше пошла пешком. Но стоило только пойти по этой земле, набравшейся печали, словно губка воды, на сердце стало еще тяжелее.

Ведьма – уже не человек. Она по-иному воспринимает мир, особенно остро, чутко. Краски ярче, запахи сильнее. А еще следы, оставленные другими... Да, я стала палачом. Но кроме этого страшного дара, при мне осталось и умение слышать и видеть память вещей, чего, судя по всему, была лишена бедняжка Джейн. И теперь, шагая по тихому кладбищу, я старалась глядеть себе под ноги. Каждый холмик с крестом в изголовье, каждое надгробие, каждый обелиск вопили, выкрикивая все один и тот же вопрос: почему? Почему он? Почему сейчас? Почему так несправедливо? Почему. Мы. Смертны?!!

Вспору зажмуриться, зажать ладонями уши и бежать отсюда, забиться в уютный салон «Опеля». Но я все-таки стиснула зубы и... дошла. Остановилась перед новым обелиском из черного мрамора, еще раз сверилась с номером на моем путеводном листке. Все совпадало. На полированной и холодной поверхности не было ни портрета, ни имени. Гравер искусно выполнил сложный китайский иероглиф. Год рождения – тысяча девятьсот семидесятый. Год смерти – две тысячи девятый. Эрик, Эрик... Воистину, неисповедимы пути.

Я осторожно разложила на плите розы, постояла несколько минут. Вспоминать... не хотелось, потому что это было бы слишком больно. Мы не были близки по-настоящему, но, по словам Джейн, Эрик не хотел моей смерти – и, наверное, уже за это его следовало простить. Впрочем, и прощать не за что. Побеждая, мы все чем-то жертвуем, ничто не дается просто так, в виде красиво упакованного подарка. Даже Джейн... Все-таки обрела покой, пожертвовав собственной жизнью. А я обрела саму жизнь, приняв жертву Джейн. Уфф.

Тоскливо, невозможно тоскливо на сердце. Грусть сочится из-под каждого камня, слезы блестят на траве. Почему?..

Последний взгляд на могилу. Прощай, Эрик, спи спокойно. Ты наверняка устал от такой долгой жизни, настало время для отдыха.

И вдруг... Я подобралась. Что за странное, противоестественное сомнение, Лера? Тебе не нравится обелиск? В нем что-то не так?!!

Под каблуком хрустнула раздавленная роза. А я, ничего не видя перед собой, вцепилась обеими руками в холодную грань черной призмы, все еще не веря, пытаюсь окончательно разобраться в собственных ощущениях.

...Солнце садилось, щедро засыпая кладбище прощальными лучами. А я сидела на мраморной плите и хихикала, размазывая по щекам слезы и совершенно не понимая – зачем плакать.

Обелиск оказался пустышкой. Никто не плакал над ним, никто не отдавал последнюю честь погибшему. Ни грана сочувствия, сожаления. Ни капли злорадства. Ни-че-го. Разве что... Опасение, что обман раскроется.

Эрика не было здесь, его вообще, судя по всему, не было на кладбище. Бернард специально дал палачу Джейн возможность убедиться в том, что жертва погибла сама, что нужно прекратить поиски... Ха! Швейцарец не разглядывал пристально ментальное поле Джейн, иначе бы убедился в том, что оно слегка изменилось!

Я достала платок, вытерла лицо и медленно побрела обратно. К машине.

* * *

Выследить Бернарда оказалось непросто, но я терпеливо ждала, смотрела, запоминала. Когда есть деньги, перед тобой открыты многие двери, и двери частных детективных агентств в том числе. В итоге следы старого лиса привели меня в частную клинику на окраине города, тихое и хорошо охраняемое местечко. Знать бы еще, зачем мне туда нужно? Что я скажу Эрику?..

Охранник только покосился на изящную рыжеволосую женщину, хлопнувшую дверцей вишневого «Опеля». Медсестра в приемной – вчерашняя выпускница мединститута – долго изучала мое лицо, затем почему-то попросила документы.

– Его зовут Эрик, – я умоляюще взглянула на нее, – простите, я точно знаю, что он здесь. Он... Мы были... хорошими друзьями. Я могу его навестить?

– Честно говоря... нет, – девчонка опустила глаза, – видите ли, наш клиент очень долгое время находился в критическом состоянии, и пускать кого-либо к нему сейчас... мы опасаемся, что это может ему повредить.

– Послушайте, – я наклонилась ближе к ней, – я клянусь... я обещаю, что с ним не случится ничего плохого. Он будет рад меня видеть, правда! Ну, поверьте, пожалуйста... Мне... очень нужно с ним повидаться. Это важно, и для него, и для меня...

И уверенным движением опустила в нагрудный кармашек сестрички хрустящую купюру в сто евро.

– Ну, зачем же так, – щеки девушки стремительно зарумянились, – я бы... я бы вас, наверное, и так провела...

– У вас работа трудная, – я заговорщицки подмигнула, – позвольте мне побыть с ним пять минут наедине.

Мы пошли по широкому и чистому коридору с белым потолком и бежевыми стенами и полом. Дверей было немного, все они казались плотно закрытыми.

– Вы, наверное, уже в курсе, – щебетала сестричка, – вашего друга доставили к нам в критическом состоянии. Его начинили свинцом так, что у Михалсаныча руки опускались. Два раза сердце останавливалось... И то, что он наконец пришел в сознание... Просто чудо! Вы верите в чудеса?

Я вздохнула.

– Верю.

– Вы уж, прошу, не волнуйте его, не беспокойте, – она остановилась перед очередной безликой дверью, – а то меня точно уволят, если что...

– Ничего плохого не случится, – повторила я.

– Почему-то я вам верю, – девушка улыбнулась.

А я вдруг заметила, что у нее такие же красивые зеленые глаза, как у Джейн. Вернее, как теперь у меня. И россыпь едва заметных веснушек возле вздернутого носика, и детские ямочки на щеках...

– Идите, – сказала она, – только не долго.

Я толкнула дверь и переступила порог.

...Почему-то любят палаты красить в нежно-зеленый цвет. Может быть, такой оттенок и правда нервы успокаивает – я как будто очутилась в городской больнице. Разве что трещин на потолке не было, и штукатурка не отваливалась в углах.

У широкого окна с молочно-белыми занавесями стояла добротная деревянная кровать. В изголовье – металлический держатель для капельниц. Я усиленно заморгала, в глаза словно песком швырнули... А вот и рука поверх одеяла, игла в вене, и комочек ваты устроился в локтевом сгибе. Одеяло чуть заметно шевелится, и только так видно, что человек на кровати дышит.

Не решаясь вздохнуть, я на цыпочках приблизилась и заглянула в лицо спящему. Да, это в самом деле был Эрик. Исхудавший, пожелтевший, весь опутанный трубками и какими-то проводками. В первую нашу встречу мне подумалось, что он напоминает Киану Ривза... Теперь, как ни странно, сходство только усилилось.

Попискивали какие-то приборы, выстроенные в ряд в углу за кроватью. Тихо вздымалась грудь изможденного, чудом выжившего человека. Не инквизитора, не колдуна. Просто одного человека, с которым мы никогда не были друзьями. К которому... я и сейчас не знала, как мне к нему относиться.

Я подошла вплотную к кровати и осторожно взяла руку Эрика в свою. Тут же всполошились приборы, запищали истошно – но ненадолго. Ресницы задрожали, по восковому лицу прошла болезненная судорога, и Эрик открыл глаза.

– Ты... – он прищурился, глядя на меня.

Так же, как и прочие, он видел во мне только Джейн, а потому я решила и оставаться ей.

– Не думала, что ты будешь прятаться, Генрих.

– Я... не... это Бернард. Я не... просил.

Он вглядывался в мое лицо, осторожно, но вместе с тем очень внимательно. Может быть, надеясь на сочувствие?

– Как ты? – тихо спросила я.

– Делай то... что должна, – резко выдохнул он, – когда ты... наконец решишься?

– Чувство вины жить мешает? – я усмехнулась, – наверное, нужно было сразу сказать ей всю правду, а?

Глаза, так похожие на ягоды спелой черной смородины, внезапно расширились. Безвольные пальцы в моей руке дрогнули, стискивая мое запястье.

– Ты не Джейн, – вдруг прошептал Эрик, – Лера!

– Что за чушь, – буркнула я.

Меня задело за живое то, что только этот колдун сподобился увидеть истинную меня, новую хозяйку тела англичанки.

Эрик улыбнулся уголком рта.

– Глупо... отрицать... Теперь я... уверен... Валерия. Зачем пришла?

Я хмыкнула.

– Не знаю. Может быть, хотела услышать твои извинения. За то, что кормил меня сплошной ложью, за то, что обнадежил... В то время как знал, что девушка Валерия уже приговорена. Тобой, или твоим бывшим дружкой... Теперь уже неважно, да? Может быть,

мне хотелось услышать парочку извинений еще и за то, что называют «поломанной жизнью». За то, что моя жизнь навеки потеряна, а я заперта в теле Джейн, хотя, должна признать, быть мисс Файерхилл не так уж и плохо.

– Я... не буду... оправдываться, – тяжело выдохнул колдун и закрыл глаза, – если пришла убить, то... Кому ты... отдала кольцо, Лера?!!

– Неважно, – я выдернула свою руку из пальцев Эрика, – теперь уже все равно ничего не исправить. И убивать я тебя не буду, тебе и так досталось. И еще... я знаю, зачем мне было нужно кольцо. Джейн оставила письмо.

Он молча смотрел на меня. И улыбался.

– Можешь передать Бернару, что его глупая шутка с обелиском не удалась, – сварливо добавила я, – а теперь мне пора. Больше не приду, не беспокойся.

Взгляд Эрика не отпускал, приклеился к моей переносице словно кусок скотча.

– Счастливо оставаться, – буркнула я, – выздоравливай. И еще... Постарайся исчезнуть. Стань кем-то другим. Это личная просьба Джейн.

– Ты... простишь меня? – тихо спросил он.

– А оно нужно тебе, это мое прощение?

Я пошла прочь, все еще ощущая на себе взгляд, в котором плескалась тихая радость, почти счастье. Радость эта почему-то заставила быстрее биться сердце, словно глоток хорошего шампанского, побежала теплом по жилам.

К черту! Я – ведьма.

И... я наконец стала свободной.

По крайней мере, мне так казалось.